АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
IX

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

Р Е Д К О Л Л Е Г И Я

О. С. Ахманова, *Н. А. Баскаков*, *Е. А. Бокарев*, *В. В. Виноградов* (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *А. И. Ефимов*, *Н. И. Конрад* (зам. главного редактора), *В. Г. Орлова*, *Г. Д. Санжеев*, *Б. А. Серебренников*, *Н. И. Толстой* (и. о. отв. секретаря редакции), *А. С. Чикобава*, *Н. Ю. Шведова*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

Й. ШТОЛЬЦ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА И АТЛАСА СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

Словацкие диалекты с начала возникновения славистической науки привлекали внимание видных славистов. Еще И. Добровский, основоположник славистики, отдавал должное словацкому языку и его диалектам. Такие выдающиеся ученые более позднего времени, как Ф. Палацкий, П.-Й. Шафарик, Я. Коллар, А. Бернолак, Л. Штур, М. М. Годжа, Ф. Миклошич, В. Ягич и другие, привлекают в своих работах материал словацкого языка.

Как предмет специального диалектологического исследования словацкие диалекты рассматриваются в работе А. В. Шемберы «Основы чехословацкой диалектологии» [1]. Работа Фр. Пастрнка «Очерки по фонетике словацкого языка в Венгрии» [2] основана главным образом на языковом материале опубликованных в то время словацких народных преданий. С целью создания словацкого лингвистического атласа Пастрнек в 1893 г. публикует в журнале «Slovenské pohľady» специальную анкету, рассчитанную на словацкую интеллигенцию. Регулярно до 1897 г. Пастрнек делал сообщения о результатах ответов на анкету. После публикаций Пастрнка в Словакии началось собирание фольклорного материала — сказок, народных песен, пословиц и т. д. В этот же период О. Брох изучает восточнословацкий диалект [3]. Вопрос о происхождении словацкого языка и о его месте в семье славянских языков был выдвинут на передний план Т. Д. Флоринским [4].

Благодаря деятельности Пастрнка к изучению словацких диалектов был привлечен С. Цамбель — первый словацкий диалектолог в подлинном смысле слова и создатель словацкой диалектологии. Цамбель придерживается того принципа, что литературный язык базируется на диалектах и поэтому его система и кодификация должны непосредственно вытекать из состояния диалектов. Задуманный С. Цамбелем труд должен был стать настоящим компендиумом словацких диалектов. В обширном плане задуманного труда намечались введение и четыре раздела. Первый раздел должен был содержать связные тексты и другой языковой материал, второй раздел — грамматический анализ приведенных текстов; в третьем разделе предполагалось дать лексический анализ материала, в четвертом — обобщающее исследование о месте словацкого языка в семье славянских языков. В 1892—1905 гг. Цамбель собрал богатый текстовой материал, особенно в Восточной и Средней Словакии. В 1906 г. он издал первую часть первого раздела под названием «Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Východoslovenské nárečie». Материалы, относящиеся к Средней Словакии, Цамбель издать не успел; их позже опубликовал Й. Поливка [5].

Принципы исследования Цамбеля во многом вполне приемлемы и сейчас. Так, например, языковые проблемы он понимает не изолированно, но всегда в связи с общественными отношениями, колонизацией, культурными течениями, передвижением народов и т. д. Неоконченный труд Цамбеля, первый значительный шаг в развитии словацкой диалектологии, свидетельствует о том, что его автор был человеком широких планов и огромной трудовой энергии, вдохновенным и самоотверженным работником.

После 1918 г. с новым планом работ выступает В. Важны, который с 1921 по 1930 г. издал 26 вопросников, рассчитанных прежде всего на учителей, студентов и других местных жителей Словакии. Результаты своей анкеты В. Важны систематически помещает в журналах «Slovenské pohľady» и «Sborník Matice slovenskej» с 1922 по 1930 г. К 1930 г. у Важного было уже свыше 1100 корреспондентов, он имел ма-

---

[1] A. V. Šembera, Základové dialektologie československé, Vídeň, 1864.

[2] Fr. Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn, Wien, 1888.

[3] См. O. Broch, Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn, Kristiania, 1897.

[4] Т. Д. Флоринский, Лекции по славянскому языкознанию, ч. 2, Киев, 1897.

[5] J. Polívka, Súpis slovenských rozprávok, sv. I, «Matica slovenská», 1923.

териал более чем из 800 населенных пунктов. Этот материал был расписан на карточки и к 1946 г. собран в богатую картотеку, которая вполне доступна и теперь и которая в свое время была использована довольно скромно. Сам Важны считал свою анкету информационной, пробной и готовился предпринять со специалистами обследование на месте заранее определенных населенных пунктов с целью создания атласа словацких диалектов. Но это мероприятие Важны уже не смог осуществить. Результаты своих исследований Важны представил в многочисленных статьях и, особенно, в работе «Словацкие наречия», где дана обобщенная характеристика словацких диалектов[6].

В. Важны возглавлял исследовательскую работу по словацким диалектам вплоть до 1938 г. Под его руководством словацкая диалектология совершенствуется в методологическом отношении, разрабатывается теоретически; к работе привлекается ряд специалистов, и до сих пор работающих в области словацкого языкознания.

В этот период научный интерес к словацкому языку и словацким диалектам возрастает и за пределами государства. Кроме чехословацких языковедов, проблемы, связанные с внутренней системой словацких диалектов, разрабатывают также польские, болгарские, венгерские, голландские и другие языковеды. Особенно живая дискуссия развертывается по вопросам, касающимся места словацкого языка в ряду других славянских языков, в частности по вопросу о южнославянских элементах в среднесловацких диалектах, о месте восточнословацких диалектов в чехословацкой языковой группе и под. Некоторые из этих вопросов, имеющих большое значение для славистики в целом, до настоящего времени остаются открытыми или же являются разрешенными лишь частично. Они нуждаются в исследовании, опирающемся на учет всей системы словацкого языка в очень широких общественно-исторических связях.

Во время второй мировой войны в 1939—1945 гг. координированной работы не велось. Не было закончено и предприятие, целью которого было картографирование основных фонетических и морфологических явлений и предварительное подведение итогов лингво-географических замыслов Важного.

В 1946—1947 гг. складываются благоприятные условия для обследования словацких диалектов в Венгрии (проведено в 1946 г.), в Югославии (проведено в 1947 г.), а позднее и в Болгарии. Итоги этих обследований были опубликованы и будут публиковаться в дальнейшем. В 1947 г. на новых организационных основах Институт словацкого языка Словацкой Академии наук начал обследование по новой программе (вопроснику) всех населенных пунктов на сплошной территории словацкого языка. Предполагалось, что собранный материал позднее будет обобщен в Атласе словацкого языка.

Обследование длилось пять лет и в 1951 г. в основном было закончено. За это время всего получено 2606 ответов (из 2400 населенных пунктов). Материал был разобран, была создана простая удобная картотека. Это предприятие — наибольший успех словацкой диалектологии, если иметь в виду продолжительность обследования, богатство материала (750 вопросов, почти 1800 обязательных слов), привлечение сравнительно большого числа (около 100) специально подготовленных работников из рядов способных студентов-славистов Университета им. Коменского в Братиславе. Работа оказалась успешной и в качественном отношении. Недостатки и недосмотры встречаются в обычном количестве. Процент ошибочных данных и записей относительно невелик. После 1951 г. материал частично пополнялся, было подготовлено несколько исследований, но деятельность по организации широких коллективных обследований и предварительной обработки материалов приостановилась. Приходится с сожалением признать, что в настоящее время работы над атласом ведутся разобщенно, без твердого графика и без внутреннего плана. Имеющиеся результаты картографирования представляют собой лишь отдельные эскизы, созданные в некоторых случаях не для атласа, а для других целей.

После IV Международного съезда славистов в Москве в связи с задачами создания общеславянского лингвистического атласа возобновилась организация работ на широкой основе. Мы надеемся, что добьемся хороших результатов не только при собирании материалов, которое будет интенсивно продолжаться, но и в обобщающей обработке методом лингвистической географии хотя бы некоторых участков, которые являются наиболее характерными для словацкого языка и наиболее важными с общеславянской точки зрения.

*

Нам хотелось бы указать на ряд вопросов, связанных с нашей работой и с планами на ближайшее будущее. Существенное значение здесь имеет проблема программы и картографирования собранного материала. Первостепенное значение вопросника подчеркивается в докладах и мате-

---

[6] V. V á ž n ý, Nářečí slovenská, «Československá vlastivěda», díl III, Praha, 1934.

риалах, опубликованных к IV Международному съезду славистов[7]. Диалектологический вопросник — это программа, которая определяет содержание и объем конкретного диалектологического обследования. Вопросник создается по мере того, как уясняется и формулируется проблематика темы, которую автор задумал разработать для решения определенной задачи. Постановка задачи — весьма важное дело, ею определяется характер вопросника и всей последующей работы. Дело в том, что вопросник может быть отвечающим всем требованиям и полным лишь настолько, насколько полна сама авторская концепция. Вопросник включает в себя основной материал, на котором будет базироваться результат работы. Результат будет надежным лишь постольку, поскольку правильно выбраны опорные пункты сбора материала. Таким образом, в вопроснике проявляется, собственно, уже определенная проблематика с неизвестным или частично известным решением. Вопросник — один из путей поисков этого решения на основе конкретного материала. И поскольку поиски решения — процесс, заранее неопределимый, постольку, по сути дела, и вопросник вплоть до достижения конечных итогов работы не может быть законченным, точно так же, как не может быть прекращен дополнительный подбор необходимых материалов, доводов, доказательств.

Всякий вопросник должен отражать свою проблематику в полном объеме. В принципе вопросник должен быть очень конкретным, так как он представляет собой поиски предметных, материальных основ для дальнейших исследований. Чем больше конкретных примеров, тем легче найти общую закономерность и точнее ее сформулировать. Объем конкретного материала в вопроснике определяется объемом конкретного диалектного явления. Во всяком случае лучше, чтобы вопросник был по возможности шире и исчерпывал все характерные явления. Иногда встречается большое количество отдельных случаев, которые не могут быть четко разграничены. Конечно, было бы излишне специально оговаривать все подобные случаи, но все же необходимо отметить, что вопросник не должен быть скупым даже и здесь. В конце концов, лучше сделать выборку из материала, чем прийти к выводу на основе недостаточного запаса примеров.

Указанными соображениями мы руководствовались при составлении нашего вопросника в 1947 г. Он распадается на три рода обязательных слов, предназначенных для выяснения вопросов фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Некоторые слова используются дважды и трижды. Первоначально вопросник содержал почти 4000 слов; в нем рассматривалось огромное количество отличающихся друг от друга явлений. Впоследствии выяснилось, что продолжать работы в соответствии с этим максималистским планом нецелесообразно и что определенное число обязательных слов можно исключить из сферы общесловацкого обследования и перенести в сферу обследования локального. Это имело место в тех случаях, когда различия встречались в пределах небольшой географической области или же в пределах диалектного целого, например в рамках только западнословацких или восточнословацких диалектов.

Мы полагаем, что обследование территории должно вестись в рамках определенного времени. При слишком переполненном вопроснике не удалось бы избежать нежелательной затяжки работы и переутомления как собирателя, так и информатора. Это неизбежно привело бы к притуплению внимания и находчивости собирателя, которые требуются при наблюдении артикуляции, при ведении разговора, обработке и формулировании вопросов и создании такой ситуации, чтобы информатор сразу же и наверняка дал нужный ответ. Это чрезвычайно важные моменты, и о них нель-

[7] См.: Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн, Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа, М., 1958; З. Штибер, О проекте общеславянского диалектологического атласа, «Славянская филология. Сборник статей», I, М., 1958.

зя забывать при определении объема вопросника, так как от них в значительной мере зависит надежность материала. Даже самое тщательное методологическое наставление не предостережет собирателя от ошибок, обусловленных непомерным объемом работы. Обстоятельства и расположение духа собирателя и информатора всегда будут более сильным фактором, чем воодушевленное стремление к полноте диалектологических фактов. Важно, чтобы собиратель проверил установленные факты у информаторов различного возраста, профессий, а также у интеллигенции. Это тоже серьезный момент, который необходимо учесть при распределении времени.

Из всего сказанного вытекает, что вопросник не должен быть переполнен материалом и что в связи с этим при его составлении следует руководствоваться принципами экономии. Число обязательных слов нужно сокращать, правда, лишь в такой мере, чтобы не нарушить необходимую полноту материала, служащего основанием определенной темы. Осторожность требует никогда не отказываться от возможного расширения числа обязательных слов, полный инвентарь которых руководитель обследования во всяком случае должен иметь.

Систематическое обследование большой территории должно привести к постепенному созданию серии вопросников, которые явятся частями единого общего плана, осуществляемого по определенным взаимосвязанным циклам. Таким путем могут возникнуть вопросники, содержащие материал по определенной ограниченной теме или отдельному важному явлению. Вопросник может касаться или только географического распространения явления, или же может быть направлен на решение общих проблем, на установление различных слоев явлений внутри общего целого и под. Такого типа частные вопросники, вероятно, будут необходимы при изучении диалектной лексики. Их надо строить по отдельным семантическим сферам, чтобы сразу же определилась цельная терминологическая область, поскольку отдельные явления следует оценивать, исходя из целого.

Опыт показал, что наш вопросник был максималистским, хотя мы и сократили первоначальное число заглавных слов более чем наполовину (с 4000 до 1700). Вопросники меньшего размера, помимо указанных преимуществ, позволяют более практично разрешить и техническую сторону. Все это, естественно, предполагает наличие организационного центра с научными кадрами, осуществляющими теоретическое и организационное руководство, и со специально подготовленными сотрудниками, которые бы обрабатывали и классифицировали собранный материал, содержали бы его в хорошем состоянии и вели бы административную сторону дела.

В процессе работы был выдвинут еще один максималистский принцип: обеспечить ответы на вопросник в каждом словацком населенном пункте. Данная цель была достигнута. Это имеет существенное значение потому, что словацкие диалекты еще и сейчас значительно дифференцированы. В некоторых местах в целом ряде сел, расположенных по соседству, представлены диалекты, которые существенно отличаются друг от друга. Названный метод хотя и является желательным, однако необязателен. При работе на месте всегда относительно легко удается установить, можно ли выбрать населенный пункт, представляющий всю группу населенных пунктов, или нужно обследовать отдельно каждый из них. Густота сетки, таким образом, не может быть равномерной.

Охарактеризованные выше принципы можно было бы осуществить и при обследовании говоров словацкого языка. Но в наших условиях это не имело бы большого смысла. В своей работе словацкие диалектологи более охотно осуществляли максималистские требования, собственно говоря pium desiderium каждого диалектолога. В наших условиях это имеет и определенное теоретическое значение. Дело в том, что территория сло-

вацкого языка невелика, число населенных пунктов здесь не превышает 2500 (подсчет можно вести по-разному в зависимости от того, учитываются ли населенные пункты по административному делению или же считаются самостоятельными населенными пунктами и небольшие поселения, относящиеся к первым). Поэтому мы считали весьма интересным собрать материал из всех населенных пунктов и тем самым одновременно выполнить требования двух во многом несовместимых диалектологических постулатов: множество материала — из множества населенных пунктов. Противоречие между этими постулатами практически проявляется в том, что при осуществлении одного, как правило, нельзя в той же степени осуществить второй. Оценка словацкого материала будет способствовать решению этого методологического вопроса. Но уже и сейчас ясно, что последовательное и систематическое осуществление обоих постулатов с методологической стороны было бы чрезмерным. В данном случае вполне оправданы осторожные поиски среднего пути, который можно определить лишь в процессе собирания диалектного материала и его предварительной обработки. Однако и такой материал не всегда может быть надежным показателем для всех планов языковой структуры, потому что проблематика может различным образом перекрещиваться в различных планах. И найти такую сеть пунктов, в которой отражалось бы все множество явлений, — дело очень трудное и в теоретическом отношении рискованное. При выборе сетки серьезное значение имеет также учет факторов миграционных, культурных, общественных, экономических и под., поскольку они способствуют концентрации или дифференциации диалектов на данной территории.

Для установления густоты сетки нет единого критерия для всех славянских языков. Этим можно объяснить, что предложения относительно числа пунктов обследования весьма различны[8]. При установлении сетки и выборе пунктов обследования следует исходить из локализации явлений в отдельных славянских языках, чтобы не ускользнули от внимания особенности их языковой структуры. Белые пятна на диалектологических картах всегда придется рассматривать как неустановленные. Важно не то, что иногда граница какого-нибудь явления пройдет на несколько сел правее или левее — это, в сущности, не повлияло бы на общую географическую картину. Хуже, если из-за редкой сетки пунктов не будут зафиксированы те или иные явления.

Изготовление нескольких десятков или сот карт не исчерпывает всей проблематики словацких диалектов. Лингвистическая география стала теперь неотделимой частью лингвистического исследования, ее положение как лингвистической дисциплины все более укрепляется. Атлас отдельного языка будет создаваться по этапам, он будет постепенно увеличиваться и обогащаться новыми явлениями, а иногда и новыми разделами.

Лингвистический комментарий к атласу мы понимаем более широко, чем обычный пояснительный текст. Лингвистическая карта не должна стать изолированной целью работы, лингвистическая география не должна становиться самоцелью. Атлас является средством лингвистического объяснения, но не самым объяснением. Фиксирование географического положения на карте само по себе ничего не объясняет, но зато хорошо помогает объяснить ту проблему, которая является предметом лингвистического разыскания. В связи с этим атлас представляется в виде определенным образом систематизированного и классифицированного языкового материала, подобно картотеке, подготовленной для чернового исследования. Возникает вопрос, есть ли смысл прилагать столько усилий и средств для подготовки очень дорогого издания лингвистического атласа. Возможно, было бы более целесообразно довести атлас,

[8] Ср., например, названные выше статьи Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна и Зд. Штибера.

так сказать, до лабораторного состояния, на основе которого можно было бы подготовить текст карты для нужд конкретного исследования. Действительно, собрание карт в виде атласа не может непосредственно служить базой для лингвистического исследования. Карта в атласе не должна обязательно фиксировать каждое отдельное явление. Автор так или иначе должен будет предпринять нужное ему обследование и сам сделать необходимые карты. Поэтому нам кажется, что были бы рентабельны лишь такие атласы, собрания карт и под., которые являлись бы частью диалектологических монографий, географическими иллюстрациями конкретного языкового явления.

Лингвистический атлас или же лингвистическое картографирование является вспомогательной дисциплиной для диалектологического исследования и ни в коем случае не заменяет последнего. Лингвистический атлас — лишь картографическая или, лучше сказать, лингво-географическая часть основной характеристики языка.

*

Мы искренне приветствовали решение IV Международного съезда славистов в Москве о создании общеславянской комиссии, задачей которой явится организация общеславянского лингвистического атласа. Мы с радостью возьмем на себя те задачи, которые выпадут на нашу долю в этом грандиозном исследовательском предприятии.

Наше участие в работе над атласом, несмотря на нашу небольшую территорию, бесспорно является очень важным. Дело в том, что на территории словацкого языка проходят изоглоссы наиболее значительных явлений, по которым классифицируются славянские языки. Некоторые из этих явлений еще не исследованы должным образом. Явления, изоглоссы которых, пересекаясь, образуют узлы на территории словацкого языка, могли бы стать исходным моментом при отборе объектов картографирования для общеславянского атласа.

При рассмотрении вопросов, связанных с отбором обязательных слов для общеславянского лингвистического атласа, в первую очередь возникает вопрос о назначении и конечной цели атласа. Следует так подготовить вопросы, чтобы приводилось не только слово или форма, но и кратко обозначалась соответствующая проблема, оговаривалось, какой грамматический, фонетический, семантический и т. п. момент выясняется на примере данного слова. Это необходимо особенно в тех случаях, когда названное слово или его данная морфологическая или фонетическая форма в каком-нибудь языке отсутствовала и собиратель может ответить на вопрос отрицательно. Если будет указано, что именно требуется выяснить на примере данного слова, то в случае его отсутствия собиратель мог бы иллюстрировать соответствующее явление на примере другого слова.

При отборе обязательных слов следует учитывать возможность определенных осложнений, обусловленных историческим развитием отдельных славянских языков. Большой процент слов, особенно слов основного словарного фонда, будет общим. Несомненно, также общим окажется большое число новых слов, особенно из области технической терминологии. Однако наверняка будут представлены и значительные семантические различия, с которыми надо считаться. В вопроснике следует всегда учитывать установление не только наличия слова, но и его значения. И первое, и второе в ответе должно быть указано отдельно. Здесь окажутся и такие случаи, когда у слова существуют два различных и противоположных значения. Приведем пример из словацких диалектов. Во всех этих диалектах представлено имя прилагательное *svieži* и прилагательное *čerstvý*, *črstvý*, выступающее обычно как синоним первого. Но на определенной территории восточнословацких говоров в этом значении употребляется только прилагательное *svieži*, в то время как прилагательное

čerstvý передает противоположное понятие, т. е. имеет значение «старый, засохший» (например, *ščerstveti* — о хлебе; ср. русск. *черствый* в значении словацкого *tvrdý*). Значит, в таком случае было бы недостаточно лишь установить факт существования слова *čerstvý*, так как это для некоторых говоров могло бы привести к неправильному выводу. Подобные различия могут быть и между отдельными славянскими языками.

Исследование и картографирование лексических явлений встречает, кажется, наибольшие трудности и осложнения. Словарь славянских языков является более дифференцированным, чем это обычно предполагается. Во многих случаях обнаружатся весьма сложные факты, которые, даже если они не представляют большого интереса для картографирования, во всяком случае могут быть использованы для вспомогательных целей. Еще более запутанная ситуация обнаруживается в области фразеологии, где прямо и непосредственно отражаются национальные особенности. Гораздо более простым делом будет составление вопросника фонетического и морфологического, а также синтаксического. Это объясняется системным характером данных областей, в которых инвентарь явлений ограничен и развитие определялось не только внешними факторами, но и внутренними отношениями системы языка. В то время как в области лексики возможны различные количественные наслоения, не объединенные ясной внутренней гармонией, в грамматической и фонетической областях существует органическая связь между тем, что было, и тем, что есть. Эти области могут быть представлены в общеславянском вопроснике более полно и связно, а материал из этих областей можно картографировать без особых трудностей, поскольку целью картографирования является воспроизведение типа. В словаре же речь идет о передаче отдельного слова и его фонетических или морфологических вариантов, которые будут перекрещиваться с вариантами семантическими, стилистическими и под., так что общая картина может быть очень сложной и запутанной.

В таких случаях нужно будет картографировать на одной карте только фонетические варианты, на другой — только морфологические, на третьей — только лексико-семантические и под. Например, при картографировании словацкого слова *d'at'el'ina* «клевер» и всех его вариантов следует на отдельной карте зафиксировать все фонетические варианты (*d'at'el'ina — d'ät'el'ina — gät'el'ina — jat'el'ina — datelina — jatelina* и т. д., также *trojka — trujka*); на отдельной карте следовало бы дать противопоставление основных лексических вариантов (*d'at'el'ina — trojka — trebič — koničina — trebikoňina* и т. д.) как лексических эквивалентов одного и того же понятия. Подобных случаев, несомненно, будет много и в общеславянском масштабе.

Проблематика общеславянского вопросника по лексике чрезвычайно сложна. Эту сложность еще более увеличивает то обстоятельство, что сеть пунктов обследования должна быть очень сокращена. В результате этого не будет учтено множество вариантов, которые могут иметь существенное значение при окончательных выводах. В то время как при нанесении на карту фонетических или морфо-синтаксических явлений в отношении белых мест можно говорить о весьма возможном наличии определенного типа, в словаре такой уверенности, собственно, быть не может, так как словарь не представляет собой такой системы, в которой из наличия явления А можно было бы сделать заключение о наличии A^1. Лексические типы имеют совершенно иной характер, чем фонетические или морфологические. Мы можем, например, говорить о пастушеской терминологии валашского типа. Однако этот терминологический тип вряд ли где-нибудь встречается во всей полноте, в нем представлены элементы терминологии иного типа. Очевидно, словник будет самым трудным участком в процессе работ над общеславянским лингвистическим атласом, хотя его полезность и важность сомнений не вызывают.

Из круга вопросов, касающихся общеславянского лингвистического атласа, прежде всего были затронуты те, в которых проявляется общеславянская проблематика. Однако нельзя упускать из виду и явления, общие только для некоторых славянских языков. Здесь возникает еще и та трудность, что требования к отбору материала с точки зрения отдельных славянских языков будут неодинаковыми. То, что для одного языка является важным, для другого может быть второстепенным или не имеющим значения. Подобные случаи будут скрещиваться и усложнять общее решение.

Приведем несколько примеров. Для территории русского языка характерны проблемы, связанные с аканьем. Они имеют свое значение для лингвистической географии восточнославянских языков, для остальных славянских языков этой проблематики не существует. Возникает вопрос, нужно ли это явление включать в общеславянский лингвистический атлас. Нам кажется, что нужно, так как оно связано с состоянием других явлений и в связи с ними указывает на важные изменения в функционировании определенных звуков.

В западнославянских языках большую фонологическую роль играет количество, которым чешский и словацкий языки отличаются от соседних славянских языков. Границу, которая обозначит на карте пространство, где количество имеет фонологическое значение, необходимо включить в общеславянский атлас. Но в среднесловацком диалекте количество в слове подчиняется так называемому ритмическому закону, по которому в слогах данного слова, непосредственно следующих друг за другом, происходит нейтрализация количества в последующем слоге, если предшествующий долгий. Если разбирается древность этого закона и его генезис, как и генезис количества вообще в связи с перестройкой праславянской интонационной системы, то мы должны отвести в атласе надлежащее место и этому среднесловацкому явлению, в территориальном отношении сравнительно небольшому, но имеющему значение при общем рассмотрении количественных и интонационных отношений. Так же, например, картографирование словацкого гласного *ä* (мягкого переднего *a* или же широкого *e*) — вопрос собственно словацкого языка; однако при объяснении этого явления нужно искать параллели и в других словацких языках, например в болгарском и польском (хотя там они имеют иной смысл).

При установлении предметного содержания и при отборе обязательных слов для вопросника (и атласа) в первую очередь должны быть взяты явления, которые имеют первостепенное значение для классификации славянских языков, т. е. явления древние, относящиеся по крайней мере к периоду распада праславянских диалектов в X в. По мере углубления в древность проблематика атласа становилась бы все проще, пока не ограничилась бы сравнительно немногочисленными типами. Разумеется, в общеславянском лингвистическом атласе будут представлены все явления, которые приводятся при традиционной классификации славянских языков, такие, как, например, праславянская метатеза плавных в группах *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*, *ort*, *olt*, рефлексы редуцированных, развитие слоговых плавных *r*, *l*, рефлексы носовых гласных, различные способы палатализации и т. д. При изучении материала позднейших периодов речь будет идти уже о распадении древнейшего типа на ряд новых, различным образом дифференцированных и расположенных на небольших территориях. В некоторых случаях расхождение, возможно, окажется узко-территориальным и не связанным с соседними типами. Подобные расхождения могли прослеживаться в общеславянском атласе лишь постольку, поскольку они касаются явления генетически гомогенного и системного. Так, в восточнословацком диалекте изменение *tort*, *tolt* > *trat*, *tlat* имеет системный характер, но наряду с правильным *chlapec* здесь представлен польский лексический элемент *chlop*. Если бы

изоглосса праславянской метатезы прослеживалась на примере слова *chlop*, был бы достигнут неправильный результат, если иметь в виду объем изменения *tort*, *tolt* > *trat*, *tlat* как изменения системного характера. Естественно, что подобные случаи могут встретиться и в других областях. Поэтому отбор обязательных слов и типов явлений — ответственное и трудное дело.

Таким образом, в общеславянском лингвистическом атласе можно будет зафиксировать древние явления системного характера, представленные на больших территориях и характеризующие крупные диалектные единицы. Дальнейшее более подробное разграничение явлений частично можно было бы оставить на долю лингвистических атласов отдельных национальных языков. Это касалось бы лишь таких явлений, которые не переходят за пределы территории национального языка и не имеют никакого отношения к явлениям других языков. Для каждого отдельного пограничного случая критерии должны определяться особо. Если какое-нибудь явление переходит границы своего национального языка, то оно должно стать объектом общеславянского атласа. В определенных случаях было бы уместно сделать небольшие собрания карт (атласы), прослеживающие более узкую проблематику, например только западнославянскую или только чешско-словацкую, чешско-польскую, словацко-украинскую и под.

Ясно, что общеславянский лингвистический атлас ни в коем случае не может и не должен заменить лингвистические атласы национальных языков. Наоборот, общеславянский лингвистический атлас делает необходимым картографирование территории отдельных славянских языков. Успех в работе над общеславянским лингвистическим атласом обусловлен успешным составлением национальных атласов. Общеславянский лингвистический атлас явится как бы систематизацией сведений, имеющихся в национальных атласах, теоретическим обобщением этих сведений и приведением их к общему знаменателю. В отношении материала общеславянский лингвистический атлас и атласы национальных языков точно дифференцировать невозможно. Здесь будут неизбежные перекрещивания, поскольку при создании национального атласа нельзя забыть о принадлежности национального языка к семье славянских языков не только в плане географическом, но в первую очередь в отношении языковой системы. Поэтому и здесь найдут свое отражение общеславянские явления.

Организация работ по общеславянскому лингвистическому атласу — дело очень ответственное. Оно предполагает наличие действенного, инициативного центра с необходимым международным весом и авторитетом. Созданная на IV Международном конгрессе славистов в Москве Общеславянская диалектологическая комиссия, состоящая из представителей национальных комиссий, наметила твердый план и уже сейчас энергично и целеустремленно приступила к его осуществлению. Поэтому мы вправе надеяться, что общеславянский лингвистический атлас будет создан. Следовало бы указать еще на необходимость хорошо налаженной информационной службы, обмена публикациями, анкетами, вопросниками и другими пособиями, необходимость взаимных посещений и обсуждений методологических и иных вопросов. С самого начала встает важный вопрос о транскрипции. Уже теперь нужно подумать о единой технике картографирования, о составлении по единому принципу не только карт всей территории славянских языков, но и вспомогательных карт территорий отдельных национальных языков.

Перевел со словацкого
Л. Н. Смирнов

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

С. Е. КРЮЧКОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ

ТИПЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ОДНОМУ СЛОВУ ИЛИ СЛОВОСОЧЕТАНИЮ ГЛАВНОЙ ЧАСТИ

Вопрос типологии сложноподчиненных предложений до сих пор остается одним из наиболее сложных и спорных вопросов. Традиционная логико-семантическая классификация придаточных предложений и классификация сложных предложений по словесным группам союзов и союзных слов[1] до сих пор находят своих сторонников среди ученых-лингвистов. Так, даже в вышедших за последнее время вузовских курсах синтаксиса мы находим обе указанные точки зрения, иногда сочетающиеся с попытками семантико-структурного анализа сложноподчиненных предложений.

Вместе с тем следует отметить, что за последние годы в вопросе о сложноподчиненных предложениях произошел несомненный сдвиг в сторону их структурно-семантического описания[2]. Задачи в области изучения сложного предложения, которые поставил В. В. Виноградов во «Введении» ко II тому Академической грамматики, являются, по существу, описанием метода исследования сложноподчиненных конструкций: «Необходимо сосредоточить внимание на всех конструктивных формах сложного предложения, включая и интонацию, и порядок слов, и наличие или отсутствие соотносительных с союзом слов, и синтаксические функции типизированных лексических элементов, и разные способы морфологического выражения синтаксической связи, например при посредстве форм вида и времени глагола и др.». И далее: «...основной задачей изучения сложных предложений является точная грамматическая характеристика их структуры и определение их типов и групп, отличающихся друг от друга как по выражаемым ими отношениям, так и по особенностям их структуры»[3].

В данной статье рассматриваются сложноподчиненные предложения с придаточной частью, относящейся к одному из слов или словосочетаний главной части. В связи с этим некоторые признаки структуры, важные при анализе сложноподчиненных предложений (например, модальные и видо-временные соотношения предикатов главной и придаточной частей) и особенно ярко проявляющиеся в конструкциях, в которых придаточная часть относится ко всей главной части, затрагиваются в статье только в тех случаях, когда эти соотношения являются признаком, различающим отдельные группы и подгруппы.

---

[1] Ср. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 100.

[2] Наибольший интерес представляют работы Н. С. Поспелова «О грамматической природе сложного предложения», сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950 и «Сложноподчиненное предложение и его структурные типы», ВЯ, 1959, № 2. Показательно, что в журнале «Русский язык в школе», рассчитанном на широкие читательские круги, появились статьи: В. А. Белошапковой «Строение сложного предложения в современном русском языке» (1959, № 4); И. А. Федосова «О термине „части сложного предложения“» (там же); С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова «О классификации придаточных предложений и их изучении в средней школе взрослых» (1959, № 5) и др.

[3] См. «Грамматика русского языка», т. II, стр. 103, 105.

Вместо трех структурных типов (присубстантивно-атрибутивного, местоименно-соотносительного и изъяснительного), выделяемых Н. С. Поспеловым в кругу предложений, анализируемых нами, мы выделяем пять структурно-семантических типов: 1) присубстантивно-относительный, 2) местоименно-соотносительный, 3) изъяснительно-относительный, 4) изъяснительно-союзный, 5) местоименно-союзный соотносительный. Каждый тип дифференцируется в зависимости от особенностей структуры и семантического соотношения частей на ряд групп и подгрупп.

1. Присубстантивно-относительный тип

Сложноподчиненные предложения данного типа характеризуются, во-первых, тем, что придаточная часть относится к имени существительному или другому субстантивированному слову в главной части независимо от того, каким членом предложения является существительное или субстантивированное слово; во-вторых, относительным подчинением; в-третьих, постпозитивным по отношению к определяемому слову положением придаточной части.

По наблюдениям Н. С. Поспелова, предложения данного типа бывают двух видов: 1) предложения, в которых придаточная часть выполняет только определительную функцию, восполняя своим значением лексически неполноценное для данного контекста имя существительное, например: «Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно» (Пушкин, Роман в письмах); 2) предложения, где придаточная часть, относясь к существительному, лексическое значение которого не нуждается в обязательном для данного контекста определении, содержит новое сообщение. Содержание придаточной части соотносится в таком случае с содержанием всей главной части, например: «Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо» (Пушкин, Капитанская дочка).

Не прибегая к таким терминам, как одночленность и двучленность, нерасчлененность и расчлененность, мы назовем предложения первого вида определительно-выделительными[4], так как придаточная часть в этом случае служит для видовой дифференциации субстантивного понятия в главной части, а предложения второго вида — определительно-присоединительными, так как придаточная часть содержит добавочное сообщение ко всей главной части. Последний термин не вступает в противоречие с уже имеющимися терминами «присоединение», «присоединительные связи», так как присубстантивно-относительные предложения второго вида, несомненно, в какой-то мере близки к присоединительным конструкциям с относительным подчинением.

Наличие в пределах присубстантивно-относительных конструкций двух указанных видов основывается на особенностях лексических значений существительных, к которым относится придаточная часть: неопределенность лексического значения, его неполнота обусловливают конструкции первого вида, определенность лексического значения, его полнота — конструкции второго вида. Кроме того, следует заметить, что структурно-семантические особенности определительно-присоединительных предложений находят поддержку в самом характере относительного

[4] А. Н. Гвоздев (см. его «Современный русский литературный язык», ч. II, М., 1958, стр. 221) пользуется термином «выделительная группа» (ср. *Это лес, который я люблю*), противополагая ей группу определительных предложений, в которых придаточные предложения дают качественную характеристику предметов (ср. *Это лес, какой я люблю*). Такое деление нельзя считать оправданным по следующим причинам: 1) далеко не все предложения, отнесенные А. Н. Гвоздевым к выделительным, служат для выделения; определительно-присоединительные конструкции, которые, по А. Н. Гвоздеву, тоже попадают в выделительные, выполняют другую функцию; 2) предложения второй группы вообще не относятся к данному типу (см. местоименно-соотносительный тип и др.).

подчинения в данном типе: согласуясь с определяемым словом в роде и числе (что характерно для слов с атрибутивной функцией), относительное местоимение *который* в то же время имеет автономный падеж, сближаясь таким образом по функции с личными местоимениями 3-го лица.

Разграничение определительно-выделительных и определительно-присоединительных видов присубстантивно-относительных предложений при отсутствии широкого контекста и указательных слов в главной части может вызвать затруднение. Так, например, такое предложение, как *Я встретил Зою, которая недавно вернулась из командировки*, может быть понято и как определительно-выделительное (именно ту Зою, а не другую какую-нибудь), и как определительно-присоединительное (Я встретил Зою, она вернулась из командировки). Однако существуют определенные формальные средства для выражения обоих значений. Чтобы избежать двусмысленности, нужно для выражения первого значения ввести в главную часть указательное местоимение, а для выражения второго необходимо, по нашим наблюдениям, отсутствие указательных слов в главной части и более широкий контекст. Указательные местоимения, таким образом, играют в данном типе роль выделительных частиц. Об этом говорит и безударность их, и чисто служебная функция.

Кажется, эти виды отличаются друг от друга и по интонации: для определительно-присоединительных предложений на границе частей обычны интонационные спады и паузы, что предложениям определительно-выделительным несвойственно.

2. Местоименно-соотносительный тип

Сложноподчиненные предложения данного типа характеризуются конструктивным соотношением местоимений, одно из которых (указательное, реже определительное или отрицательное) находится в главной части, а другое (относительное) — в придаточной. Сюда относятся такие предложения, как «Кто весел, тот смеется» (Лебедев-Кумач); «Я тот, кого никто не любит» (Лермонтов, Демон); *Хорошо тому, кто в ненастные дни сидит под кровлей дома*; *Он все сделал так, как ему велели*; *Он живет там, где жил его отец* и др. под.

Как и в предыдущем типе, придаточная часть в данных предложениях прикрепляется к одному из слов главной части. Однако в этих предложениях таким словом оказывается местоимение, а не полнознаменательное слово, и поэтому говорить о распространении (определении) одного из слов главной части придаточной частью здесь уже нельзя — придаточная часть здесь наполняет содержанием указательное слово. Характернейшей особенностью данного типа, по утверждению Н. С. Поспелова, является то, что «придаточная часть в подобных конструкциях еще глубже, чем в присубстантивно-атрибутивном типе (так Н. С. Поспелов называет наш предыдущий тип.— *С. К.*, *Л. М.*), входит в структуру главной части; главная часть, семантически не завершенная, еще теснее связана с придаточной» [5].

Из приведенных примеров видно, что в данный тип входят весьма различные с логико-семантической точки зрения придаточные предложения (и так называемые придаточные подлежащные, и сказуемостные, и дополнительные, и различные обстоятельственные предложения).

В пределы данного типа, с точки зрения структурно-семантической, включаются четыре группы, довольно четко отличающиеся друг от друга как по семантическому соотношению частей, так и по структуре: 1) указательно-относительные, 2) указательно-относительные уточнительные, 3) относительно-указательные сопоставительные, 4) относительно-обобщительные. Возможно, что ту или иную группу можно рассматривать как

[5] ВЯ, 1959, № 2, стр. 23.

особый тип. Мы включаем все четыре группы в один тип потому, что во всех приводимых ниже группах связь главной и придаточной части осуществляется при помощи соотносительных пар местоимений.

1) Указательно-относительные предложения

Указательно-относительные предложения представляют местоименно-соотносительный тип наиболее полно и отчетливо. Местоименная соотносительность не осложнена здесь другими конструктивными элементами, а значит, и другими добавочными значениями. Сложноподчиненная конструкция отличается своеобразным синтаксическим параллелизмом, выражающимся не только в соотносительности местоимений, но и в интонации (характерные паузы). Функция придаточной части целиком сводится к тому, чтобы наполнить содержанием указательное местоимение в главной части. Именно по этой причине мы иллюстрировали данный тип примерами предложений этой группы. Однако даже внутри этой довольно цельной группы имеются разновидности. Несколько отличная структура наблюдается в тех же по значению конструкциях при опущении, где это возможно, указательного слова в главной части. Например: *Кто ясно мыслит, ясно излагает* и *Тот, кто ясно мыслит, ясно излагает*; *Сделай, что обещал* и *Сделай то, что обещал*. Ср. также: «Блажен, кто смолоду был молод» (Пушкин, Евгений Онегин); *Возьми, сколько хочешь, денег*; *Он поступил, как надо* и др. Очевидно, что при таком опущении связь между главной и придаточной частью оказывается еще более тесной: придаточная часть входит структурно и интонационно в одну из синтагм главного предложения, стремится стать членом простого предложения. Ни о каком интонационном расчленении, которое возможно при акцентировании указательного слова, здесь, естественно, не может быть и речи. Названные предложения не выходят за пределы данной группы, так как они теснейшим образом связаны с предложениями, имеющими указательные слова; отсутствие указательных слов создает некоторую неполноту главной части.

Если сравнить устойчивые пары соотносительных местоимений, то нетрудно убедиться в том, что эта устойчивость у них различна; это объясняется морфологической природой соотносительных слов. Наибольшей устойчивостью обладают наречные пары *там — где*, *туда — куда*, *оттуда — откуда*, *так — как*, *столько — сколько*. Большей свободой соотношений обладают местоимения-существительные, что выражается в целом ряде особенностей. Указательное и относительное местоимения-существительные могут выступать в самых различных падежных вариантах по отношению друг к другу, например: *тот — кто*, *того — кому*, *того — кем*, *о том—кому* и т. д. Указательное местоимение *тот* может сочетаться с относительными местоимениями-прилагательными *который*, *чей* [«Бессмертен тот, чья муза до конца Добру и красоте неизменяла...» (Плещеев, Памяти А. С. Пушкина); «Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней» (Лермонтов, Княжна Мери)]. В качестве соотносительного местоимения в главной части могут употребляться определительные местоимения *весь*, *каждый* и др., что также расширяет семантические возможности местоименных соотношений; ср.: «Все, что мог, ты уже совершил» (Некрасов, Размышления у парадного подъезда); «Каждый, кто честен, встань с нами вместе» (Ошанин, Гимн демократической молодежи). Соотносительные указательные и определительные местоимения в главной части рассмотренных предложений субстантивируются. Можно думать, что конструкции с соотносительными парами *то — что*, *тот — кто*, *все — что*, *каждый — кто* и др. под. представляют отдельную структурно-семантическую подгруппу в пределах данной группы, близкую к присубстантивно-относительному типу[6].

[6] В этот тип включал такие конструкции В. А. Богородицкий (см. «Общий курс русской грамматики», М.—Л., 1935, стр. 230—231).

2) Указательно-относительные уточнительные предложения

В отдельную группу выделяются сложноподчиненные конструкции с уточнительным значением. Оно возникает в результате отнесения придаточной части к аналогичному по синтаксической функции члену главной части, выраженному полнознаменательным словом, при котором имеется обособленное уточняющее указательное слово. Наполняя содержанием обособленное указательное слово и занимая, таким образом, позицию обособленного уточняющего члена предложения, придаточная часть, естественно, имеет то же значение, что и уточняющий член. Местоименная соотносительность, характерная для данного структурного типа, при этом обычно не нарушается. В качестве уточнительных могут выступать все виды сложноподчиненных конструкций, входящих в данный тип. Например: *Один из сотрудников, тот, на кого мне указали, ознакомил меня с работой*; *Справа от дороги, там, где начиналась роща, устроили птицеферму*; *Он получил 5 билетов, столько, сколько просил*; *Дело суд решил в пользу матери, так, как все и ожидали*; *Погода плохая, такая, какая была и вчера* и т.д.

Наиболее употребительными оказываются конструкции с придаточными, уточняющими обстоятельства места и времени[7]. Например: *Мы свернули вправо, туда, где сверкала речка*; *Приходите ко мне завтра, тогда, когда закончите статью*. Указательные слова в этом случае, как и в предыдущей группе, могут опускаться.

Уточняющая придаточная часть может относиться и к обстоятельствам, выраженным именем существительным. Например: «На закате, когда солнце сплющенным шаром опускалось в оранжевое безоблачное зарево, Даша встретила Бессонова...» (А. Н. Толстой, Сестры).

Подобные предложения, где нет указательных слов, имеют переходный характер. Особенно это касается конструкций с придаточными частями, уточняющими место. Например: *Батальон окопался у рощи, где проходила большая дорога*. Здесь, кажется, необходима постановка указательного местоимения, чтобы получить уточняющее значение. При отсутствии указательного местоимения двусмысленность может быть устранена особой пояснительной интонацией.

Уточняющая функция придаточной части в конструкциях данной группы обусловливает и положение ее по отношению к главной — это только интерпозиция или постпозиция. Препозиция придаточной части здесь решительно невозможна.

3) Относительно-указательные сопоставительные предложения

В особую группу выделяются предложения, в которых крайне затруднительно выделить главную и придаточную части. Наличие сопоставительной частицы *и* во второй части (или ее возможность) и строгий синтаксический параллелизм конструкций, выражающийся часто не только в соотносительности местоимений и интонационной двучленности, но и в соотносительности построения частей (глагольных форм, эллиптических предикатов и др.),— таковы основные структурные особенности предложений данной группы. Хотя образовываться данная модель может при помощи различных местоименных пар, общее значение конструкции остается неизменным — это значение сопоставления. Ср.: *Каков привет, таков и ответ*; *Откуда дождик, оттуда и снег*; *Как аукнется, так и откликнется*; *Что посеешь, то и пожнешь*; *С кем поведешься, от того и наберешься* и др. под.

---

[7] При анализе предложений с уточняющими временными придаточными необходимо учитывать, что в них местоименная соотносительность в значительной мере нарушается за счет выветривания местоименного значения в слове *когда*.

Большая степень фразеологизации, устойчивость этой модели, которая употребляется преимущественно в качестве пословиц[8], также составляет отличительную черту предложений данной группы. Структурно-семантические особенности предложений этой группы не позволяют поставить их, как предлагает Н. С. Поспелов, в один ряд с такими местоименно-соотносительными предложениями, как *Кто весел, тот смеется*. Однако и выделять их в отдельный семантико-структурный тип, как это сделано в классификации В. А. Богородицкого[9], кажется, не совсем правильно, поскольку у предложений типа *Кто весел, тот смеется* и *Кто весел, тот и смеется* связь частей осуществляется при помощи соотношения местоименных слов, т. е. типологический признак у них оказывается одинаковым.

4) Относительно-обобщительные предложения

Предложения данной группы также представляют большую степень фразеологизации. Помимо конструктивно-обязательного соотношения местоимений (относительного в придаточной части и определительного — обобщительного — или отрицательного в главной части), необходимым элементом модели является усилительная частица *ни*, следующая обычно за относительным местоимением. Здесь так же, как и в предыдущих группах, связь может осуществляться при помощи различных по морфологическому классу местоимений, что не меняет общего значения конструкций (значение обобщения, часто сопровождаемое уступительным оттенком). Ср.: *Где бы ни появлялся этот маленький мальчик, всюду ему были рады*; *Он все читает, что ему ни дай*; *Сколько ему ни предлагали проектов, он все отвергал* и др. под.

При отсутствии местоименной соотносительности в конструкциях «относительное слово + *ни*» преобладающим оказывается уступительно-противительное значение с обобщительным оттенком, что обусловливает возможность постановки между частями сложного целого противительного союза. Такие предложения не могут быть отнесены к местоименно-соотносительному типу. Они представляют собой модели, в которых придаточная часть соотносится с содержанием главной части во всем ее объеме; ср.: «Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой...» (Чехов, Три сестры).

В заключение анализа данного типа следует остановиться на отграничении его от следующего типа — изъяснительно-относительного. Такие предложения, как «Бабушка не поняла того, что он сказал», включаются Н. С. Поспеловым в местоименно-соотносительные. Однако поскольку придаточная часть в данном случае восполняет лексическую неполноценность изъяснительного глагола *понять*, обладающего сильным конструктивным управлением, указательное слово *того* не является соотносительным местоимению *что*. Ср. возможность сочетания указательного местоимения *того* с самыми различными относительными словами: «Бабушка не поняла *того*, *как* он это сделал, *откуда* у него взялись деньги, *зачем* он явился» и т. д. В предложениях, представляющих данный структурный тип, соотносительность местоимений обязательна и никакие замены невозможны. Предложениями местоименно-соотносительного типа можно считать только такие, в которых относительное местоимение придаточной части соотносится с местоимением главной части, стоящим не при изъяснительных глаголах. В последнем случае мы будем иметь изъяснительно-относительный тип.

---

[8] Предложения данной группы широко употребительны и в живой разговорной речи; при этом параллелизм в организации частей может и не выдерживаться строго. Ср.: *Сколько хочешь, столько и возьми*; *Кто первый приготовился, тот пусть и отвечает* и др.

[9] В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 231—232.

3. Изъяснительно-относительный тип (косвенный вопрос)

Данный тип характеризуется тем, что придаточная часть присоединяется относительными местоимениями (существительными, прилагательными, наречиями, числительными) к словам определенных лексико-морфологических групп — к изъяснительным глаголам, отглагольным образованиям или имеющим изъяснительный смысл словам категории состояния, нуждающимся в обязательном конструктивном управлении[10]. При этом безразлично, какими членами предложения являются эти слова. От изъяснительно-союзного типа рассматриваемый тип отличается относительным подчинением. Отличительной особенностью этого типа является более или менее ясно выраженное значение косвенного вопроса и возможность любой относительной замены (ср. *Спросил, кто, куда, зачем пошел* и т. д.). Соотносительные указательные слова главной части не представляются в данном типе столь же обязательными, как в предыдущем. И с исторической точки зрения они, очевидно, вторичны.

Степень связи главной и придаточной части зависит в данном типе от того, в какой мере в придаточной части проявляется значение косвенного вопроса. Чем яснее выражено вопросительное значение, тем менее тесной является связь частей. Значение косвенного вопроса может быть более или менее отчетливым в зависимости от места придаточной части по отношению к главной, от лексического значения изъясняемого глагола (содержит он указание на вопрос или нет) и от наличия указательных слов в главной части. Ср., например, такие ряды 1) *Как все это получилось — мне неизвестно* и *Мне неизвестно, как все это получилось*; 2) *Я спросил, как это случилось* и *Я понял, как это могло случиться*; 3) *Я спросил, как это произошло* и *Я спросил о том, как это произошло*. В каждом втором из парных примеров значение косвенного вопроса ослабляется.

4. Изъяснительно-союзный тип

Данный тип отличается от предыдущего союзным подчинением и отсутствием значения косвенного вопроса. Связывает их отнесенность к изъяснительным глаголам и словам глагольного типа. Для данных конструкций характерна стабильность союзов *что, чтобы, будто*, необязательность указательного слова в главной части; употребление подчиненной части в препозиции затруднительно или даже вовсе невозможно. Смысловое соотношение частей своеобразно: основная смысловая нагрузка переносится с главной части на придаточную, а главная часть выполняет роль, близкую к роли вводно-модальных слов, т. е. заключает оценку (рациональную или эмоциональную) сообщения, которое содержится в придаточной части[11].

Отдельные изъяснительные глаголы и слова категории состояния, лексическое значение которых приближается к значению широких модальных характеристик, вообще могут терять свои морфолого-синтаксические приметы и переходить в разряд вводно-модальных слов, утрачивая при этом и союзное подчинение (ср.: *Мне кажется, что он пришел* и *Кажется, он пришел*). В союзно-изъяснительных конструкциях глаголы и слова категории состояния не теряют своих основных лексико-грамматических качеств — эти качества лишь ослабляются позицией.

Отношения говорящего к сообщаемому, выражаемые главной частью сложноподчиненных предложений данного типа, очень разнообразны: это и рациональные отношения, определяющие степень достоверности сообщения (*я думаю, считаю, полагаю, мне кажется, думается, мне понятно, известно, ясно* и под.), и эмоциональные отношения, опреде-

---

[10] См. выделение группы изъяснительных предложений у В. А. Богородицкого, указ. соч., стр. 233—234. Ср. также у Т. П. Ломтева в «Очерках по историческому синтаксису русского языка», М., 1956, стр. 540—548.

[11] Ср. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, 2-е изд., СПб., 1912, стр. 300.

ляющие эмоциональную оценку говорящим сообщения (*я горжусь*, *радуюсь*, *мне приятно*, *грустно*, *радостно* и под.), и модальные отношения желательности-нежелательности (*я хочу*, *мне хочется*, *нужно* и под.), и установление источника сообщения (*он сказал*, *он удостоверил* и под.), и определение порядка следования частей и выводов сообщения (*это значит*, *отсюда следует* и под.) и др.

Главная часть в союзно-изъяснительных конструкциях утрачивает характер независимой коммуникации, в связи с чем придаточная часть представляет собой не столько распространение изъяснительного слова, как это обычно указывается, сколько основную единицу коммуникации, которая оценивается (обслуживается) главной частью. Степень утраты главной частью своего ведущего положения в составе сложного целого бывает различна и зависит от определенных условий. К таким условиям относятся: 1) наличие или отсутствие при изъяснительном слове указательных местоимений; 2) степень распространенности главной части; 3) лексическое значение изъясняемого слова; 4) морфологический разряд изъясняемого слова.

При наличии указательного местоимения в главной части изъяснительное слово получает формальное распространение, а следовательно, и формальную законченность уже в ней. Придаточная часть в таких случаях раскрывает указательное управляемое слово главной части. Наличие или отсутствие указательных местоимений может зависеть от лексического значения поясняемого слова. Чем ближе оно к модальным значениям тем менее обязательно, а иногда и невозможно употребление указательного местоимения, стоящего при глаголе. Ср. такие глаголы, как *считать*, *решать* и др. под., и такие, как *думать*, *знать* и т. п. Вообще модальность главной части в любом случае снижается при распространении изъясняемого слова. Ср.: «Говорили, что Кубань готовит восстание против Добровольческой армии» (Шолохов, Тихий Дон); «Упорно говорили и о том, что в станицах Кубани и Терека к донцам относятся резко враждебно...» (там же).

Снижает степень модальности и отнесение придаточной части не к предикативным формам изъясняемых слов, а к деепричастиям, причастиям и, особенно, к отглагольным и неотглагольным существительным. Например: «Разговоры, что скоро будет премьера, волновали его» (ср. это предложение с двумя предыдущими); «Распорядившись, чтобы поскорей запрягали, Проскуров приказал позвать к себе сотского» (Короленко, Убивец); «... Ласка, еще с утра понявшая, что едут на охоту, навизжавшись и напрыгавшись досыта, сидела на катках подле кучера...» (Л. Толстой, Анна Каренина); «Я оставил Душет с приятной мыслию, что ночую в Тифлисе» (Пушкин, Путешествие в Арзрум).

5. Местоименно-союзный соотносительный тип

Для данного типа обязательна соотнесенность указательного слова в главной части с союзом в придаточной части и, следовательно, постпозитивное или интерпозитивное положение придаточной части. Например: «Снег уже настолько осел, что местами можно по насту проехать» (Салтыков-Щедрин, Губернские очерки); «Трудился так крестьянин мой, Что градом пот с него катился» (Крылов, Обезьяна).

Придаточная часть может, как в приведенных примерах, не только наполнять содержанием указательное слово (значение степени), но и иметь другое, более широкое, значение, вытекающее из соотношения главной и придаточной частей во всем их объеме (значение следствия).

В других предложениях данного типа придаточная часть имеет только одно значение.

Например: «Оттого я присмирел, Что я слышу топот дальний, Трубный звук и пенье стрел...» (Пушкин, Песни западных славян). Здесь со-

держание придаточной части полностью соответствует значению указательного слова, относящегося ко всему предикату в целом. Значение причины не сопровождается никакими дополнительными значениями (ср. *Я сегодня не пойду в кино потому, что должен готовиться к докладу*). Именно такие конструкции являются базой образования сложных союзов.

В зависимости от перечисленных семантико-структурных особенностей предложения данного типа делятся на две группы: 1) предложения, в которых соотносительность указательного слова и союза не может приводить к образованию новых сложных союзов или, если приводит, то при этом наблюдается семантический сдвиг; 2) предложения, в которых на базе местоименно-союзной соотносительности возникают без существенного семантического сдвига сложные союзы.

К первой группе относятся весьма различные как по элементам, входящим в соотношение (указательные слова — союзы), так и по значениям придаточных частей конструкции. Ср.: «На другой день хоронили, и после похорон гости и духовенство ели много и с такой жадностью, как будто давно не ели» (Чехов, В овраге) — в придаточной части совмещаются значения степени качества, обозначенного существительным, и сравнение; «Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потерли снегом...» (Чехов, Ванька) — в придаточной части совмещается значение степени качества, обозначенного наречием, и сравнение; «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» (Н. Островский, Как закалялась сталь) — здесь в придаточном предложении совмещаются значения способа действия и цели с оттенком степени, и др. под.

На основе структурно-семантического анализа в этой группе выделяется ряд подгрупп: а) предложения с придаточными частями, выражающими степень и следствие (соотношения *такой*, *так*, *настолько*, *до того*, *до такой степени* — *что*); б) предложения с придаточными частями, выражающими степень и сравнение (соотношение *такой*, *так* — *как*, *как будто*, *будто* и др.); в) предложения с придаточными частями, выражающими способ действия, степень и цель, назначение (*такой*, *так* — *чтобы*).

Остановимся более подробно на особенностях первой подгруппы, так как эта модель наиболее продуктивна. Здесь объединяются такие конструкции, как: *Она такая красивая, что все на нее засматриваются; Она так* (*настолько*, *столь*, *до того*, *до такой степени*) *красива, что все на нее засматриваются; Она так красиво одевается, что все на нее засматриваются*; *Денег у него было так много, что можно было накормить сто человек*. Синтаксическая роль прилагательного, наречия или количественного слова, с которым сочетается указательное местоимение, не оказывает влияния на значение самой конструкции. К этой же подгруппе следует отнести и такие эллиптические конструкции главной части, в которых имя прилагательное или наречие опускаются (количественные слова опускаться не могут). Ср.: *Урожай такой, что сердце радуется; Она была так одета, что привлекала всеобщее внимание*. В подобных случаях, очевидно, указательные местоимения *такой*, *так* получают добавочное общекачественное значение.

Во всех перечисленных конструкциях придаточная часть, наполняя содержанием указательное местоимение при качественных словах, указывает на степень качества или на меру количества. Вместе с тем она имеет и другое значение — значение следствия, которое соотносится со значением всей главной части[12].

---

[12] В «Грамматике русского языка», т. II, ч. 2, стр. 341—342, такие конструкции относятся к сложноподчиненным с придаточным следствия.

Подведем некоторые самые общие итоги.

1. В рассмотренных типах придаточная часть относится к слову или сочетанию слов определенных лексико-морфологических классов, независимо от того, какими членами предложения являются эти слова.

2. Только при относительном подчинении, которое наблюдается в первых трех типах, функция придаточной части сближается с функцией соответствующих членов предложения, однако даже здесь их нельзя назвать тождественными, как показывает более дифференцированный анализ внутри каждого типа; ср. определительно-присоединительные, сопоставительные и др. предложения.

3. При союзном подчинении соотношения главной и придаточной частей отличаются от соотношения частей при относительном подчинении: в изъяснительно-союзном типе придаточная часть начинает выражать основное содержание, а главная — обслуживать ее; в местоименно-союзном относительном типе придаточная часть, помимо значений, вытекающих из связи с указательным словом, получает другие, несоотносимые с ним значения.

4. Деление сложноподчиненных предложений на «одночленные и двучленные», «расчлененные и нерасчлененные» представляется излишне схематичным. Более соответствует живым фактам языка деление сложноподчиненных предложений на предложения, придаточная часть которых относится к одному из слов главной части, и предложения, придаточная часть которых присоединяется ко всей главной части; при этом необходимо указывать на наличие переходных семантико-структурных типов и групп.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

В. Г. АДМОНИ

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1

Изучая историю синтаксической системы какого-нибудь индоевропейского языка именно как историю системы, а не как набор отдельных разрозненных синтаксических изменений, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью учитывать те общие тенденции в развитии синтаксического строя, которые были свойственны индоевропейским языкам на ранних этапах их раздельного существования и которые уходят своими корнями еще дальше, в закономерности развития синтаксической структуры в индоевропейском языке-основе. Не зная того направления, по которому развивался синтаксический строй данного языка в его дописьменный период, нельзя глубоко понять и всего дальнейшего развития синтаксического строя, а тем самым и всей структуры этого языка.

Однако сравнительно-историческое установление не только общих закономерностей развития синтаксической системы индоевропейских языков в древнейшие периоды их существования, но и отдельных синтаксических категорий и явлений того времени представляет огромные трудности. До синтаксических фактов в сравнительно-историческом плане можно добраться в значительной степени лишь окольным путем, через посредство морфологических данных, которые в известной мере в свою очередь производны, а именно устанавливаются на основе данных сравнительной фонологии.

Между тем в трактовке морфологической системы индоевропейского языка-основы существует множество неясностей, и последние десятилетия поставили под вопрос многое из того, что казалось более или менее ясным в начале века. Так, была выдвинута концепция, согласно которой местоимение как морфологическая категория представляет собою не одно из древнейших явлений грамматической системы индоевропейского языка, а сравнительно позднее образование. И все же постановка некоторых общих вопросов развития синтаксического строя представляется в высшей степени актуальной. В частности, особенно важным представляется нам рассмотрение вопроса об общей перестройке структуры простого предложения, происходящей в процессе развития индоевропейских языков от эпохи языковой общности к современному состоянию. Речь идет о развитии тех форм, которые создают структурное единство предложения, о принципах его организации. При этом в стороне будет оставлен, однако, важнейший формальный момент, обеспечивающий единство предложения,— ритмико-интонационные средства — как из-за трудности установления конкретных форм ритмико-интонационного построения предложения в более древние эпохи, так и из-за наличия целого комплекса специфических проблем развития структуры индоевропейского предложения в морфолого-синтаксическом плане.

Указанные выше трудности в сравнительно-историческом исследовании синтаксического строя заставляют с самого начала выдвинуть несколько методических требований.

1. Надо ориентироваться на такие категории и формы морфологического строя, которые с максимальной очевидностью и бесспорностью были свойственны индоевропейскому языку-основе на последнем этапе его существования как некоего единства, и на наиболее очевидные значения и функции этих форм. Очевидность и бесспорность вытекают здесь из точного соответствия значения и функции данной формы во всех индоевропейских языках с допуском лишь отдельных исключений. Так, можно считать установленным, что действительно общими для индоевропейских языков являются категории спрягаемого глагола и именительного падежа независимо от генезиса этих категорий.

2. В качестве общих тенденций развития строя индоевропейских языков, заложенных уже в самой структуре индоевропейского языка-основы, надо рассматривать те явления, которые возникали во всех или по меньшей мере в значительном большинстве древних индоевропейских языков. В связи с этим не столь существенным для раскрытия общих путей синтаксического развития индоевропейских языков оказывается точное разграничение тех категорий и явлений, которые были представлены непосредственно на позднейших этапах развития языка-основы, и тех категорий и явлений, которые оформились уже как общее явление в отдельных языках.

3. Основным объектом анализа — по крайней мере на данном этапе работы над сравнительно-историческим синтаксисом — должно быть выделение общих явлений структурной организации предложения в его соотношении со структурой слова, т. е. установление не столько отдельных частностей сочетаемости и синтаксических функций отдельных морфологических форм, сколько основных закономерностей построения синтаксических единиц языка.

Кроме того, в качестве общих предпосылок при исследовании структуры индоевропейского предложения в его развитии нам кажется целесообразным считаться со следующими закономерностями синтаксического строя, которые реально устанавливаются пока лишь для некоторых отдельных языков, но которые предположительно могут встречаться в более широком объеме.

1. Одним из важнейших факторов развития синтаксических явлений следует признать общие структурно-синтаксические закономерности, складывающиеся в данном языке. При выработке в языке некоторого ряда структурно-однородных способов организации и членения предложения этот ряд в условиях общей перестройки синтаксического строя оказывает давление на другие элементы синтаксического строя, уподобляя их себе в структурном отношении.

2. В качестве принципиально важного материала должны быть учтены и наиболее «крайние» из специфических стилевых систем, складывающихся в некоторых жанрах художественной литературы. Получившая широкое распространение хотя бы в некоторых пластах языка стилевая манера не может быть, как правило, чуждой тем или иным существенным чертам языкового строя, а только выдвигает их на первый план, хотя и доводит иногда до гротеска. Поэтому такие явления, как именной строй предложения в санскритской философской литературе, как усложненная синтаксическая структура (Hyperbaton) древнегреческих писателей классической поры и цицероновской латыни, как полностью подчиненная рамочной структуре проза немецкого литературного языка XVIII в.,также могут дать важные показания об определенных тенденциях в развитии синтаксического строя соответствующих языков.

2

В исследованиях ряда ученых подчеркивается — прямо или косвенно — устойчивость, неизменность общей структуры предложения в индо-

европейских языках. Такова преобладающая точка зрения у представителей младограмматического направления. Чрезвычайно ясное выражение она получила в завершающей работе Бругмана, посвященной синтаксическому строю простого предложения в индоевропейских языках. Подчеркивая различие синтаксических черт в различных стилистических пластах языка, Бругман отмечает, что простое предложение в индоевропейском было уже настолько цельным и полным (komplex), что к его структуре мало что прибавилось и в современных языках[1].

Среди концепций, отмечающих принципиальные, качественные сдвиги в развитии общей структуры индоевропейского предложения, можно выделить два направления.

Одно из этих направлений, касаясь, правда, не структуры предложения как таковой, а всего синтаксического строя индоевропейских языков, выдвигает на первый план переход к более удобным и ясным конструкциям, в той или иной мере связывая этот процесс с развитием мышления. Иногда момент соответствия с логическими формами мышления оказывается даже ведущим. Так, один из крупнейших авторитетов в области сравнительно-исторического синтаксиса Я. Вакернагель считает, что в развитии синтаксического строя индоевропейских языков может быть обнаружен определенный прогресс, заключающийся в том, что «более новые формы выражения в целом соответствуют логике в бóльшей степени, чем более старые формы»[2]. Он ссылается здесь в первую очередь на перенос энклитических словечек с позиции после первого слова в предложении на позицию после тех слов, к которым они синтаксически относятся. Это означает, с точки зрения Вакернагеля, преобладание логического принципа соединения слов над чисто ритмическим.

Однако далеко не все факты во всех индоевропейских языках подтверждают это положение Вакернагеля. В сфере порядка слов развитие целого ряда языков ведет к закреплению или даже расширению и росту такой дистантности, которая разрывает тесно связанные между собой в семантико-логическом отношении компоненты предложения. Дистантность представлена даже во французском и английском языках, которые вообще склонны к контактному порядку слов. Чрезвычайно большое развитие получила рамочная структура в немецком языке.

Второе направление, которое можно наметить в области изучения основных путей структурного развития предложения в индоевропейских языках, рассматривает этот процесс, иногда также связывая его с развитием мышления, скорее как усложнение структуры предложения, точнее — как переход к структуре, построенной на качественно более разнообразных связях между словами и более «компактной» (переход от паратаксиса к гипотаксису).

Нам представляется, что в самом общем виде этот путь развития структуры предложения от паратактичности к гипотактичности действительно характеризует индоевропейские языки. Но здесь нужно внести существенные оговорки и уточнения, без чего весь процесс может предстать в ложном свете. Так, слишком прямое понимание паратактичности структуры древнего индоевропейского предложения привело Кнабе к выводу, что в этом предложении не только были ослаблены «единство, централизация и упорядоченность», но и вообще «само сообщение не отделялось четко от деталей, его уточняющих», и что в нем не было развитых средств «отделения главного сообщения от комментариев к нему и подчинения последних первому»[3]. При такой концепции оказывается, что древнее предло-

---

[1] Ср. K. Brugmann, Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 4.

[2] J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, Basel, 1920, стр. 63.

[3] Г. С. Кнабе, Еще раз о двух путях развития сложного предложения, ВЯ, 1955, № 1, стр. 109—113.

жение вообще не было сколько-нибудь цельной единицей и как бы расплывалось в развернутой речи. Между тем на самом деле положение здесь значительно сложнее. Вряд ли можно проецировать на одну плоскость все черты предложения, обнаруживаемые в древних индоевропейских языках, и на этом основании объявлять его по сути дела конгломератом равноправных компонентов.

То положение, которое мы застаем даже в наиболее древних известных нам памятниках индоевропейских языков, имеет уже отнюдь не первичный характер. Подлинная и как бы «сплошная» паратактичность вообще может быть установлена лишь гипотетически и по отношению к очень далеким общеиндоевропейским этапам развития структуры предложения. Но уже в период, предшествовавший расхождению индоевропейских языков, «чистой» паратактичности в структуре предложения не было. Об этом свидетельствует хотя бы наличие в хеттском языке родительного падежа, этимологически совпадающего с индоевропейским и применяющегося в аналогичной другим индоевропейским языкам приименной функции, т. е. функции определения. Ведь если вообще само по себе наличие целого ряда падежей в индоевропейском уже говорит о формальной дифференциации имен с точки зрения их функций в предложении, то наличие определительного родительного падежа особенно важно, поскольку он явно выражает синтаксическую зависимость одного имени от другого. Таким образом, уже внутри общеиндоевропейского языка совершается переход к гипотактическому строю предложения, и с того времени вплоть до современности индоевропейские языки характеризуются сочетанием паратактических и гипотактических черт.

Что касается чисто паратактического периода в развитии индоевропейского предложения, то существование такого периода в принципе допустимо. Однако здесь речь может идти лишь о древнейших эпохах, весьма далеко отстоящих от эпохи разделения индоевропейских языков, причем у нас слишком мало данных, чтобы мы могли сколько-нибудь явственно представить себе конкретную синтаксическую структуру такого индоевропейского предложения.

3

В пользу «несобранности», паратактичности индоевропейского предложения выдвигаются три важнейших аргумента. Во-первых, отсутствие согласования и управления и решающая роль примыкания (основной аргумент А. Мейе). Во-вторых, отсутствие ясных границ между предикативными и непредикативными формами. Этот момент в наибольшей мере подчеркивался А. А. Потебней. В-третьих, наличие формального параллелизма в словосочетаниях, выражающих понятия, логически непараллельные. Этот момент отмечается в той или иной мере целым рядом языковедов. Особенно углубленно он был рассмотрен (преимущественно на германском материале) С. Д. Кацнельсоном [4].

Рассмотрим все эти аргументы по порядку.

1. Пусть действительно в древних индоевропейских языках нет управления и согласования в том смысле, в котором они характерны для более новых этапов развития этих языков, т. е. пусть форма слов, несмотря на наличие флексии, не показывает зависимости одного слова от другого, а выражает лишь грамматический смысл данной формы. Все же известное структурно-синтаксическое различие между членами предложения здесь оказывается неизбежным, а именно — различие между формами, которые сами по себе или в своем сочетании способны образовывать законченные предложения, и формами, которые сами по себе недостаточны для оформ-

[4] С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, ч. I, М — Л., 1949.

ления предложения. Так, спрягаемый глагол, возможно, на каком-то этапе развития действительно был абсолютен, т. е. предикативно был совершенно достаточен сам по себе[5], не нуждался ни в дополнении, ни в предикативе, ни даже в подлежащем и не обладал, таким образом, никакой обязательной сочетаемостью[6]. Возможно также, что именительный падеж, как, впрочем, и в современных языках, в ряде функций (особенно в бытийном употреблении) также лишен обязательной сочетаемости и не нуждается ни в каких дополнительных словах, чтобы образовать законченное предложение. Но все остальные формы слов все же сами по себе, без специфической поддержки ситуации и контекста, законченных предложений образовать не могут, а должны опереться на другое слово или на сочетания слов, которые в состоянии это сделать. Все косвенные падежи, наречия, все формы прилагательного обладают обязательной сочетаемостью, но только односторонней, т. е. направленной от них к предикативно достаточным словам, при отсутствии обратной направленности.

Таким образом, и в индоевропейском предложении на основе различия между формами, достаточными и недостаточными для образования предложения, существовало тяготение одних форм к другим, что и объединяло их вокруг определенного центра, т. е. придавало предложению определенную цельность. Это была, конечно, иная цельность, чем, например, в таких современных языках, как немецкий или французский, но все же это была определенная и подлинная цельность, определенное единство. Его можно было бы охарактеризовать как некое «спокойное» единство, держащееся на одностороннем тяготении второстепенных членов предложения к необходимому, в отличие от того «напряженного» единства, которое возникает там, где сами необходимые члены предложения оказываются устремленными к второстепенным членам, не обладая синтаксической абсолютностью (превращение полноценного глагола в связочный, нуждающийся в предикативе, выработка подлинной транзитивности глагола).

2. Вторым из признаков древнего индоевропейского предложения, резко отличающих его от предложения в более новых языках, является, по словам Кнабе, опирающегося в этом отношении на высказывания Потебни, «отсутствие четкого формального разграничения предикативных и аппозитивных отношений»[7].

Практически возможность смешения предикативных и непредикативных форм сводится в основном к следующим случаям: а) смешение независимого и зависимого именительного, а также смешение предикатива и обособленного определения (приложения) в именительном падеже; б) функционирование отглагольных имен, и особенно причастия, в качестве предикативных членов предложения, параллельных спрягаемому глаголу. Однако оба эти момента на самом деле при ближайшем рассмотрении не противоречат «спокойной» структурной цельности индоевропейского предложения.

а) Употребление именительного падежа в его бытийном и назывном значении как формы, образующей самостоятельное предложение, ничем не отличается в принципе от аналогичного употребления именительного падежа в современных языках. Ср., например, подобные образования у Цицерона *clamor senatus*, *querellae*, *preces*, *socer ad pedes abiectus* (Pro Sest., 34, 74) «шум в сенате, жалобы, мольбы, припадающий к стопам тесть»[8]. Наличие подобного именительного, а также различные случаи

---

[5] Впрочем во всех реально зафиксированных индоевропейских языках, даже в древнейших памятниках, глагол обнаруживает те или иные черты связочности или даже вспомогательности, которые составляют одно из важнейших проявлений потери глаголом автономности.

[6] Ср. В. Г. Адмони, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, № 1, стр. 111 и сл.

[7] Г. С. Кнабе, указ. соч., стр. 110.

[8] Пример взят из кн.: E. Löfstedt, Syntactica, Bd. I, Lund, 1928, стр. 75—76. Ср. W. Havers, Zur Syntax des Nominativs, «Glotta», Bd. XVI, 1928.

абсолютного именительного ни в какой мере не противоречат структурному единству других типов предложения в рассматриваемую эпоху.

Употребление в глагольном предложении именительного падежа в значении, колеблющемся между предикативностью и аппозитивностью, весьма существенное с точки зрения познавательной установки говорящего и актуального членения предложения, не могло нарушить структурную цельность предложения так же, как, например, не препятствует сохранению структурной цельности предложения в современном немецком языке колеблющийся синтаксический характер краткой, формы *sorglos* в предложении *Sie erwachte sorglos.*

Употребление в качестве сказуемого именительного падежа в безглагольных двусоставных предложениях также отнюдь не исключает структурной организованности предложения, может быть, даже большей, чем в глагольном предложении, так как здесь обязательно структурной осью предложения оказываются два прочно соотнесенных друг с другом именных компонента. Интонация, порядок слов и общий контекст предложения достаточно четко оформляют здесь предложение, вероятно, отличавшееся и семантически от предложения связочного[9].

б) Особенно большое внимание исследователей, начиная с основополагающих работ Потебни, привлекало неразличение предикативности и аппозитивности у древнего причастия. В качестве яркого примера такого смешения предикативной функции причастия Потебня приводит случаи, когда спрягаемый глагол и причастие соединены сочинительным союзом типа *И въставъ Иаковъ отъ сна, и рече*[10]. Со структурной точки зрения Потебня видит в этой конструкции проявление большей «распущенности», чем в современном языке, и связывает это с наличием в предложении двух «почти равносильных» центров. Но момент такой «распущенности» здесь действительно присутствует только в том случае, если причастие как раз не воспринимается как предикативно равноправное глаголу, т. е. если оно уже является второстепенным членом предложения — предикативным определением. Если же оно само полностью предикативно, то в соответствующих конструкциях имеет место простой параллелизм однородных членов (сказуемых), никак не затрагивающий в своей основе принцип единства предложения. Таким образом, получается, что развитие идет здесь от более четкой организации предложения к более «распущенной» с тем, чтобы впоследствии перейти опять к более собранной и цельной структуре, что по сути дела резко противоречит критикуемой нами общей схеме развития предложения от отсутствия единства к единству. Кроме того, к причастиям в именительном падеже, играющим роль не простого определения к имени, а предикативно окрашенного, относится то, что было выше сказано о предложениях с предикативным именительным падежом.

3. Формальный параллелизм в словосочетаниях, которые выражают связь логически непараллельных понятий (паратаксис в словосочетаниях), в частности, постановка в одном падеже (т. е. в согласующейся форме) слов, выражающих такие разноплановые в логическом отношении понятия, как, например, часть и целое, придает, по мнению ряда исследователей, логически не дифференцированный и структурно не расчлененный характер древнему предложению. Речь идет об известных примерах типа *облить ведром водою, к чану зелена вина* и т. п.[11]. Однако повторение падежей, например творительного падежа (*ведром водою*), отнюдь не означает полного отсутствия здесь синтаксических связей и тем самым синтаксической организованности. Каждый второй (или третий и т. д.) падеж,

---

[9] Ср. E. Benveniste, La phrase nominale, BSLP, t. XLVI, fasc. 1, 1950.

[10] Ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 3-е изд., М., 1958, стр. 912.

[11] А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, Харьков, 1899, стр. 278 и сл.

если он не относится к первому как аппозиции, вступает в те же синтаксические отношения, что и первый. Соответствующие формы приобретают характер однородных членов. Если это косвенные падежи, то они оказываются параллельными дополнениями и т. п.

Конечно, при оформлении подобных сочетаний как однородных или аппозитивных их логическая разнородность и особая смысловая связь между ними остаются формально не выявленными. Но формальная невыявленность не означает здесь структурной рыхлости. Это подтверждается возникновением более или менее аналогичных сочетаний в языках, характеризующихся значительной структурной спаянностью предложения и синтаксических групп (ср. нем. *zwei Fädchen geronnenes Blut*). Появление подобных конструкций в современных языках важно еще тем, что этим демонстрируется необязательность суммарного объяснения паратаксической структуры группы существительного закономерностями архаического мышления. Здесь могут действовать и чисто структурные факторы.

4

В противоположность точке зрения, рассматривавшей развитие индоевропейского предложения как переход от отсутствия цельности к цельности, мы считаем, таким образом, возможным утверждать, что это развитие представляет собой переход от одного типа цельности к другому типу, от одной формы организации предложения к другой. На базе наличия спрягаемого глагола и полнозначных падежей, т. е. синтаксически выразительных морфологических форм, индоевропейское предложение в тот период своего развития, когда сложились эти морфологические средства, представляло собой единство, поддерживаемое самими этими формами и не нуждающееся для своего существования в дополнительных структурных средствах. Это — спокойное, ненапряженное единство.

Морфологические формы, образующие это предложение, синтаксически неравноценны, т. е. в конечном счете оформляют либо необходимые, либо второстепенные члены предложения, которые обладают обязательной сочетаемостью, направленной к необходимым членам предложения. Но спокойный, ненапряженный характер цельности предложения здесь преобладает.

Для дальнейшего развития структуры индоевропейского предложения огромное значение имеет ряд факторов. Те способы, которыми обеспечивалось единство предложения в его древней модели, действовали в полную силу при сравнительно ограниченном составе предложения. Если же количество второстепенных членов увеличивалось, причем появлялись второстепенные члены, примыкавшие к другим второстепенным членам и т. п., то структурная целостность предложения, основанного на примыкании к одному центру, оказывалась под угрозой. При значительном раздвижении границ предложения, когда оно строилось уже не столько как веер, сколько как вытянутая линия, связь и взаимодействие его отдельных компонентов не получали уже ясного выражения. А, как справедливо указывает Мейе, «число элементов, которые могут заключаться в предложении, не ограничено»[12]. Конечно, здесь, как и по всем другим линиям, невозможно провести какую-нибудь четкую грань между различными этапами в развитии предложения. Но актуальность развернутого, многочленного строя предложения, частотность соответствующих случаев, несомненно, является иной для различных этапов языкового развития.

Другим важным фактором, повлиявшим на развитие структуры индоевропейского предложения, были сдвиги в структуре индоевропейского

---

[12] А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 359.

слова. В развитии структуры индоевропейского слова был ряд этапов, характеризующихся различными тенденциями. Но в течение длительного периода, в частности, захватывающего и эпоху «спокойной», «ненапряженной» структуры предложения, основная тенденция в развитии структуры слова заключалась в обрастании корневого элемента детерминативами, аффиксами и флексией. Особенно значительным такое усложнение состава слова, возможно, в большой мере уже в пределах отдельных индоевропейских языков, было в структуре глагола, причем целый ряд формантов сравнительно более позднего происхождения вычленялся из формы слова очень четко. Такое раздвигание границ слова создавало, однако, вопреки особым законам конца слов в индоевропейском языке, определенную угрозу его цельности, особенно учитывая преобладание музыкального ударения и значительную фонетическую связанность слов в предложении (сандхи). Средством преодоления такой угрозы явилось усиление внутренней связанности, монолитности слова. Это нашло свое выражение прежде всего в выдвижении на передний план силового начала в ударении, что в той или иной мере коснулось — правда, в различные периоды — едва ли не всех индоевропейских языков.

Естественно, что эти процессы не могли не оказать влияния и на структуру предложения. Ненапряженному, спокойно текущему слову, стоящему под знаком музыкального ударения, вполне соответствовала спокойная, ненапряженная структура индоевропейского предложения. Превращение слова в более напряженное, резко очерченное единство вступало в известное противоречие с этой структурой предложения, могло создать предпосылки для появления и здесь более напряженных, структурно монолитных форм. Но еще и с другой стороны развитие структуры слова оказывалось существенным для развития структуры предложения. Как известно, усиление одного, господствующего, слога означало большее или меньшее ослабление других слогов, результатом чего в ряде случаев являлась редукция, и притом, как правило, редукция служебных слогов, особенно флексии. Морфологические формы становятся, таким образом, грамматически менее выразительными. Они частично смешиваются, их синтаксическое значение становится менее определенным. Ответом на это, естественно, должна была быть такая система организации предложения, которая позволяла бы чисто синтаксическими средствами выявить синтаксическую функцию отдельных слов в предложении, что в свою очередь вело к большей структурной закрепленности и строгости организации предложения. В разных индоевропейских языках эти факторы действуют в разное время и с разной силой. Однако, как нам кажется, здесь можно все же установить две основные линии, по которым идет перестройка структуры предложения в индоевропейских языках.

1. Одна линия характеризуется тем, что развертывание предложения совершается в значительной мере на основе тех средств, которые были свойственны эпохе ненапряженного единства предложения. Слово в основном здесь еще остается автономным, а отношения между словами — в значительной мере односторонними, т. е. формы, играющие роль второстепенных членов предложения, обладают обязательной сочетаемостью по отношению к формам, играющим роль необходимых членов предложения, но последние синтаксически достаточны и сами по себе. Синтаксическая роль слова еще ясно выражена в самой его форме или с легкостью выясняется на основе контекста. Важнейшей опорой для построения предложения служит морфологическая форма слова, которая или вообще синтаксически однозначна или с легкостью уточняется из соотношения с другими формами.

Именно на этой базе, в частности на основе четкого значения морфологических форм, и создаются новые способы организации предложения и новые средства расширения его объема. Так, преобладание в абсолютных причастных оборотах конструкций, построенных на косвенных падежах

(родительный в греческом, аблатив в латинском, дательный в славянских и германских языках, местный и родительный в древнеиндийском), объясняется тем, что косвенный падеж, противопоставляясь именительному, четко выражал зависимый характер всей конструкции в целом, ориентировал ее на основное предложение как на ее необходимую опору. Абсолютные причастные конструкции в косвенных падежах выступают, таким образом, не как типичные черты старого паратактического строя предложения, а как проявление более новой структуры индоевропейского предложения, позволяющее раздвигать его границы и обеспечивающее вместе с тем грамматическую связь его частей. Сравнительная новизна абсолютных причастных оборотов подтверждается различием и этимологической несводимостью друг к другу косвенных падежей, выступающих в них.

Существенным средством организации такого «автономно-собранного» предложения становится также порядок слов. При многочленном строении предложения и при значительной грамматической выразительности каждой отдельной формы слова возникает возможность дистантного порядка слов, приводящая к сложным сплетениям компонентов предложения. В частности, самый необходимый в структурном отношении компонент предложения — спрягаемый глагол — может быть поставлен в конце предложения, создавая тем самым одностороннюю (однако не обязательную) рамку предложения. Такая конечная позиция глагола является, может быть, продолжением более древних традиций в организации индоевропейского предложения, но ее структурное значение становится особенно существенным при значительном раздвижении его рамок. Такое рамочное построение предложения, сохраняющего в основном автономность отдельного слова, характерно, например, для латинского и санскрита.

2. Другая линия в развитии «ненапряженной» структуры предложения состоит в ее радикальной переработке, а именно — в превращении ее в «напряженно-собранную» структуру при потере словом в значительной мере его автономности. Это проявляется в широком распространении обязательной сочетаемости у глагола и вообще у ведущих членов в предложении и словосочетании (в первую очередь становление подлинно связочных и вспомогательных глаголов, что ведет и к созданию описательных глагольных форм), а также в четком размежевании основных синтаксических групп (группы существительного и группы глагола) в отношении входящих в эти группы форм и общих принципов организации группы[13]. Автономность слова при этом резко ограничивается.

Особенно резко эти тенденции сказываются в языках, которые характеризуются значительной редукцией флексии. Здесь «напряженность» структуры предложения усиливается фиксированным (в ряде случаев контактным) порядком слов, который в значительной мере берет на себя задачу выражения синтаксической функции слова, а отдельное слово в максимальной степени закрепляется внутри предложения или словосочетания.

С другой стороны, разительным примером сочетания сравнительно развитой флексии с «напряженно-собранной» системой построения предложения является современный немецкий язык (монофлексия).

Существенной чертой в развитии языков с «напряженной» структурой предложения является тенденция к тому, чтобы центральной, организующей осью предложения был уже не один спрягаемый глагол, а какое-нибудь более сложное образование. Во многих языках такой осью становится сочетание номинативного подлежащего с глагольным сказуемым (очень явственно этот принцип проявляется в английском языке); с другой стороны, остов предложения может образовываться глагольно-сказуемной группой (немецкий язык).

---

[13] Ср. В. Г. Адмони, О некоторых закономерностях развития синтаксического строя, «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», V, 1953, стр. 36 и сл.

Существенным вопросом является соотношение обеих линий развития в структуре предложения. Уже из сказанного видно, что элементы обеих структур могут сочетаться в одном и том же языке. Абсолютно чистых языковых структур и в плане противопоставления «автономно-собранного» и «напряженного» строя предложения не существует. Речь может идти лишь о преобладании, которое качественно окрашивает весь строй соответствующего языка. Легко может создаться впечатление, что различие между исследуемыми структурами в значительной мере сводится к временно́й последовательности, что «автономно-собранная» структура предложения сменяет ненапряженную, «спокойную» структуру и сама в свою очередь сменяется структурой напряженной. Пример романских языков, которые пришли к современной «напряженной» (однако в разной степени) структуре, исходя из «автономно-собранной» структуры латинского языка, как будто подтверждает такую точку зрения. Но на самом деле это не так. «Напряженная» и «автономно-собранная» структуры — это две параллельные тенденции в развитии индоевропейских языков, частично даже переплетающиеся друг с другом.

Черты каждой из этих структур могут оказаться победителями в той борьбе, которая между ними происходит, и могут занять преобладающее положение в системе языка. Развитие русского языка дает яркий пример того, как после длительного периода нарастания элементов подчеркнуто «напряженного» строя предложения (уменьшение синтаксической автономности слова, в частности глагола, создание описательных глагольных форм), снова широко развивается иная структура, характеризующаяся широкой синтаксической автономностью слова, тенденцией к использованию синтаксической значимости падежей (правда, с учетом грамматического контекста) для оформления структуры предложения (твор. пад. в качестве предикатива) и т. д. Показательно, что некоторые описательные формы глагола в русском языке исчезают (превращение сочетаний глагола *быть* плюс причастие на *-л* в особую форму простого прошедшего). Показательно также, что двусоставность в русском языке в ряде типов предложений ограниченна и что структурной осью предложения часто служит лишь глагол или особое предикативное слово (категория состояния).

Конечно, моменты «напряженности» в построении предложения есть и в современном русском языке, и его строй в целом отнюдь не совпадает с теми примерами языков «автономно-собранной» структуры предложения, которые нам известны из древности. Собранность русского предложения несравненно бо́льшая, чем это имело место там. В этой связи характерно, что современный русский язык не знает абсолютных причастных конструкций в косвенных падежах, а обладает деепричастием, четко показывающим отношение сопутствующего процесса к основному, и развернутой системой подчинительных и сочинительных союзов. Но общий принцип построения русского предложения все же характеризуется такой свободой и гибкостью и такой автономностью слова, которая прямо противостоит, например, «напряженной» структуре немецкого предложения.

«Напряженная» и «автономно-собранная» структуры предложения — это не два этапа, а именно две линии развития, две основные тенденции, в которых идет преобразование строя индоевропейских языков, причем в каждом из этих языков они проявляются в различное время с различной силой и находятся в различном сочетании друг с другом в зависимости от множества предпосылок и факторов, которые действуют в этих языках [14].

[14] Развитию «напряженной» структуры благоприятствуют, например, такие сдвиги, как резкое изменение в системе ударения (германские языки, кельтские языки), как значительная редукция флексии (французский язык, персидский язык). Там, где эти сдвиги отсутствовали или проявлялись слабее, преобладает «автономно-собранная» структура.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. ХОЛОДОВИЧ

ОПЫТ ТЕОРИИ ПОДКЛАССОВ СЛОВ

Практика показывает, что лингвисты — специалисты по отдельным языкам — выделяют не только классы слов, но и подклассы и даже подклассы подклассов. Когда мы читаем, что «в именах существительных [русского языка.— *А. Х.*] различаются названия предметов одушевленных и неодушевленных»[1], что «все имена прилагательные делятся на две группы: имена прилагательные качественные и имена прилагательные относительные», причем «в состав относительных прилагательных входит подгруппа прилагательных притяжательных»[2], что «глаголы делятся на две большие группы на глаголы переходные и непереходные», причем «к непереходным глаголам относятся глаголы со значением движения и положения в пространстве, ...глаголы, обозначающие физическое и нравственное состояние, ... глаголы со значением изменения в состоянии...»[3] и что, наконец, «все наречия делятся на две основные группы: наречия качественные и наречия обстоятельственные», причем «особую группу внутри качественных наречий составляют наречия количественные...»[4],— то в этом делении мы легко узнаем подклассы и подклассы подклассов. В самом деле, если существительные, прилагательные и т. д. представляют собою предположительно наиболее крупные группировки всего словарного состава данного языка, то совокупности слов, объединяемые терминами «одушевленный», «переходный», «относительный», «обстоятельственный» и т. п., представляют собою тоже группировки, но уже, так сказать, второго порядка, а такие совокупности, как «глаголы движения», «глаголы нравственного и физического состояния», «наречия количественные», представляют собою также группировки, но уже третьего порядка.

Классы выделяются в грамматиках любого языка. Ни одна грамматика не обходится без частей речи. В более или менее явной форме всеми выделяются и подклассы. Однако если теория, а вернее, теории классов (= частей речи) существуют, то теория подклассов и особенно теория тех операций, которые необходимо проделать, чтобы выделить подклассы, еще не созданы. Ниже предлагаем вниманию читателя некоторые наши наблюдения и обобщения в области теории грамматических подклассов.

1

Условимся называть любую группу слов, обладающую теми или иными общими свойствами, классом (можно было бы также применять для обозначения этого понятия слова «группа», «совокупность», «множество»). Класс состоит из элементов; как видно из определения, элементами класса являются слова. Если слово имеет несколько значений, то для теории класса удобнее считать каждое такое значение отдельным словом, т. е.

---

[1] «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 104.
[2] Там же, стр. 281.
[3] Там же, стр. 412, стр. 413—414.
[4] Там же, стр. 606, 607.

омонимизировать эти значения. По мнению некоторых лингвистов, элементами класса являются морфемы, а не слова. Но в настоящий момент все следствия, которые вытекают из контроверзы «*слово — морфема*», нас не интересуют. Если каждый элемент класса Б входит в класс А, то этот класс Б мы будем называть подклассом класса А. Сам подкласс Б может быть классом по отношению к какому-либо подклассу В. В этом случае подкласс В целесообразно назвать подклассом подкласса.

Примером подкласса в общем классе слов может служить такой набор, как *падеж*, *паз*, *пакет*, *петь*, *плыть*, *пустой*, *полный*, *прежде*. Подклассы этого рода можно назвать прагматическими. Ими в языкознании пользуются, когда составляют словари. Другой пример таких подклассов — распределение всех слов по рифмам. Прагматические подклассы, очевидно, имеют разное, а не только лексикографическое назначение. Примером подкласса в классе имен существительных русского языка может служить набор слов *конторщик*, *барабанщик*, *фонарщик*, *каменщик* (признак подкласса: наличие морфемы *-щик*). Подклассы этого рода можно назвать формальными, или морфологическими, поскольку они выделены в плане выражения, а не в плане содержания (ср. другой набор: *конторщик*, *учитель*, *чтец*, *рыбак*, для выделения которого решающее значение имеет план содержания).

Помимо прагматических и формальных, или морфологических, подклассов, существуют и другие подклассы. К ним мы и переходим. При этом предполагается, что все слова данного языка L уже разбиты на n-число классов и что все классы при этом выделены правильно. Допустим, что среди правильно выделенных классов имеется класс V, условно именуемый глаголом. Спрашивается: можно ли и каким именно образом можно разбить его на подклассы так, чтобы они не были ни прагматическими, ни формальными (или морфологическими)?

Допустим, что нам дан набор лексем v_1, v_2, v_3, ..., v_n, образующих класс V, набор соединимых с этими лексемами морфем m_1, m_2, m_3, ..., m_n и набор значений этих морфем s_1, s_2, s_3, ..., s_n. Предполагается, что между этими наборами имеется определенная связь. Выделим некоторые модели этой связи, предполагая, что набор лексем дан полностью, а набор морфем во всех случаях равен единице. Введем сперва одно значение s_1.

Модель I

$$v_1 + m\,(s_1)$$
$$v_2 + m\,(s_1)$$
$$v_3 + m\,(s_1)$$
$$\dots\dots\dots$$
$$v_n + m\,(s_1)$$

Назовем значение s_1, присущее морфеме m, соединяемой с любой лексемой класса V, нераспределенным. Очевидно, что этот случай не дает никаких данных для разбиения класса V на подклассы.

Введем теперь значение s_2. В зависимости от двоякого отношения его к значению s_1 мы будем иметь две разные модели (II и III):

Модель II

$$v_1 + m\,(s_1 s_2)$$
$$v_2 + m\,(s_1 s_2)$$
$$v_3 + m\,(s_1 s_2)$$
$$\dots\dots\dots$$
$$v_n + m\,(s_1 s_2)$$

Мы видим, что там, где присутствует значение s_1, непременно присутствует и значение s_2, и, наоборот, там, где присутствует значение s_2, непременно присутствует и значение s_1. Назовем такие значения совмещенными. Поскольку совокупность значений s_1 и s_2 присуща любой лексеме класса V, если каждая лексема осложнена морфемой m, постольку эти совмещенные значения оказываются вместе с тем и нераспределенными. Очевидно, что и этот случай не дает никаких оснований для разбиения класса V на подклассы.

Модель III

$$v_1 + m\,(s_1)$$
$$v_2 + m\,(s_1)$$
$$\dots\dots\dots\dots$$
$$v_{n-x} + m\,(s_2)$$
$$v_n + m\,(s_2)$$

Мы видим, что там, где присутствует значение s_1, нет значения s_2; и, наоборот, там, где есть значение s_2, нет значения s_1. Назовем такие значения несовмещенными. Будучи несовмещенными, они вместе с тем являются распределенными: значение s_1 присуще одной части лексем, оформленных морфемой m; значение s_2 присуще другой части лексем, оформленных той же морфемой. Очевидно, что здесь налицо признак, позволяющий произвести разбиение класса на два подкласса.

Введем теперь понятие пустого значения: если лексема v_1 имеет значение s_1 (или значения s_1s_2), а лексема v_n не имеет этого значения (или этих значений), то мы условимся говорить, что лексема v_n имеет пустое значение. Если наличие значения s_1 (или значений s_1s_2) связано с наличием морфемы m, то отсутствие этого значения (или этих значений), или, иными словами, наличие пустого значения свидетельствует об отсутствии морфемы m. Подставляя в соответствующих местах в модели II и III вместо s_1s_2 пустое значение s_0, получаем модели IV и V:

Модель IV

$$v_1 + m\,(s_1s_2)$$
$$v_2 + m\,(s_1s_2)$$
$$\dots\dots\dots\dots$$
$$v_{n-x} + 0\,(s_0s_0)$$
$$v_n + 0\,(s_0s_0)$$

Здесь все значения являются совмещенными и в то же время распределенными: с одной стороны, имеем s_1s_2, с другой стороны — s_0s_0. Наличие распределения значений позволяет разбить класс V на два подкласса: подкласс со значением s_1s_2 и подкласс со значением s_0s_0.

Модель V

$$v_1 + m\,(s_1)$$
$$v_2 + m\,(s_1)$$
$$\dots\dots\dots\dots$$
$$v_{n-x} + 0\,(s_0)$$
$$v_n + 0\,(s_0)$$

Здесь значения s_1 и s_0 являются несовмещенными, но распределенными. Возможность разбиения класса V на 2 подкласса в этом случае очевидна.

Наличие значений s_1, s_2 и s_0 позволяет построить еще одну модель:

Модель VI

$$v_1 + m\,(s_1 s_2)$$
$$v_2 + m\,(s_1 s_2)$$
$$\dots\dots\dots\dots$$
$$v_{n-x} + m\,(s_1 s_0)$$
$$v_n + m\,(s_2 s_0)$$

В отношении значения s_1 эта модель повторяет модель I (значение s_1 нераспределено). В отношении значений s_2 и s_0 эта модель повторяет III или, вернее, преобразованный вариант модели III — модель V: значения являются несовмещенными и распределенными. Своеобразие этой модели заключается в способе соединения значений s_2 и s_0 со значением s_1. Этот способ соединения можно сформулировать следующим образом: там, где есть значение s_1, может быть либо значение s_2, либо значение s_0. Короче говоря, значения s_2 и s_0 являются по отношению к значению s_1 суммарно совмещенными. Очевидно, что расчленить глагол на подклассы в этом случае возможно лишь в отношении значений s_2 и s_0, но не в отношении значения s_1. Дело не меняется, если вместо значения s_0 мы введем новое значение s_3.

Таким образом, между членением глагола на подклассы и распределением грамматических значений существует функциональная зависимость. Если морфема *m* имеет минимум два значения (включая сюда и так называемое пустое значение) и если эти значения распределены, то глаголы, имеющие эту морфему, автоматически расчленяются на подклассы согласно числу этих распределенных грамматических значений. Подкласс в данном случае оказывается функцией грамматического значения морфемы. Такие подклассы можно назвать подклассами с парадигматической валентностью. Их необходимо отличать от формальных, или морфологических, подклассов. Если формальные подклассы выделяются в плане выражения, то парадигматические подклассы выделяются в плане значения.

Проиллюстрируем сказанное одним примером. Все глаголы японского языка способны образовывать особую аналитическую форму, признаком которой является постпозитивное *иру*: *ёндэ иру* (*ёндэ* в лексическом отношении соответствует русск. «читать»), *каитэ иру* (*каитэ* — соответствует русск. «писать»), *синдэ иру* (*синдэ* — соответствует русск. «умирать»), *китэ иру* (*китэ* — соответствует русск. «приходить»). Эта форма имеет два грамматических значения s_1 и s_2, которые являются несовмещенными и распределенными: у глаголов типа *ёндэ*, *каитэ* грамматическая форма имеет одно значение, у глаголов типа *синдэ*, *китэ* та же грамматическая форма имеет другое значение. Первое значение является континуотивным (длительность процесса или состояния), другое — перфектным (состояние как результат действия); ср.: *ёндэ иру* «читает», *каитэ иру* «пишет», но *синдэ иру* «(умер и теперь) мертв», *китэ иру* «(пришел и теперь) находится здесь».

Из сказанного вытекает, что по признаку распределения континуотивного и перфектного значений данной грамматической формы все глаголы японского языка распадаются на два подкласса А и Б; общим свойством глаголов подкласса А (их можно назвать непредельными) является способность образовывать указанную форму с континуотивным значением, общим свойством глаголов подкласса Б (их можно назвать предельными) является способность образовывать указанную форму с перфектным значением.

В приведенных выше моделях набор морфем был ограничен единицей (если отвлечься от возможных алломорфов типа *игра-л* и *стриг*). Допу-

стим теперь, что нам дан ряд морфем (или форм), каждая из которых имеет ряд распределенных значений, например: $m_1\left(\frac{s_1s_2}{d_1}\right)$, $m_2\left(\frac{s_3s_4}{d_2}\right)$, $m_3\left(\frac{s_5s_6}{d_3}\right)$, где d указывает на то, что значения s_1s_2, s_3s_4, s_5s_6 соответственно распределены. Здесь, однако, возможны два случая: распределение во всех трех (как в нашем примере) случаях может оказаться совпадающим ($d_1 = d_2 = d_3$); распределение в каждом отдельном случае является особым ($d_1 \neq d_2 \neq d_3$), не совпадающим в полной мере. В обоих случаях разбиение на подклассы производится не по единичному признаку, а по совокупности признаков, или, иначе, по пучку признаков: признаком подкласса А оказывается не просто s_1 или s_3 или s_5, а вся совокупность $s_1s_3s_5$; соответственно признаком подкласса Б оказывается не просто s_2, или s_4, или s_6, а вся совокупность $s_2\ s_4\ s_6$.

Эта совокупность признаков, или пучок, приобретает решающую роль там, где распределение значений в каждом отдельном случае является особым, не совпадающим в полной мере. Здесь каждое отдельное разбиение (например, по распределению значений морфемы m_1 или по распределению значений морфемы m_2 и т. д.) дает результат, способный исказить действительную картину, и, что особенно нежелательно, выделяет мнимые подклассы, лишенные значения. Приведем один пример. В китайском языке есть морфема *чжэ*, которая имеет два значения (если присоединить к этому еще пустое, то три значения) — значение состояния и значение длительности (пустое значение, естественно, не имеет семантического определения). Эти значения распределены и несовместимы. Исходя из этих данных, легко выделить три подкласса глаголов: глаголы, в которых посредством *чжэ* передается значение состояния; глаголы, в которых посредством *чжэ* выражается значение длительности; и, наконец, глаголы, которые не могут принимать *чжэ*, потому что в них эта морфема имеет пустое значение. Между тем реально все глаголы так называемого общего вида разбиваются в китайском языке не на три, а на четыре подкласса. Соотношение между действительным разбиением, произведенным на основании пучка значений, присущих разным морфемам, и разбиением, произведенным на учете распределения значений одной морфемы *чжэ*, можно представить в виде следующей схемы:

Реальное разбиение	Мнимое разбиение
глаголы недействия	пустое значение
предельные глаголы	
глаголы состояния	значение состояния
непредельные глаголы	значение длительности

2

В процессе общения, помимо слов, мы употребляем также словесные ряды. Любой словесный ряд можно разложить на ядро и его окружение. Если в словесном ряду *вновь наступили холода* в качестве ядра выделить слово *наступили*, то его окружением будет *вновь... холода*. Вопрос о том, являются ли ядро и его окружение постоянными для данного словесного ряда, иными словами, вопрос о том, можно или нельзя

попеременно принимать за ядро то *наступили*, то *вновь*, то *холода*, мы сейчас не рассматриваем[5]. В этой работе мы будем иметь дело только с такими словесными рядами, в составе которых имеется так называемый финитный глагол (verbum finitum). Понятия глагола, финитного глагола предполагаются известными. Условимся, что ядром подобного рода словесных рядов является финитный глагол.

Каждое ядро может иметь окружение с переменным числом членов. Например: *Вскрылись реки*; *Уже вскрылись реки*; *На юге уже вскрылись реки*; *Еще в марте на юге уже вскрылись реки* и т. д. Назовем число членов в окружении мощностью окружения. Из сказанного выше следует, что каждое ядро может иметь окружения разной мощности.

Допустим, что нам дано ядро v, входящее в класс V (глагол). Допустим далее, что ядро это имеет n окружений разной мощности из n, $n-1$, $n-2$, $n-3$,..., 1 членов. Изо всех этих окружений данного ядра одно и только одно является оптимальным. Все прочие окружения являются либо избыточными, либо недостаточными. Недостаточным мы будем называть окружение с наложенным на него ограничением. Иными словами, это такое окружение, которое возможно только в определенном контексте или в определенной ситуации: *Не давай ей!*; *Я все же отобрал*; *Он велел*; *Я вдела нитку*.

Дадим следующее определение оптимальному окружению при наличии n возможных окружений данного члена v_1, с условием, что v_1 при любой мощности окружения не меняет своего значения оптимальным будем называть то окружение, которое содержит минимальное число членов с неналоженными ограничениями[6]. Иными словами, это то окружение, для понимания которого нет необходимости ни в знании определенной ситуации, ни в знании определенного контекста. Уменьшение такого окружения хотя бы на один член делает его недостаточным.

Из сказанного следует, что те окружения, которые не являются недостаточными или оптимальными, будут избыточными. Точнее было бы сказать, что любое окружение, превышающее оптимальное, является избыточным.

Как увидим ниже, окружение может быть одновременно и недостаточным, и избыточным, например *Он читает быстро*.

Введем теперь понятие конфигурации. Конфигурацией будем называть сочетание данного ядра, например v_1, с его оптимальным окружением. Примером конфигурации могут служить: *Она вдела нитку в иголку*; *Я подарил ему альбом*; *Я велел ему молчать*; *Мы выбрали его председателем*. Для обозначения этого понятия можно было бы применять также слова «модель», «структура», «рамка»; однако отождествлять конфигурацию со словосочетанием или предложением нельзя: это по существу разные явления. В дальнейшем мы будем иметь дело только с конфигурациями. Это значит, что вопрос о недостаточных и избыточных окружениях в этой статье рассматриваться не будет.

Каждый глагол (до введения понятия подкласса мы будем говорить о каждом глаголе) как ядро имеет определенное постоянное число членов в оптимальном окружении. В этом отношении ядро можно определить как слово с заданным оптимальным окружением.

---

[5] Однако, видимо, не все слова могут быть ядром в словесном ряду. Есть основания полагать, что свойством быть ядром словесного ряда обладают слова-акциденции, а не слова-субстанции, или, применяя термины некоторых методистов преподавания иностранных языков,— так называемые строевые слова. Если это так, то в сочетаниях типа *высокий забор* ядром будет *высокий*, а не *забор* — вывод, парадоксальность которого очевидна в свете обычного понимания определяемого как господствующего слова.

[6] Оптимальному окружению можно дать и другое, вероятностное, определение, которое является более строгим. В этом случае оптимальным будет такое окружение, вероятность появления которого при данном ядре приближается к единице.

Исходя из линейного представления конфигурации, будем называть каждый член оптимального окружения м е с т о м. Тогда в зависимости от числа мест все оптимальные окружения распадутся на одноместные, двухместные, трехместные и т. д. Поскольку ядро определено нами выше как слово с заданным оптимальным окружением, можно сказать, что все ядра конфигурации распадаются на одноместные, двухместные и т. д. Примером ядра с одноместным окружением может служить конфигурация *Лают собаки*, примером ядра с двухместным окружением может служить конфигурация *Он походил на ребенка*, примером ядра с трехместным окружением может служить конфигурация *Я пронзил его шпагой*. В языке есть и пустые окружения, в которых нет ни одного члена. Примером ядра с пустым окружением может служить конфигурация *Светает*.

Каждый член окружения по отношению к своему ядру и косвенно, через посредство ядра, по отношению к другим членам окружения выполняет определенную функцию. Эта функция является единственной. Двух функций член окружения не несет. Функции членов окружения являются несовпадающими. Выполняя определенную функцию, член окружения отмечен з н а к о м ф у н к ц и и.

Введем теперь понятие и з о т и п н о г о окружения и и з о т и п н о й конфигурации. Допустим, что нам дан глагол v_1 в качестве ядра определенной конфигурации. Согласно определению, он имеет постоянно одно и то же оптимальное окружение. Например, $ab\ (v_1)$ = *Волк загрыз ягненка*. Рассматривая вопрос о тождественности окружений[7], мы имеем в виду то обстоятельство, что места в оптимальном окружении могут быть заняты разными словами. Имея ядро *загрыз*, можно сказать а) *Волк (медведь...) загрыз ягненка*; б) *Волк загрыз ягненка (козу...)*; в) *Волк (медведь...) загрыз ягненка (козу...)*. Иными словами, в данной конфигурации можно менять либо первый, либо второй, либо оба члена окружения. Все эти окружения являются «постоянно одними и теми же», т. е. тождественными[8], в следующих отношениях, единственно важных для грамматики: а) они тождественны по числу мест: оптимальное окружение при глаголе *загрыз* можно менять материально, но его нельзя ни увеличить, ни уменьшить ни на одно место; всякое увеличение превратит его в избыточное, всякое уменьшение превратит его в недостаточное[9]. В этом отношении *Волк загрыз ягненка* = *Волк загрыз козу* = *Медведь загрыз ягненка* и т. д.; б) они тождественны по классу слов, занимающих соответствующее место: оптимальное окружение при глаголе *загрыз* можно менять материально лишь в рамках определенного класса слов (*волк* на *медведь* и т. п., *ягненка* на *козу* и т. п.)[10], но нельзя заменить *волк* на *играть*, *ягненка* на *быстро*, не нарушив конфигурацию как целое. Значит, и в этом отношении *Волк загрыз ягненка* = *Волк загрыз козу* и т. д.; в) они тождественны по совокупности функций и их распределению: число функций в окружении *Волк загрыз ягненка* равно числу функций в окружении *Волк загрыз козу* и т. д., и эти функции взаимотождественны и распределены одинаковым образом, иными словами, приходятся на одни и те же места. Такое тождество можно назвать ф о р м а л ь н ы м. Окружения, выполненные формально тождественно, но различающиеся лишь материально, мы будем называть и з о т и п н ы м и.

---

[7] Тождество окружений в конфигурации, произнесенной в различных ситуациях, будем считать самоочевидным.

[8] Совершенно очевидно, что чисто эмпирически эти окружения являются нетождественными. В одном случае переменным является первый член, в другом — второй, в третьем — оба члена. Назовем эту нетождественность м а т е р и а л ь н о й: материально коза действительно не ягненок, а медведь не волк.

[9] См. ниже уточнение этого положения в связи с понятием незамкнутости.

[10] Если речь идет о втором месте в приведенном выше окружении, то здесь можно заменить *ягненка* на *козу* или на *котенка* или, если угодно, на *карандаш* (о формальных ограничениях, накладываемых в этом случае на замену материального характера, см. ниже).

Из всего сказанного следует, что конфигурация как сочетание ядра с оптимальным окружением, т. е. синтагматически, конечна. Она имеет определенный размер. Но у конфигурации, как мы только что выяснили, есть и парадигматическая сторона: каждый член окружения в ней заменим. В парадигматическом отношении конфигурация бесконечна формально, но конечна материально. В конфигурации *Я читаю книгу* вместо слова *книгу* материально можно подставить только строго определенное число слов: *приказ*, *газета*, *телеграмма* и т. д., т. е. все слова, обозначающие предметы с нанесенными на них письменными знаками, и сами письменные знаки. Но формально здесь можно подставить любое слово, если только оно принадлежит к классу существительных и снабжено знаком функции (ср. у Маяковского: *читать* «зовы новых губ», *играть* «на флейте водосточных труб»). Если соблюдены все формальные требования, то конфигурация считается выполненной, или правильной, и поэтому может быть предметом лингвистического исследования (см. «Войну и мир» Л. Н. Толстого, где князь Андрей говорит: «да, здесь, в этом лесу, был этот дуб, с которым мы были согласны»). Если формальные требования не соблюдены, то конфигурация считается невыполненной. Конфигурация *Он согласен со мною* выполнена и материально, и формально. Конфигурация *Береза согласна со мною* материально не выполнена, ибо соглашаться может только человек и едва ли даже животное. Что же касается формальной выполнимости, то она в этом отношении безукоризненна (см., однако, ниже). Признаки формальной истинности всегда налицо. Что же касается материальной истинности, то здесь, кроме здравого смысла, мы пока никаким другим критерием не обладаем.

Из сказанного легко вывести понятие подкласса ядра. Ряд глаголов, которые имеют изотипное оптимальное окружение, образует подкласс. Признаком такого подкласса является наличие изотипного оптимального окружения, т. е. окружения, выполненного тождественно формально и различающегося лишь материально. Такие подклассы можно назвать подклассами с синтаксической, или синтагматической, или конфигуративной, валентностью. Как видим, подкласс находится в функциональной зависимости от своего оптимального окружения.

Конфигурации с переменным ядром, члены которого составляют один подкласс, и удовлетворяющим ему изотипным окружением являются изотипными. Конфигурация — это формальное[11], а не материальное понятие. Она состоит из ядра, которое характеризуется формально подклассом, и его окружения, которое тоже характеризуется формально числом мест, классом слов и их функцией. Таких конфигураций в языке ограниченное количество. Их не больше, чем фонем в самом развитом в фонологическом отношении языке. Принадлежа языку (в соссюровском смысле этого слова) и являясь аналогом фонем, в речи (в том же понимании) конфигурации реализуются по-разному в двух отношениях: а) в отношении материального выражения членов конфигурации и б) в отношении избыточного и недостаточного окружения (этот вопрос требует особого рассмотрения).

3

Теория подклассов включает в себя также изложение совокупности тех операций, которые необходимо осуществить, чтобы выделить в составе класса синтаксически (или синтагматически, или конфигуративно) валентные подклассы. Эмпирически эти операции в большей или меньшей мере известны лингвистам, работающим над конкретными языками: ина-

[11] Из всего нашего изложения следует, что формальное ни в коем случае не тождественно асемантическому: в нем присутствуют и означаемое, и означающее.

че не могли бы быть выделены такие подклассы, как переходные и непереходные глаголы, так называемые verba sentiendi и т. д. Тем не менее методика выделения подклассов больше ощущается, нежели осознается; во всяком случае системы операционного анализа мы пока не имеем. Отсюда масса досадных ошибок, неточностей, недомолвок в описательных грамматиках конкретных языков и даже отрицание грамматического характера этой проблемы в целом[12]. Ниже в самом общем виде и весьма предварительно мы пытаемся набросать контуры этого, на наш взгляд, весьма важного раздела общей теории грамматики.

Выделение синтаксически валентных подклассов (в этой работе — только подклассов глагола) осуществляется в результате выполнения ряда следующих операций.

Первая операция заключается в выделении словесных рядов, содержащих финитный глагол как ядро возможных конфигураций. Основанием для этой операции служит теоретическое положение, гласящее, что нефинитные формы глагола являются преобразованными формами и относятся к финитной форме примерно так же, как неосновные варианты фонем к основному варианту, и что в связи с этим все конфигурации делятся на исходные, первичные и преобразованные, часть которых является нейтрализацией исходной конфигурации и может даже не содержать глагола в результате преобразования. Эта предпосылка здесь не обосновывается.

Вторая операция заключается в экстрагировании словесных рядов с недостаточным окружением и усечении избыточных в отношении глагольного ядра окружений до оптимального уровня; сущность этой операции заключается, таким образом, в вычленении конфигураций.

Третья операция заключается в группировке конфигураций по мощности оптимального окружения, т. е. в выделении конфигураций с пустым (типа *Светает*), одноместным (типа *Он спит*), двухместным (типа *Она разбила стакан*), трехместным (типа *Он вложил меч в ножны*) и т. д. окружением.

Группировка конфигураций по мощности оптимального окружения является первым шагом к выделению подклассов, так как разноместные глаголы не могут принадлежать к одному подклассу. Если в результате выполнения этой операции окажется, что в данном языке имеется n разноместных конфигураций, то это будет означать, что количество подклассов в таком языке должно быть не ниже числа n. Таким образом, выполнив эту операцию, мы узнаем нижнюю границу числа подклассов. Но истинного числа подклассов в результате выполнения этой операции мы еще не получим, так как в языке, как правило, имеется несколько типов двухместных конфигураций, несколько типов трехместных конфигураций и т. д. Так возникает необходимость в следующей, четвертой, операции.

Выше мы сказали, что разноместные глаголы не могут принадлежать к одному и тому же подклассу. Во избежание неправильного истолкования этого положения введем понятия замкнутого и незамкнутого окружений. Замкнутым будем называть такое окружение, мощность

---

[12] Так, например, в своей работе «К вопросу о типах грамматического значения» («Вестник ЛГУ», 1956, № 2), которая по существу посвящена проблеме так называемых парадигматических (в нашем понимании) подклассов и которая содержит в этом отношении немало ценных наблюдений и формулировок, И. П. Иванова фактически отрицает синтаксические (в нашем понимании) подклассы: «...можно выделить в качестве лексических групп глаголы движения, глаголы чувственного восприятия, речи, мыслительных процессов, ...группу глаголов враждебного действия..., или группу глаголов развлечения... Такого рода группировку можно продолжить до бесконечности, но она не даст ничего для грамматики, и потому такие группировки в грамматике не рассматриваются» (там же, стр. 109). Здесь мы видим не только отрицание синтаксических подклассов, но и смешение их (например, глаголов движения и глаголов чувственного восприятия) с семантическими подклассами (глаголы развлечения и др.).

которого задана ядром и только ядром. Незамкнутым будем называть такое окружение, мощность которого определяется не только ядром, но и некоторыми свойствами отдельных членов замкнутого окружения. Так, например, в русском языке в конфигурации *Он всадил нож в дерево* окружение глагола-ядра *всадил* будет замкнутым, поскольку все члены его заданы ядром, глагол *всадить* требует трехместного окружения. Однако достаточно в этом окружении подставить на место существительного *дерево* такие существительные, как *ножка*, *спина*, обозначающие неотчуждаемую принадлежность, часть целого, как число членов такого окружения автоматически увеличится на один член, обозначающий целое, которому принадлежит указанная часть: *Он всадил нож в ножку стула*, *Он всадил ему нож в спину*. Такое окружение будет незамкнутым, так как число членов его определяется не только свойствами ядра *всадить*, но и свойствами одного из членов окружения (*в ножку*, *в спину*). В обоих случаях окружение остается оптимальным. Такое увеличение числа мест на один член не меняет подкласса глагола *вонзить*. Он не превращается в разноместный (то трехместный, то четырехместный) и не распределяется по двум подклассам, так как для определения числа мест точка отсчета во всех случаях должна быть одна, а именно — ядро. Вообще один и тот же глагол не может быть разноместным. Если он все же оказывается разноместным, то это, как правило, связано с изменением значения глагола. В этом случае ради простоты разные значения глагола можно приравнивать к двум омонимичным глаголам. В этом плане можно рассматривать и так называемое абсолютное «употребление» многих переходных глаголов, по крайней мере некоторые значения такого употребления (типа *Он пьет* в значении *Он пьяница*).

Итак, допустим, что в результате этой третьей операции мы выделили n групп конфигураций, среди которых оказались группа А ab (v_1) — конфигурации с двухместным окружением, группа Б abc (v_2) — конфигурации с трехместным окружением. В группу А, очевидно, войдут конфигурации типа *Охотник убил волка*, *Он стал инженером*, *Он знает меня*, *Он уехал в Москву* и др. В группу Б, очевидно, войдут конфигурации типа *Она вдела нитку в иголку*, *Он заставил меня молчать*, *Я подарил ему книгу* и др.

Четвертая операция заключается в распределении равномощных в отношении оптимального окружения конфигураций на подгруппы, каждая из которых характеризуется окружением, изотипным в отношении класса соответствующих членов. Выделив равномощные окружения, мы обращаемся затем к определению класса членов этих окружений.

Прежде всего выделяем однородные (или гомогенные) и неоднородные (или гетерогенные) окружения, т. е. окружения, все члены которых принадлежат к одному и тому же классу (тип *Малыш читает азбуку*), и окружения, члены которых принадлежат к разным классам (тип *Он собирается спать*).

Затем выделяются постоянные и переменные окружения, т. е. окружения, члены которых при любой подстановке сохраняют принадлежность к одному и тому же классу (тип *Он собирается спать*), и окружения, отдельные члены которых при подстановке могут менять свой класс (тип *Он стал инженером*, но также *Он стал злым*) или даже уровень (см. ниже).

Далее выделяются одноступенчатые и разноступенчатые окружения; в одноступенчатых окружениях все члены такого окружения принадлежат к одному уровню, т. е. являются словами; в разноступенчатых окружениях члены окружения либо принадлежат, либо могут принадлежать к разным уровням: одни члены окружения являются словами, другие — предложениями (ср.: *Он знает меня*, но *Он знает, что я писатель*). Таким образом, имеем:

Он читает азбуку	однородное окружение	постоянное окружение
Он собирается спать	неоднородное окружение	
Он стал инженером (или *злым*)	одноступенчатое окружение	переменное окружение
Он знает меня (или *что я писатель*)	разноступенчатое окружение	

При выполнении этой операции возможны ошибки в определении типа окружения. Остановимся на одной из этих возможных ошибок в анализе. Допустим, что нам дана конфигурация типа *Малыш читает азбуку*. Исходя из того, что на место второго члена окружения *азбуку*, принадлежащего к классу имен, можно подставить слова типа *громко*, *быстро*, принадлежащие к классу наречий, делаем вывод, что окружение глагола *читать* является переменным. Такой вывод, однако, является ошибочным. Наречие *быстро* действительно подставлено, но не на место, занимаемое именем *азбуку*, а на «пустое» место, принадлежащее потенциально возможному избыточному окружению. Что же касается имени *азбуку*, то оно в действительности не подменено, а опущено и заменено «пустым» местом, в результате чего оптимальное окружение оказалось превращенным в недостаточное (из этого, между прочим, следует, что окружение может быть одновременно как недостаточным, так и избыточным, разумеется — в разных отношениях, но во всех случаях по отношению к заданному оптимальному окружению). Сказанное доказывается, в частности, тем, что можно свободно сказать *Малыш читает азбуку быстро*. Если бы *быстро* было действительно подставлено на место *азбуку*, то оба эти слова нельзя было бы дать в одном окружении линейно и одновременно; таким образом, *азбуку* и *быстро* принадлежат синтагматическому, а не парадигматическому ряду. Смешивать эти два ряда нельзя; любая ошибка этого рода непременно скажется на результатах четвертой операции.

Четвертая операция сама по себе не завершает процедуры выделения подклассов. В самом деле, возьмем две конфигурации: конфигурацию типа *Мы выбрали его старостой* и *Мы подарили ему книгу*. Произведя над ними четвертую операцию, мы обнаружим, что окружения в этих конфигурациях тождественны: это трехместные, однородные, постоянные окружения. Между тем конфигурации эти далеко не тождественны, и ядра их явно принадлежат к разным подклассам. В русском языке различие достаточно четко обозначено формами слова. В случае же если формы слова не позволяли бы произвести такого различия и отказал бы таксематический признак (порядок членов окружения относительно ядра), очевидно, необходимо было бы перейти к другим операциям, в частности, к пятой операции.

Пятая операция заключается в испытании окружения на принадлежность отдельных его членов к тому или иному подклассу определенного класса (эти подклассы мы принимаем как данное). Два окружения могут быть тождественными как в отношении мощности, так и в отношении класса слов, принадлежащих к окружению, и все же быть неизотипными в силу того, что члены окружения, входящие в один класс, распределяются по разным подклассам этого класса. Так, например, в одном окружении все входящие в него имена могут никак не реагировать на распределение их на подклассы, а в другом окружении распределение этих имен на подклассы будет иметь решающее значение. В одном случае они должны принадлежать к подклассу лиц все без исключения; в другом случае к подклассу лиц или одушевленных должен принадлежать только один определенный член окружения, тогда как другой член окружения может либо входить в противоположный подкласс (не-лиц или неодушевленных), либо быть безразличным к распределению на подклассы и быть, таким образом, «немаркированным» членом окружения. Все это теоретические возможности; только конкретный анализ может показать, какие из них реализуются в действительности. Как бы ни распределялись реально подклассы, значение их для дифференциации конфигураций бес-

спорно. Так, например, второй член окружения в конфигурации *Я подарил ему книгу* должен входить в подкласс лиц или, по крайней мере, в подкласс одушевленных; для третьего члена этого окружения подкласс безразличен (ср. *Я подарил ему книгу*, *Я подарил ему собаку*, а при определенных исторических условиях — *Я подарил ему раба*). Легко убедиться, что в конфигурации *Мы выбрали его председателем* дело обстоит иначе. Выполнение этой операции не противоречит требованию проводить анализ на формальном, а не на материальном уровне, поскольку понятие подкласса столь же формально, как и понятие класса.

Шестая операция заключается в поверке соответствия между членами окружения и «предметами» (условно: «испытание на референта»). Допустим, что нам дана конфигурация *Альпинисты взяли вершину*. Двухместное окружение ядра состоит из двух имен, которым соответствуют два «предмета»: альпинисты и вершина. Условимся говорить, что в этом окружении отношение между именами—членами окружения и «предметами» (или, что то же, «референтами») имеет вид 1 : 1. Аналогичным образом в конфигурации типа *Она вдела нитку в иголку* трем именам окружения соответствуют три «предмета»; отношение между именами — членами окружения и «предметами» (или «референтами») здесь также имеет вид 1 : 1. Совсем иначе обстоит дело в конфигурациях типа *Он стал инженером* и *Мы избрали его председателем*. В первой конфигурации окружение содержит два имени, но им соответствует только один «предмет». Во второй конфигурации окружение содержит три имени, но им соответствуют только два «предмета». Здесь отношение между именами — членами окружения и «предметами» имеет вид 2 : 1.

Очевидно, что если окружения двух ядер совпадают в отношении мощности, в отношении распределения классов и подклассов, а также в отношении порядка членов (и даже морфологических форм), но отличаются видом отношения между числом членов окружения и числом «предметов» (или «референтов»), то такие окружения не могут быть названы изотипными, а конфигурации тождественными.

Есть еще две операции, которые, собственно говоря, принадлежат уже иному разделу общей грамматики — учению о конфигурациях и их соотношении. Мы имеем в виду испытание на обращение и преобразование. В языке, помимо основных, исходных конфигураций, существуют конфигурации обращенные (например, *Письмо мною прочитано* по отношению к *Я прочитал письмо*) и конфигурации преобразованные (например, *об его отъезде* в предложении *Я вспоминаю об его отъезде* по отношению к *он уехал*). Неизотипные исходные конфигурации подвергаются обращениям и преобразованиям далеко не одинаковым образом, и это различие в обращениях и преобразованиях служит дополнительным средством для разграничения синтаксической валентности ядер, а следовательно, и для дифференциации их на подклассы. Однако рассмотрение этой проблемы и вытекающих из того или иного ее решения операций составляет тему особой работы.

Выполнение всех описанных выше операций гарантирует выделение истинных подклассов в составе класса слов, условно именуемого глаголом. Разумеется, число необходимых операций и их последовательность в немалой степени зависят от характера того или иного языка, в первую очередь, от формального потенциала слова в данном языке. Для языка, в котором формальный потенциал слова достаточно велик, очевидно, можно ограничиться некоторым минимумом операций, чтобы в общем безошибочно выделить подклассы и их значения. Все же и для такого языка с увеличением числа операций увеличивается и надежность выделения подклассов. Однако вопрос об универсальности операционного анализа требует особого рассмотрения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

М. М. МАКОВСКИЙ

К ПРОБЛЕМЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ» ЛЕКСИКИ

1

Термины «интернациональная лексика», «интернационализмы» и т. п. широко распространены в современной лингвистике. Между тем ни границы этих терминов, ни их место в сфере языковых заимствований до сих пор не получили удовлетворительного определения. Серьезные сомнения вызывает и правомерность их существования вообще.

Число специальных исследований, посвященных рассматриваемому вопросу, к сожалению, невелико. Большинство исследователей считает, что «интернационализмы» выделяются на основе их фонетического, семантического и графического сходства в разных языках; по традиции «интернационализмы» определяются как лексические единицы, представляющие собой фонетические и морфологические варианты слов или морфем, распространившиеся из одного первоисточника в неродственные языки и имеющие в этих языках сходную семантику и графику. Именно такой точки зрения придерживаются, например, А. А. Белецкий, В. Фрид, О. Б. Шахрай, Р. Вавржих[1]. Разногласия существуют лишь по одному вопросу: в скольких неродственных языках должно встречаться данное слово, чтобы его можно было назвать «интернационализмом». По мнению А. А. Белецкого и В. В. Акуленко, число таких языков должно равняться трем, по мнению В. Фрида, не менее чем двум «мировым» языкам (jazyky světové); согласно А. Фринте, речь должна идти о всех «культурных» языках[2]. Наконец, О. Б. Шахрай весьма осторожно указывает, что слова, которые можно отнести к «интернационализмам», должны встречаться в «ряде» языков.

Уже простое сопоставление указанных определений вскрывает их абсолютную произвольность. К этому надо добавить, что названные исследователи не принимают во внимание неодинаковые возможности и результаты проникновения одних и тех же слов в неродственные языки различных семей (например, из французского в китайский, арабский и финский) и в неблизкородственные языки одной семьи (например, проник-

---

[1] См.: А.А. Белецкий, Об интернационализмах, «Наук. зап. Київськ. ун-ту», т. XIV, вип. II («Сб. філол. фак-ту», № 8), 1955; V. Fried, Mezinárodní slova, jejich shoda a úskalí, «Časopis pro moderní filologii», ročn. XXXVIII, číslo 4—5, 1956; О.Б. Шахрай, К вопросу о смысловых взаимоотношениях интернациональных слов в разных языках, «Ин. яз. в шк.», 1955, № 1; R. Vavřich, O mezinárodních slovech, příspěvek k metodice výkladu lexikální látky, «Methodické rozhledy», Praha, 1955, listopad — prosinec.

Определение, несколько отличное от традиционного, содержится в появившейся недавно статье В. В. Акуленко: «... интернациональными словами являются сходные до степени узнаваемости в орфографическом или фонологическом отношении слова с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и существующие не менее чем в трех синхронически сопоставляемых языках» [см. В. В. Акуленко, Об интернациональных словах в современном русском языке, «Уч. зап. Харківськ. ун-ту», т. XCIX («Труди філол. фак-ту», т. 6), 1958, стр. 99]. Критические замечания об этом определении см. ниже.

[2] См. A. Frinta, Neologismy v hornolužické srbštině po roce 1945, «Славянская филология. Сб. статей», I, М., 1958, стр. 219.

новение французских слов в различные индоевропейские языки). Правда, В. Фрид говорит о необходимости того, чтобы интернационализмы входили в языки, принадлежащие к разным семьям (jazyky patrící k různým jazykovým rodinám), но сам в своей статье оперирует примерами, взятыми только из индоевропейских языков (в основном английского, французского, немецкого и чешского).

О. Есперсен, много занимавшийся проблемами интерлингвистики, считал единственным критерием интернациональности слова не количество языков, в которых оно встречается, а количество людей, которые используют это слово [3]. Такой односторонний подход к исследуемому вопросу открывает широкие возможности для различных недоразумений (ср., например, возможность заимствования иностранных слов лишь одним из таких языков, как русский, китайский, английский, на которых говорит бо́льшая часть человечества, при отсутствии этих слов в других языках, что, конечно, не может служить основанием для того, чтобы считать эти слова интернациональными).

2

С лексикологической точки зрения так называемые «интернационализмы» суть заимствования. Различие между «интернационализмами» и заимствованиями заключается лишь в способе их рассмотрения. При исследовании заимствованных слов в каком-либо одном определенном языке, т. е., образно выражаясь, при анализе «по вертикали», мы имеем дело с собственно заимствованиями в данном языке [4–5]. Если же целью исследования является установление связи между заимствованиями, обнаруживаемыми одновременно в разных языках, т. е. если анализ ведется в «горизонтальном» плане, то перед нами так называемые «интернациональные» слова. Отметим, что этот последний термин в том виде, в каком он употребляется в настоящее время, нельзя признать научным, ибо он не может служить адекватным обозначением подразумеваемого явления. Говоря о так называемых «интернационализмах», исследователи фактически имеют в виду распространение тех или иных слов лишь в пяти так называемых «мировых» языках: английском, немецком, французском, испанском, итальянском. Вопреки логике и языковым фактам, такие слова продолжают именовать «интернационализмами». Но главное, конечно, не в термине, а в существе дела. Необходимо, наконец, попытаться выяснить, действительно ли существуют такие лексические единицы, которые мы с полным правом могли бы назвать «интернационализмами» [6]. В случае наличия таких единиц надо дать точное описание их особенностей и границ, а в случае отсутствия — отказаться от термина «интернациона-

---

[3] См. O. Jespersen, Papers in international language, London, 1921, стр. 11.

[4–5] По вопросу о заимствованиях назовем следующие наиболее интересные в теоретическом отношении работы: L. Deroy, L'emprunt linguistique, Paris, 1956; E. Haugen, The analysis of linguistic borrowing, «Language», vol. 26, № 2, 1950, стр. 210—231; H. Sköld, Lehnwörterstudien, Lund — Leipzig, 1923; E. Lewy, Zu den Lehnworten und zur Sprachgeographie, «Anthropos», Bd. XLV, Hf. 1—3, 1950, стр. 49—56; Chr. Møller, Zur Methodik der Fremdwortkunde, Aarhus, 1933; M. Niedermann, L'interpénétration des langues, «Scientia», vol. LXXXIII, ser. VI, 1948, стр. 223—228; vol. LXXXIV, ser. VI, 1949, стр. 19—27; E. Öhmann, Zur Frage nach der Ursache der Entlehnung von Wörtern, «Mémoires de la Société néo-philologique de Helsingfors», vol. 7, 1924; E. Richter, Fremdwortkunde, Leipzig, 1919; J. A. Sheard, The words we use, New York, 1954; H. Vogt, Language contacts, «Word», vol. 10, № 2—3, 1954; R. W. Weiman, Native and foreign elements in a language, Philadelphia, 1950; U. Weinreich, Languages in contact, New York, 1953; E. Windisch, Theorie der Mischsprachen und Lehnwörter, «Berichte über die Verhandlungen der Königl. sächsischen Geselschaft», Phil.-hist. Kl., Bd. 49, Leipzig, 1897.

[6] Термин «интернационализм» мы употребляем в лингвистическом, а не в логическом смысле (имеются в виду не логические понятия, а основные единицы языка — слова).

лизм». Ниже мы более подробно остановимся на отдельных аспектах рассматриваемого вопроса.

Рассмотрение лексического материала различных языков вскрывает весьма интересное явление: параллельные языковые заимствования весьма часто бывают распространены в различных неродственных и родственных языках, принадлежащих к определенному территориальному ареалу. При этом они общи лишь для этих языков (носители которых обычно близки в экономическом и культурном отношениях) и нехарактерны для языков, распространенных в других ареалах. Тесно связанные генетически, эти слова в каждом отдельном языке нередко могут иметь различное звучание, семантику и графику, что весьма существенно подчеркнуть в связи с традиционным пониманием «интернационализма». Такие лексические единицы было бы целесообразно назвать регионализмами[7].

Обратимся к фактическому материалу[8]. В большинстве балканских языков широко распространены слова и словообразовательные морфемы новогреческого и турецкого языков, характерные только для балканских языков. Ср., например, ново-греч. ἀργάτης «батрак, поденщик», алб. *argat* (*ergat*), болг. *аргат*, серб. *аргатин*, рум. *argát*; ново-греч. δάσκαλος «учитель», алб. *dhaskál*, болг. *даскал* (для совр. языка устарелое), рум. *dáscăl*; ново-греч. δάφνη «лавр», алб. *dháfën* (*dafinë*), болг. *дафин*, серб. *дафина*, рум. *dáfin* «лавровое дерево; акация»; ново-греч. δρόμος «дорога», алб. *drum* (*dhrom*), болг. *друм*, серб. *дрȕм* «большая проезжая дорога, тракт, шоссе», рум. *drum*; ново-греч. καλύβα «лачуга», алб. *kalive*, болг. *колиба*, серб. *колиба*, рум. *caliba*, турецк. *kaliba*, *koliba*; ново-греч. κάματος «усталость; труд», алб. *kamatë*, *gamatë* «проценты с капитала», болг. *камато* «долг», серб. *камато* «проценты», рум. *cămătă* «ростовщичество»; ново-греч. κεραμίδα «черепица», алб. *qeramidhe*, болг. *керамида*, рум. *cărămida* «кирпич», турецк. *k'eremit*; ново-греч. σύνορον «граница», алб. *sinuar*, *sinor*, болг. *синор*, серб. *синор*, арум. *sinur*, турецк. *sinor*; ново-греч. σταφίδα «изюм», алб. *stafidhe*, болг. *стафида*, рум. *stafidă*; ново-греч. τριαντάφυλλον «роза», алб. *trëndafil*, *trandafil*, болг. *трандафил*, серб. *трандавйлье* «штокроза», рум. *trandafir*; ново-греч. ζωγράφος «художник», алб. *zograf*, болг. *зограф* «церковный живописец», рум. *zugrav* «маляр, художник» (устар.). Ср. из турецкого: турецк. *boja* «цвет», рум. *boia*, алб. *bojë*, серб. *бо̏ја*, болг. *боя*; турецк. *dolab* «шкаф», болг. *долап*, серб. *до̏лāп*, рум. *dulap*; ново-греч. ντουλάπι, алб. *dollap*; турецк. *budala* «глупец», болг. *будала*; серб. *будала*, ново-греч. μπουνταλᾶς, алб. *budall*; турецк. *kayık* «лодка», болг. *каик*, серб. *каик* «большая лодка, баркас», рум. *caic*, ново-греч. καΐκι, алб. *kaikë*; турецк. *mahalle* «квартал», болг. *махала*, серб. *ма̏хала*, рум. *mahala* «пригород», ново-греч. μαχαλᾶς, алб. *mahallë*; турецк. *inat* «упрямство», болг. *инат*, серб. *инат*, рум. *inat*, ново-греч. ἰνατι, алб. *inat*

---

[7] При этом не имеют значения территориальное расположение того или иного ареала (языки, входящие в один ареал, могут быть распространены в государствах, находящихся в различных частях света, или в государствах, отделенных друг от друга странами, не принадлежащими к данному языковому ареалу) и количество входящих в него языков. Понятие ареала, конечно, не может быть чем-то раз навсегда данным, застывшим; оно изменяется в связи с появлением (или исчезновением) в тех или иных языках общего фонда заимствованных слов в ходе их исторического развития. Включение того или иного языка в какой-либо ареал, по нашему мнению, должно определяться наличием в нем большинства заимствований, общих для других языков, включаемых в данный ареал.

Не следует смешивать термин «интернационализм» с его русским переводом «международное слово». Понятие «интернационализм» шире понятия «международное слово». Так, регионализмы являются международными словами (т. е. общими для языков ряда народов), но не интернациональными (т. е. общими для всех народов).

[8] В настоящей статье не рассматриваются слова, созданные в результате пуристических тенденций, которые возникают время от времени в ряде языков, так как кальки по своему фонетическому облику и морфологическому составу не совпадают с калькируемым словом.

«раздражение; досада; злоба; возмущение»; турецк. *çoban* «пастух», болг. *чобан*, рум. *cioban*, ново-греч. τσοπάνος, алб. *tshoban*, ср. еще болг. *турма* «стадо», алб. *turma* «большое количество; толпа; стадо», рум. *turmă* «стадо». В балканских языках распространены и общие словообразовательные элементы (например, суффиксы турецкого происхождения *-dži*, *-lek*; ср. болг. *овчарлок*, *майсторлѣк*, *рибарлък*, алб. *maskarallëk*, *peskadzillëk*, *peskadži* и т. д.). Круг общих заимствованных слов в балканских языках весьма обширен.

Слова, обычно относимые к так называемым «интернационализмам» (типа *политика*, *матч*, *университет* и др.), фактически также являются регионализмами. Здесь собственно мы имеем дело с параллельным проникновением слов из мертвых классических языков (латинского, греческого), а также слов романского, славянского и германского происхождения в языки Европы и американского материка (населенного европейцами) и в некоторые азиатские языки [9]. Следует отметить, что регионализмы, характерные для языков какого-либо одного ареала, могут распространяться в языки, принадлежащие к другим ареалам, как бы наслаиваясь на них. Это характерно обычно для территориально близких ареалов или ареалов, территориально включающих в себя другие ареалы. Такие явления могут также обусловливаться тесными экономическими и политическими контактами различных народов или быть результатом колониального захвата одних народов другими [ср., например, европейские регионализмы в турецком, японском или в некоторых африканских (суахили) и индийских (гуджарати) языках, попавшие в эти языки через английский и французский]. Так, регионализмы типа *электричество*, *индустрия*, *конструкция* и другие (особенно научные термины), а также словообразовательные суффиксы греко-латинского происхождения (например, *-изм*, *-ация* и др.), типичные для «европейско-американского» ареала, могут распространяться на балканские страны, которые территориально являются его частью. Специфически балканские регионализмы не встречаются в других языках «европейско-американского» ареала.

Интересно отметить, что лексический фонд некоторых языков (например, исландского и, за единичными исключениями, китайского) оказался непроницаемым для заимствований, и поэтому такие языки не имеют регионализмов. С другой стороны, в лексическом составе некоторых языков обнаруживается своеобразный конгломерат слов, принадлежащих к нескольким различным ареалам. Ср. в индонезийском: из др.-инд. — *bahasa* «язык», *muka* «лицо», *dêsa* «деревня», *pustaka* «рукопись»; из арабского — *waktu* «время», *ilmu* «наука», *kamus* «словарь», *kitab* «книга»; из европейских — *politik*, *komunisme*, *partai*.

Но вернемся к примерам. Арабский язык издавна был носителем арабской культуры среди многих иранских, тюркских, отчасти африканских народов. В настоящее время огромное количество исконно арабских слов распространено в турецком, персидском, афганском, уйгурском, таджикском, узбекском, казахском языках, в меньшей степени в языках урду, хинди, в Африке — в языках банту. Ср. араб. *маслаhат* «интерес (финансовый), польза; департамент», турецк. *maslahat* «дело; вопрос; выгода», перс. *мäслähäт*, афг. *маслаháт* «совет» (в смысле «указание»), курдск. *мэсьлhэт* «беседа, собеседование»; араб. *hаким* «правитель, командующий», турецк. *hâkim* «правитель, судья», перс. *hакем*, уйг. *hаким*; араб. *ўакил* «уполномоченный, агент», турецк. *vekil* «уполномоченный; министр», перс. *вäкил*, афг. *вакӣл*, уйг. *векил*; араб. *истиḳлал* «независимость», турецк. *istiklâl*, афг. *истиклāл*, перс. *эстеґлал*; араб. *даира* «круг, окружность», турецк. *daire*, узб. *доира*, тадж. *доира*, уйг. *дайрэ*, перс. *дайере*, афг. *доира*; араб. *hукума* «правитель-

[9] Ср. В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936.

ство», перс. *hокумāт*, турецк. *hükûmet*, афг. *hукӯмāт*, тадж. *хукумат*, казах. *ҩkімет*; араб. *дарра* «атом», афг. *зарра́*, перс. *зāрре*; араб. *дунйа* «мир, вселенная», турецк. *dunya*, перс. *донйа*, уйг. *дунйа*, афг. *дунйā́*; араб. *сийаса* «политика», турецк. *siyaset* «политика; казнь», перс. *сийасāт*, курд. *сэиасэт*, уйг. *сиясэт*; араб. *hикайа* «рассказ», турецк. *hikâye*, перс. *hекайāт*, афг. *hикайат*, уйг. *hикайэ*; араб. *мактаб* «школа», турецк. *mektep* «учебное заведение», уйг. *мэktэр*, казах. *мектеп* перс. *мактаб*; араб. *китаб* «книга», афг. *китāб*, перс. *кетаб*, турецк. *kitap*, казах. *кітап*. Ср. также слова араб. *hайат* «жизнь», *хабар* «известие», *ўатан* «родина», *ўаҩт* «время», *'аила* «семья» и др., которые заимствованы в турецком, афганском, персидском, узбекском и уйгурском языках. Такие примеры можно было бы во много раз увеличить. Рассматриваемые языки имеют и общие словообразовательные элементы [ср. турецкий агентивный суффикс *-dži* (в языках Средней Азии *či*): араб.-турецк. *махзанджи* «кладовщик», перс.-турецк. *бостанджи* «огородник» и т. д.].

Китайский язык играл на Дальнем Востоке такую же роль, как латынь в Европе или арабский в Турции, Иране и Средней Азии. Большое количество китайских слов и словообразовательных морфем широко распространено в соседних языках: японском, корейском, вьетнамском, уйгурском и др. Ср. кит. *цзюньдуй* «армия», корейск. *кундэ*, япон. *гунтай*; кит. *дяньци* «электричество», корейск. *чŏнги*, япон. *дэнки*; кит. *гунчаньчжуи* «коммунизм», корейск. *конъсанчжуый*, япон. *кёсансюги*; кит. *дяньхуа* «телефон», корейск. *чŏнхва*, япон. *дэнва*; кит. *шицзянь* «время», корейск. *сиган*, япон. *дзикан*; кит. *ду* «яд», корейск. *ток*, япон. *доку*; кит. *цзиншэнь* «дух», корейск. *чŏнъсин*, япон. *сэйсин*; кит. *мо* «пульс», корейск. *мэк*, япон. *мяку*. Многие китайские словообразовательные суффиксы распространены в японском и корейском языках. Ср. китайский суффикс *-чжуи*, япон. *-сюги*, корейск. *-чуый* (= европ. *-ism*): кит. *дигочжуи* «империализм», япон. *тэйкокусюги*, корейск. *чэгукчуый*; китайский суффикс *-син*, корейск. *-сŏн*, япон. *-сэй* (с абстрактным значением) кит. *туаньцзесин* «сплоченность», япон. *данкэцусэй*, корейск. *тангйŏльсŏн*; *йонъунъсонъ* «героизм».

В свете сказанного становится ясно, что, входя в тот или иной ареал, регионализмы могут быть распространены как в неблизкородственных языках (ср., например, греческий, румынский, албанский или английский, русский, французский), так и в близкородственных (например, английский, немецкий, голландский, шведский или турецкий, узбекский и др.).

3

Как уже отмечалось, так называемые «интернационализмы» обычно считаются фонетическими вариантами того или иного слова в различных языках [10]. С этой точкой зрения, однако, никак нельзя согласиться. Если говорить о единстве слова в ряде языков, то оно было бы возможно лишь в том случае, если бы все компоненты звучания того или иного слова несли одинаковую смыслоразличительную нагрузку во всех рассматриваемых языках. Иначе говоря, необходима была бы общность или близость фонем и их аллофонов [11], а не звуков (в чисто физическом, антропофоническом понимании этого слова), ибо, как известно, одинаковые звуки в разных языках могут являться разными фонемами, и, наоборот, различные звуки могут быть вариантами одной фонемы. Кроме того, акцентное и тоновое строения таких слов должны были бы быть общими. Но возможно ли это?

Если сравнить отдельные языки, то оказывается, что многие фонемы имеют определенную область распространения, выходящую за пределы

[10] Ср. указанные статьи А. А. Белецкого, В. Фрида, О. Б. Шахрай.

[11] Отметим, что В. В. Акуленко в своей статье хотя и говорит о «фонологическом» единстве так называемых «интернационализмов», фактически имеет в виду «значительную степень их внешнего сходства, их „произношение“» (см. стр. 96).

данного языка и захватывающую нередко языки самого различного строя. Так, фонема [ts] встречается в немецком, в славянских языках, а также в латышском, венгерском, румынском, новогреческом, албанском, итальянском и др. Фонема [θ] существует в английском, испанском, исландском, албанском, новогреческом, арабском и других языках. Взрывные согласные фонемы (лабиальный, дентальный и гуттуральный) существуют почти во всех языках мира ([p] отсутствует, например, лишь в некоторых языках американских индейцев, [k] — в касимовском диалекте волжских татар)[12]. С другой стороны, многие фонемы отсутствуют в ряде языков. Фонема [f], например, отсутствует в финском, эстонском, латышском, армянском, бирманском, монгольском, а в корейском и японском встречается только перед [u]. Фонема [ts] чужда испанскому, английскому, голландскому и скандинавским языкам, фонема [h] — французскому, итальянскому, новогреческому, тамильскому и др.

Приходится, однако, констатировать, что даже при совпадении тех или иных фонем в различных языках мы не можем наблюдать полного совпадения фонематической структуры регионализмов, ибо определенная система фонем, как известно, является неотъемлемой частью строя только данного языка и чужда другим языкам. Отметим также, что одни и те же фонемы противопоставляются в разных языках различным фонемам. Вполне естественно, что фонемный состав слов, произнесенных на каком-либо языке, неодинаково воспринимается носителями других языков, как бы пропускается ими через призму фонемного состава родного языка[13]. Так, [h] и [c] — разные фонемы в немецком, но варианты одной фонемы в японском, [g] и [k] — разные фонемы в большинстве языков, но одна фонема в голландском. Понятно, что, например, японец при заимствовании того или иного слова с [h] (или [c]) может произносить его как с [h], так и с [c], что делает это слово непонятным в других языках. Совпадение фонемной структуры регионализмов в целом минимально, тогда как несовпадение ее в целом максимально[14]. Ср., например, англ. *patient* [peiʃnt], франц. *patient* [pas'jã], русск. *пациент*, швед., дат. *patient* [paʃent], исп. *paciente* [paθiente]. Англ. *psychology* [saɪ'kɔlədʒɪ], *culture* [kʌltʃə] «культура», *pair* [pɛə] «пара», франц. *mêtingue* [metɛ̃] «митинг». Итал. *cavo* «кабель», «пещера, углубление», португ. *cabo* «кабель; рукоятка (ножа)», фин. *kaapeli* «кабель» вряд ли можно «узнать» в языках, где в состав тех же слов входит ряд других фонем (например, в русском, албанском, немецком). В различных языках дальневосточного ареала (китайском, японском, корейском) регионализмы обнаруживают значительные фонематические расхождения и в большинстве случаев совершенно «неузнаваемы».

Интересны факты адаптации регионализмов в языках различных семей. В ряде языков происходит субституция или эллипсис определенных фонем; характерны также «вставка» эпентетических или протетических гласных между согласными фонемами в заимствованных словах или

---

[12] Очевидно, мы имеем здесь дело с параллельным, независимым развитием фонем. Ср. N. S. Troubetzkoy, Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein, TCLP, 8, 1939; R. Jakobson, Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues, «Actes du 4-me Congrès de linguistes», Copenhague, 1938; его же, Über die phonologische Sprachbünde, TCLP, 4, 1931.

[13] Это особенно характерно для языков, принадлежащих к разным языковым семьям, или для случаев, когда слово уже давно заимствовано языком и подверглось всем фонемным изменениям, происшедшим в данном языке.

[14] В ряде случаев по иностранному звучанию того или иного слова можно лишь догадываться о соответствующем слове в родном языке. Даже в тех случаях, где внешняя «узнаваемость» наблюдается, она носит весьма условный характер ввиду наличия в этих словах в большей или меньшей степени специфических звуков, акцентуации. Степень «узнаваемости» того или иного слова неодинакова для разных языков и зависит от степени близости их фонемного состава. Таким образом, внешнее акустическое сходство слов не может служить общим критерием их «узнаваемости» в различных языках.

изменение фонем в результате гармонии гласных[15] (ср. турецк. *istasyon* < франц. *station*; турецк. *budala* < ново-греч. μπουντάλᾶς; турецк. *çoban*, рум. *cioban*, ново-греч. τσοπάνος). В различных языках существуют различные возможности сочетания фонем в словах. В финском языке, например, как и в корейском, японском, монгольском и тюркских языках, невозможно сочетание согласных в начале слова (ср. фин. *ropakanta* < *propaganda*). В японском языке в силу закона открытых слогов сочетание двух согласных невозможно, вследствие чего при заимствовании между этими согласными «вставляются» гласные *u* или *o* (после *t*, *d*). Плавный [l] в японском отсутствует (в китайском, наоборот, отсутствует [r] при наличии [l]) и в иностранных словах воспринимается как [r]; [f] воспринимается как [h], [v] как [b], [ʃ] как [z] и т. д. Ср. *huirumu* (из англ. *film*), *kurabu* (из англ. *club*), *hohi* (из голл. *koffie*), *dorama* (из англ. *drama*), *shipitaru* (из англ. *hospital*). В английском языке невозможны сочетания [kn, nr] в начале слова и фонема [h] в конце слова. Весьма своеобразно передаются европейские слова и в китайском языке [ср. *цзийлэбу* (из англ. *club*), *сувэйай* (из русск. *совет*), *айдимэйдунь* (из англ. *ultimatum*)].

В некоторых языках заимствованное слово в единственном числе может быть «узнаваемо», но множественное число, образованное по языковым моделям данного языка, делает его совершенно «неузнаваемым». Ср. араб. *фил'м*, мн. число *афлам* (по модели *джиср* «мост»)[16].

4

Перейдем к рассмотрению семантической стороны регионализмов. В большинстве языков, входящих в тот или иной ареал, семантика регионализмов отличается большой пестротой. Укажем лишь некоторые примеры. Ср. араб. *майфа* «класс, разряд, серия; религиозная община», турецк. *tayfa* «экипаж (судна)», «матрос»; араб. *хайл* «лошади, конница; толпа», афг. *хӣл* «племя, семья», тадж. *хел* «род, тип, сорт», туркм. *хил* «сорт, вид; качество, свойство»; араб. *маслаhат* «интерес (финансовый); польза», турецк. *maslahat* «дело, вопрос», афг. *маслаháт* «совет», курд. *мэсьлhэт* «беседа, собеседование». Ново-греч. κάματος «труд», алб. *kamatë*, *gamatë* «проценты с капитала», болг. *камото* «долг», рум. *cámătă* «ростовщичество»; ново-греч. κεραμίδα «черепица», рум. *caramidă* «кирпич»; турецк. *mahalle* «квартал», рум. *mahala* «пригород», турецк. *inat* «упрямство», алб. *inat* «раздражение; досада; злоба; возмущение». Итал. *fortuna*, франц., англ. *fortune* «судьба», но турецк. *fortuna*, араб. *фуртуна*, серб. *фортуна* «шторм»; англ. *identity* означает не только «идентичность», как в русском или немецком, но и «личность, индивидуальность, подлинность»; франц. *facteur* означает не только «фактор», но и «почтальон»; англ. *deputy* — не только «депутат», но и «заместитель», а в терминологии горной промышленности — «крепильщик»; швед., англ. *radiogram* означает не только «радиограмма», но и «рентгеновский снимок»; чеш. *akademik* — не только «академик», но и «студент»; англ., франц. *médecine* не только «медицина», но и «лекарство»; англ. *sum* означает не только «сумма», но и «задача». Ср. еще швед., дат. *konkurs* «банкротство», исп. *concurso*, франц. *concours* «содействие, помощь; стечение (народа, обстоятельств); конкурс», англ. *concourse* «толпа; площадь, где сходятся несколько улиц

---

[15] См. E. Gamillscheg, Über Lautsubstitution, «Zeitschr. für rom. Philologie», Beiheft 27, 1911; E. Polivanov, La perception des sons d'une langue étrangère, TCLP, 4, 1931; H. Frei, Monosyllabisme et polysyllabisme dans les emprunts linguistiques, «Bull. de la Maison Franco-japonaise», vol. VIII, 1936; A. Fischer, Die Vokalharmonie der Endungen in den Fremdwörtern des Türkischen, Leipzig, 1920.

[16] О структурных изменениях заимствований в арабском языке см.: A. Spitaler, Materiallen zur Erklärung von Fremdwörten in Arabischen durch retrograde Ableitung, сб. «Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer», Wiesbaden, 1955.

или аллей парка; центральный зал вокзала», серб. *кȍнкурс* «соглашение кредиторов для получения долгов с банкрота; конкурс», русск. *конкурс*, нем. *Konkurs*, чеш. *konkurs*; швед., норв. *avans* «выгода, прибыль», итал. *avanzo* «выигрыш; остаток», ср. голл. *avance*, польск. *awans* «аванс»; исп. *parado* «остановка; пауза (муз.); перекладные лошади; парад» (ср. англ., франц. *parade* «парад», нем. *Parade* «парад»); швед. *sekret(et)* «печать», ср. русск. *секрет*, англ., франц. *secret* «секрет» и т. д.; швед. *syjett* «театральный артист» (ср. русск. *сюжет*, франц. *sujet*, англ. *subject* «сюжет»); исп. *subsidio* «налог, обложение; субсидия», франц. *subside* «налог, обложение; субсидия» (ср. англ. *subsidy*, рум. *subsídiu* «денежное пособие, субсидия»); чеш., швед. *sublimat* «сулема» (двухлористая ртуть), ср. русск. *сублимат* (продукт сублимации, возгон); исп. *resulta* «вакантная должность» (ср. русск. *результат*, франц. *résultat* и т. д.); дат. *karakter* «балл, отметка»; ново-греч. σχῆμα «военное приветствие; жест; формат; форма, фигура»; рум. *compas* «циркуль»; исп. *compas* «циркуль, музык. такт; размер, мера; компас». Следует заметить, что вряд ли можно вместе с В. В. Акуленко говорить об общности таких слов, т. е., по нашей терминологии, признать регионализмами слова, имеющие в разных языках как сходные, так и несходные значения [17]. Носитель другого языка, которому известны (или, наоборот, неизвестны) другие значения данного слова, может понять его неправильно.

Необходимо, наконец, указать на неодинаковые возможности стилистического употребления и фразеологической сочетаемости регионализмов в различных языках.

Остановимся кратко на графической стороне регионализмов. Прежде всего следует заметить, что языки, имеющие в своем лексическом составе регионализмы, нередко пользуются разными системами письма [ср., например: 1) албанский, румынский, греческий, болгарский; 2) китайский [18], вьетнамский, уйгурский, тибетский, корейский, бирманский, монгольский]. С другой стороны, языки, входящие в разные ареалы, могут иметь одинаковую систему письма (например, латинское письмо используется не только в европейских языках, но и во вьетнамском, индонезийском, турецком, гавайском, в некоторых славянских языках; славянское письмо используется не только в ряде славянских языков, но и в некоторых языках Средней Азии, а также в монгольском и т. д.).

В языках с одинаковой системой письма (ареалов, в которые входили бы только такие языки, вообще не существует) возможности сближения регионализмов по графическому принципу значительно ограничиваются, во-первых, теми особыми исторически обусловленными фонетическими преобразованиями, которые характерны для различных языков и не могли не сказаться на их графике (ср., например, итал. *atto* «акт», *patto* «пакт», *fatto* «факт», *paio* «пара»), во-вторых, тем, что одни и те же звуки в отдельных языках имеют неодинаковое буквенное выражение [19].

Подведем некоторые итоги. В ряде языков (как близко-, так и неблизкородственных) можно обнаружить общий лексический фонд заимствованных слов, которые прослеживаются лишь в языках, территориально расположенных в том или ином ареале, и не типичны для языков, принадлежащих к другим ареалам (регионализмы) [20]. Фонемный, семантический и графический облик этих слов обнаруживает значительные расхождения, в связи с чем графический, фонологический и семантический аспекты не могут служить надежным критерием при определении регионализмов.

---

[17] Именно такие слова обычно оказываются «ложными друзьями» переводчика.

[18] В настоящее время в Китае, как известно, осуществляется переход на новую латинизированную систему письма.

[19] Ср. G. Grünewald, Bemerkungen zu einer vergleichenden Betrachtung von Sprechen und Schreiben, «Phonetica», vol. 1, № 4, Basel — New York, 1957.

[20] При этом, конечно, не имеет значения, какие понятия (международные, бытовые и т. д.) выражаются регионализмами.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

Ю. К. ЛЕКОМЦЕВ

К ПРИНЦИПУ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье делается попытка классификации вьетнамских простых предложений на основе структурного анализа[1]. Статья строится следующим образом: сначала дается ряд общих положений, затем из них выводятся принципы классификации простых предложений и предлагается таблица, классифицирующая эти предложения вьетнамского языка, и, наконец, даются пояснения к таблице и обоснования некоторых деталей классификации.

I. Общие положения

1. Код и сообщение

Словарь элементарных единиц (фонем, семантем, морфем), набор схем сложных единиц (слоги, слова, предложения) и система правил, регулирующих распределение более простых единиц в более сложных, составляют так называемый языковый код, существующий в человеческом мозгу. В результате применения единиц и правил кода образуются звуковые последовательности, которые мы произносим и воспринимаем, — так называемые сообщения.

2. Знак и фигура в коде

Под знаком понимается отношение чувственно воспринимаемого явления (звука, цвета, графического изображения и т. д.) к определенному значению. Важнейшим свойством знака является коммутационность, т. е. способность любой из его сторон изменяться в связи с изменениями (определенного рода) противоположной его стороны. Знак языка в отличие от примитивных знаков (например, сигнала светофора) имеет стороны, не являющиеся неразложимыми, а построенные из особых единиц — фигур. Фигура в отличие от знака обладает только одной стороной. Фигурами звуковой стороны языкового знака являются фонемы и фонологические слоги. Фигурами смысловой стороны языкового знака являются семантемы, слова, предложения. Знаками являются такие языковые единицы, как морфема, слово$_1$, предложение$_1$[2]. Но различные языковые знаки неодинаковым образом относятся к коду. Минимальный знак — морфема — существует в коде как конкретная единица кодового словаря. Слово и предложение — сложные знаки — представлены в коде схемами фигур своих смысловых сторон, а также просодическими схемами — ударением и интонацией. Как конкретные единицы эти знаки (слово и предложение) выступают только в сообщении.

---

[1] Предложения могут быть классифицированы по их составу и по их модальности. Мы затрагиваем проблему классификации не в полном объеме: в статье будет идти речь в основном о классификации предложений по их составу.

[2] Термины «слово» и «предложение» нам приходится использовать в двух различных значениях: 1) в качестве обозначения фигур содержания, 2) в качестве обозначения знаковых единиц. Чтобы избежать смешения терминов, в первом случае мы употребляем их без индекса, а во втором — с индексом 1.

По-видимому, такую единицу, как предложение, нельзя рассматривать в коде как знак, обе стороны которого представлены схемами: такой знак потерял бы важнейшее свойство — коммутационность, так как данная интонационная схема может относиться к любой схеме смысловой стороны и данная схема смысловой стороны может соотноситься с различными интонационными схемами. То же может быть сказано и о слове.

Языковую единицу можно рассматривать на трех уровнях: 1) на уровне кода, 2) на уровне сообщения, 3) на уровне сообщения, интерпретированного через код. Предложение как знак может быть рассмотрено на третьем уровне.

3. Синтагматическая и парадигматическая оси

Речевое сообщение строится последовательно во времени, располагаясь как бы по горизонтальной линии. Эта горизонталь, относительно которой строится сообщение, называется синтагматической осью. Можно предположить, что принцип линейности присущ также и коду. Об этом говорит само существование в коде схем сложных единиц. Кроме того, важен тот факт, что схемы сложных единиц (например, слогов) образуются по принципу редукции полной схемы. Примером может служить формула китайского слога, предложенная Е. Д. Поливановым[3]: если обозначить начальный согласный цифрой 1, полугласный цифрой 2, гласный цифрой 3, конечный согласный цифрой 4, то полной формулой слога будет 1234 (например, *гуань*). В китайском языке возможны следующие типы слогов: 1234 (*гуань*); 123 (*гуа*); 23 (*уа*); 34 (*ань*); 134 (*гань*); 3 (*а*). Линейность выступает, таким образом, как принцип порождения схем сложных единиц. Принцип линейности такого рода мы будем называть синтагматической осью кода. Только о ней в дальнейшем и будет идти речь.

Каждая единица в коде (морфема, схема слога, предложения и т. д.) при наборе сообщения или словарной единицы кода, как и в случае со слогом, должна быть выбрана из некоторого столбца аналогичных единиц. Для каждого места на синтагматической оси выбирается единица из вертикального столбца или парадигмы. Вертикаль, относительно которой располагаются члены парадигмы, называется парадигматической осью. Парадигматическая ось принадлежит коду.

4. Принцип гомоморфизма планов

Согласно принципу гомоморфизма планов, существует целый ряд свойств, общих для фигур различных сторон знака. Число фигур каждой из сторон знака, обладающих этим свойством, как правило, различно. Нас интересует лишь одно из общих свойств общее свойство для слога и предложения (фигуры содержания) быть построенными относительно двух осей — синтагматической и парадигматической.

II. Принципы классификации

Схемы предложения строятся относительно двух осей. Принцип образования типов простых предложений становится более наглядным при проведении аналогии со слогом. Если обратиться к построению фонологического слога, то мы увидим, что имеется несколько видов вьетнамского слога, например: *kuang*, *kang*, *uang*, *ka*, *ua*, *ang*, *a*, где каждая фонема является представителем отдельного парадигматического класса фонем. Среди них имеется слог, состоящий из наибольшего числа фонем (*kuang*), и остальные, состоящие из меньшего числа фонем. С точки зрения синтагматики (горизонтальной оси) мы назовем слоги, состоящие из наибольшего числа фонем, полным синтагматическим типом, а слоги, состоящие из меньшего числа фонем,— редукциями полного синтагматического типа.

[3] См. А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов, Грамматика современного китайского языка, М., 1930, стр. 150.

С точки зрения парадигматики (вертикальной оси) все виды слогов, приведенные выше, выступают как равноправные единицы, так как все они являются звуковыми оболочками морфем[4]. Назовем их парадигматическими типами.

Аналогичным образом можно рассматривать простое предложение. С одной стороны, оно может быть конструкцией, состоящей из наибольшего числа элементов (скажем, членов предложения), а также конструкцией, являющейся частью полной конструкции. С другой стороны, было бы натяжкой считать, что конструкция с непереходным глаголом (т. е. без прямого дополнения) или обращения неполна по сравнению с конструкцией из наибольшего числа элементов. Эти конструкции являются редукциями полного типа с точки зрения синтагматики и независимыми типами с точки зрения парадигматики. Таким образом, в предложении, как и в слоге, мы имеем дело с полным синтагматическим типом и его редукциями и с парадигматическими типами. Под полным синтагматическим типом предложения понимается схема, состоящая из всех элементов (например, членов предложения), которые встречаются в линейной последовательности между двумя паузами.

Однородные члены рассматриваются как один элемент схемы. В практических целях полным синтагматическим типом можно считать схему, содержащую подлежащее, сказуемое и дополнение П — С — Д[5].

Отношение некоторых видов простого предложения, например, таких, как междометия, к полному синтагматическому типу неясно. По-видимому, их следует рассматривать как элементы, вхождение которых в одну из нескольких парадигм, в частности из всех парадигм полной схемы, не определено. В принципе подобное явление возможно и в слоге. Так, например, в полной схеме слога классического тибетского языка согласные *m*, *g* и *o* (в начале слога) могут быть отнесены либо к первому парадигматическому классу, либо ко второму точную принадлежность к одному из двух классов определить нельзя. В приведенной ниже таблице междометное предложение рассматривается как элемент, неопределенный относительно парадигм П, С, Д. Итак, с точки зрения синтагматической оси все предложения выступают либо как полный тип (П — С — Д), либо как редукции полного типа (П — С, С — Д, П — Д, С).

Основным объектом нашего исследования должны быть различные схемы предложений в коде. Чтобы установить их различия, следует прибегнуть к такому свойству знака, как коммутационность. Необходимо уточнить, какого рода коммутационная проверка нужна для нашей задачи изучения схем простых предложений. Совершенно ясно, что при коммутационной проверке замена слова *гуси* словом *утки* в предложении *летят гуси* изменит значение предложения (а значение предложения есть результат суммирования в коде значений морфем, к которым сводится декодирование предложения). Но мы интуитивно понимаем, что в результате получилось предложение, построенное по той же схеме, что и первое предложение.

Очевидно, для того чтобы коммутационная проверка задевала схему предложения, необходимо изучать коммутацию звукового элемента с нулем. Под нулем понимается отсутствие звукового отрезка в сообщении, которому соответствует единица словаря или схема в коде. Относительно коммутационной проверки мы различаем два типа нуля инвариантный нуль, т. е. нуль, меняющий значение предложения, и вариантный нуль,

[4] Исключение представляют дополнительные слоги (*tiếng đ̂ẹm*), которые не являются звуковыми оболочками морфем (например, *lụng* из *làm lụng* «работать»). В остальных случаях во вьетнамском языке слог является звуковой стороной морфем, и поэтому вьетнамские морфемы представляют собой чисто знаковые единицы.

[5] Под подлежащим, сказуемым, дополнением понимается функция в предложении, которую преимущественно выполняет определенная конструкция (именная или глагольная группа), но которая в некоторых случаях может выполняться другой конструкцией.

т. е. нуль, не меняющий значения предложения. Схемы, полученные из полного синтагматического типа путем замены одного (или нескольких) элементов П, С, Д инвариантным нулем, называются парадигматическими типами (инвариантными). Схемы, полученные из полного синтагматического типа путем замены элемента вариантным нулем, называются вариантами парадигматических типов.

Под классификацией простых предложений мы понимаем соотношение конкретных предложений со списком парадигматических типов (инвариантов), а под классификационной таблицей — список подобного рода инвариантов. Тогда парадигматические типы вьетнамских простых предложений могут быть представлены следующей таблицей:

Таблица простых предложений во вьетнамском языке [6]

Полный синтагматический тип и его редукции			Парадигматические типы и их варианты		
П	С	Д	B_1		
—	С	Д	B_2		
П	С	—	B_3		
—	С	—	B_4		
П	—	—	B_5	—	T_1
—	—	Д	B_6		
П	—	Д	B_7		
Именное предложение					
—	—	—	B_8		
П	С	—	B_1	—	T_2
Предложение с непереходным глаголом					
—	С	—	B_1	—	T_3
Безличное предложение					
П/Д			B_1	—	T_4
Обращения, назывные предложения					
П/С/Д			B_1	—	T_5
Междометия					

Первый парадигматический тип

2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 8-й варианты первого типа в таблице изображают эллиптические предложения. Эллипсис — типичный пример употребления вариантного нуля. Останавливаться подробнее на эллиптических предложениях нет необходимости. Оставляя в стороне вопросы, связанные с эллиптическими предложениями, мы остановимся более подробно на обоснованиях включения предложений со связкой *là* и именных предложений в первый парадигматический тип.

1. Предложение со связкой là

Во вьетнамском языке существует связка *là*. Чтобы указать место, которое занимает предложение со связкой в классификации, необходимо выяснить грамматическую природу *là*. Для глагола характерна возможность сочетаться со следующими группами служебных элементов: 1) показатели времени и вида: *đã* — показатель совершенного действия в прошлом, *sẽ* — показатель будущего времени, *đang* — показатель действия, протекающего в определенный момент времени; 2) показатель совместности *cũng* «также»; 3) показатель распределительной множественности *đều*; 4) служебный глагол отрицания *không* и др.; 5) служебные глаголы (модальные, временные и т. д.): *phải* «долженствовать», *còn* «продолжаться», *đ̣ư'o'c* «мочь» и др. *là* сочетается со служебными

[6] Настоящая таблица не претендует на исчерпывающую классификацию вьетнамских простых предложений. Конкретный результат классификации зависит от коммутационной проверки, практическое проведение которой является важной и недостаточно разработанной проблемой. Основная задача статьи — не давать исчерпывающей классификации, а показать только ее принципы.

элементами, названными выше, и, следовательно, является глаголом[7]. Предложение с *là* — обычный пример полного синтагматического типа. Примеры предложений с глаголом *là*: «Đã là anh em rượt thì ở' phải cùng ở', đi phải cùng đi, yêu nhau, sống chết có nhau» (AL[8], 159) «Если стали родными братьями, то жить должны вместе, идти всегда вместе, должны любить друг друга, жить и умереть вместе»; «Một sẽ là hạnh phúc hai là thất vọng!» (DS, 24) «Одно будет счастьем, другое поражением!; «Hỏng mất máy thì cũng là hỏng của chính phủ, của nhân dân» (MNGI, 11) «Неудача с машинами — это также есть неудача правительства, народа»; «Nhu'ng đó cũng chỉ là một cuộc gặp gỡ'bất ngờ' trong cuộc đờ'i chính chiến, không đầu không cuối» (NGL, 26) «Но это также всего лишь неожиданная встреча в военной жизни, без начала, без конца»; Nhu'ng toàn bản đều là anh em thân thích xa gần» (CH, 53) «Но все село — братья, дальние и близкие родственники»; «Chủ vó'i khách gì? — Không là chủ mà lại đi tha hồ ở'đây đu' o 'c?» (NGL, 27) «Хозяин с гостями что ли? — Если бы я не был хозяином, то разве я смог бы свободно ходить здесь», «Tru'ớ'c khi trả lờ'i, tôi muốn biết Trân châu có vẫn còn là phái viên của tờ' [báo] .. không?» (MNGI, 22) «Прежде чем ответить, мне хочется узнать, ты, Чэн Тьэу, все еще являешься корреспондентом журнала...?»; «Thế ra ngu'ờ'i Xá chúng tôi đụ'ợ'c là anh cả?» (CH, 51) «Выходит, что мы, люди Са, являемся вашими старшими братьями».

2. *Именное предложение*

Языковеды уделяют большое внимание проблеме именного предложения. Так, в конце 40-х — начале 50-х годов появляется ряд статей (преимущественно во Франции), посвященных проблеме различия имени и глагола и проблеме именного предложения[9].

Именное предложение как тип было обнаружено «не только в языках индоевропейских, семитских, финно-угорских, банту, но также в совершенно различных языках: шумерском, египетском, кавказских, алтайских, дравидских, индонезийском, в языках Сибири, в языках индейцев Америки и т. д.[10]».

Во вьетнамском языке также встречается именное предложение, которое, однако, значительно отличается от именного предложения, скажем, европейских языков. Основное отличие вьетнамского именного предложения от именного предложения европейских языков связано с тем, что слова со значением качества и слова со значением действия, соответствующие прилагательному и глаголу европейских языков, принадлежат во вьетнамском к одной части речи, которую мы условно

---

[7] В отличие от большинства других глаголов, *là* не может выступать как непереходный глагол, т. е. без последующего дополнения. По этому признаку *là* объединяется с глаголами *сứ'* «продолжать» и *bị* «терпеть ущерб от...». Кроме того, отрицательная форма глагола *là* обычно образуется не путем постановки отрицания *không* непосредственно перед *là*, а постановкой перед *là* сочетания *không phải*. Однако встречаются случаи непосредственной постановки *không* перед *là* (примеры приводя ся в тексте).

[8] В статье нами приняты следующие сокращения: AL — Ng. huy Tu'ở'ng, Truyện Anh Lục (Нгуен хюи Тыонг, Рассказ о Луке), т. I, Ханой, 1955; ChH — Hoc Phi, Chị (Хаук Фи, Сестра Хоа), Ханой, 1955; CH — Lê tuấn Việt, Nhữ'ng ngu'ờ'i côn hu'o'n (Ле туэн Вьет, Рабы), Ханой, 1955; DS — Nguyễn Chân, Dòng sông (Нгуен Тьэн, Река), Ханой, 1955; MNGI — Nguyễn khắc Đứ'c, Mở' nông giang (Нгуен кхак Зык, Откроем канал), Ханой, 1955; NGL — Trần Dăn, Ngu'ờ'i ngu'ờ'i lớ'p lớ'p (Чэн Зэн, Люди ряд за рядом), Ханой, 1955; TĐ — Ngô tất Tố, Tắt đèn (Нго тэт То, Свет лампы погас), Ханой, 1955; ThL — Thạch Lam, Truyện ngắn (Тхать лам, Короткие рассказы), Ханой 1957; TRCVN — Vũ ngọc Phan, Truyện cổ tích Việt Nam (Ву нгаук Фан, Легенды Вьетнама), Ханой, 1955.

[9] См.: «Mélanges Marouzeau», Paris, 1948; «Journal de psychologie», Paris, 1950; BSLP, 1948—1951.

[10] E. Benveniste, La phrase nominale, BSLP, t. XLVI, fasc. 1, 1950, стр. 19.

называем глаголом. Поэтому вьетнамское именное предложение состоит из двух групп имен существительных.

Рассмотренный материал позволяет выделить следующие группы именных предложений.

1) Предложение состоит из двух именных групп:

а) вторая именная группа включает числительное: «Nam Bắc một nhà» «Юг и Север — одна семья» (заглавие стихотворения); «Cả nu'ớ'c một lòng thì chẳng yếu» (AL, 24) «[Если] вся страна — одно сердце, то мы не слабы»; «Năm nay, Na mu'ờ'i sáu tuổi» (DS, 21) «В этом году На шестнадцать лет»;

б) вторая именная группа не содержит числительного, но содержит именное определение: «Mình phận con gái ngheò thôn quê vốn liếng chả có gì...» (DS, 25) «У меня судьба бедной деревенской девушки: нет ни имущества, ни денег»; «Ngu'ờ'i ta trâu của nhà, ông chẳng cho thì chớ'...» (TĐ, 31) «У некоторых буйволы свои: если ты их не пускаешь, не страшно...».

2) Предложение состоит из двух именных групп, противопоставление которых подчеркнуто определенными средствами:

а) соотносительной конструкцией *mỗi ... một...* «каждый... один...»: «Em lên. rù'ng, chạy quanh rù'ng bắn, mỗi chỗ một phát...» (AL, 34) «Мальчишка бросился в лес, бегал по лесу и стрелял; в каждом месте — один выстрел»; «Mỗi anh một cái mũ trụ, nhu' cái rẽ tu'ớ'ng trên đầu, mỗi anh một cái giáp cỏ danh xù xụ đeo lu'ng» (NGL, 42) «На каждом бойце — каска, будто большая подставка для горшков на голове, на каждом бойце — плащ из травы, громоздко лежащий на спине»; «Lang Liêu đã có hai thú'banh, mỗi thú' một'trăm cái, đem dâng vua» (TRCVN, 68) «Ланг Льеу имел уже два сорта пирожков, каждый сорт — сто штук, понес [их] в подарок королю». В некоторых случаях конструкция выступает в виде một... một... «один... один...»: «Một ngu'ờ'i một súng» (NGL, 8) «На человека — одно ружье»;

б) выделительной частицей thì: «Nhà thì gạo chợ' nu'ớ'c sông» (MB, 36) «[Что же] семья — [так] рис рыночный, вода из реки».

Интересно отметить употребление именных предложений в составе сложных членных предложений, т. е. предложений с одним из членов, замененным целым предложением, а именно таких, которые могут быть получены из простого глагольного предложения путем замены сказуемого и дополнения или из простого именного предложения путем замены второй именной группы:

а) членное предложение включает простое глагольное предложение: «Thu'o'ng mắt vẫn đỏ ngầu» (CH, 21) «У Тхыонга глаза все еще красные»; «Mình tay không, nó có súng, có quân, có tiền, mình làm gì đu'ợ'c nó» (DS, 11) «Мы с голыми руками, они имеют ружья, имеют армию, имеют деньги, что мы можем сделать с ними»; «Na mồ hôi nhễ nhại...» (DS, 16) «На заливалась потом» (буквально «На пот обильно выступать»);

б) членное предложение включает простое именное предложение: «Hai mẹ con mỗi ngù'o'i một ý nghĩ» (DS, 25) «У матери и ребенка — у каждого своя мысль»; «Hàng xóm láng giềng mỗi ngu'ờ'i một tay nên ma chạy cũng xong» (DS, 5) «Из соседей каждый приложил руку, поэтому церемония была закончена».

3) Вторая именная группа представлена вопросительно-указательным местоимением: «Anh So'h đây à!» (ChH, 10) «А, это Шен!»; «U em đâu»?» (AL, 18) «Где твоя мать?»; «Lục hỏi: — Ảnh aiđ ấy hả anh?» (AL, 26) «Лук спросил: чей это портрет там, брат?»; «Tiền đâu bà mày mua thuốc?» (DS, 21) «Откуда деньги, на которые твоя тетка купила лекарства?»

Вернемся к вопросу об отношении именного типа к глагольному. Относятся ли именное и глагольное предложения друг к другу как два парадигматических типа или как два варианта одного типа? Мы предпочитаем рассматривать именное и глагольное предложения как два

варианта одного парадигматического типа. К такому выводу нас приводит возможность параллельного употребления предложения с глаголом и без него; значение предложения при этом не меняется:

Именное предложение	Глагольное предложение
«Dú'a nhó'n mu'ò'i bảy tuổi» «Старшей семнадцать лет»	«...mà đú'a nhó'n mò'i có mu'ò'i bảy tuổi» (ThL, 22) «А старшей семнадцать лет»
«Trong đám đông, mỗi ngu'ò'i một câu» (TĐ, 7) «В густой толпе, каждый человек — одно слово»	Mỗi ngù'o'i trả lò'i môt câu»[11] (TĐ, 371) «Каждый человек отвечал»
«U em đâu?» (AL, 18) «Где твоя мать?»	«U em ở đâu?» «Где (находится) твоя мать?»

Не каждый глагол глагольного предложения может быть опущен, тем более без изменения значения предложения, т. е. не каждое глагольное предложение может быть переведено в именное предложение. Взаимный перевод глагольного и именного предложений возможен лишь для небольшого числа глагольных предложений. Но факт неравенства областей распространения обоих видов предложений, т. е. различное число глаголов, с которыми может быть связан каждый вид предложений, не меняет существа дела.

Если именное и глагольное предложения — два варианта одного парадигматического типа, то следует определить более точно отношения между этими вариантами. В фонологии существуют понятия позиционного и факультативного вариантов фонемы[12]. По аналогии с этим в синтаксисе также можно найти два рода связи между вариантами.

Связано ли употребление глагольного и именного вариантов предложения во вьетнамском языке с различием в окружении глагольного и «нулевого» сказуемого, скажем, с различием в сочетаемости с элементами приглагольных грамматических парадигм (времени, вида, лица и т. д.)? Например, в русском языке наличие глагола и его отсутствие распределены относительно временной парадигмы: настоящее время — «он шахтер» (именное предложение), прошедшее время — «он был шахтер(ом)» (глагольное предложение).

В санскрите, например, именное и глагольное предложения распределены в настоящем времени относительно парадигмы лица: 1-е, 2-е лицо — «ahaṁ asmi mātā» (глагольное предложение), 3-е лицо — «tvaṁ asi mātā, sā mātā» «Я, ты, она — мать» (именное предложение).

Категория лица во вьетнамском языке не существует. Показатели времени и числа в принципе могут выступать в именном предложении любого вида, если их употребление не противоречит значению фразы, например: «Hai chị em đều đã mu'ò'i bốn mu'ò'i lăm tuổi» (TRCVN, 81) «Сестрам было одной — четырнадцать, другой — пятнадцать лет».

Во вьетнамском языке *đều* — показатель множественного числа, *đã* — показатель прошедшего времени. [По поводу элементов типа *đã*, *đang*, *sẽ*, *cũng* следует сказать, что они служат критерием для выделения класса глагола; с другой стороны, они могут употребляться между двумя именными группами (без последующего глагола). Этот факт дал повод считать элементы данного типа глаголами (этой точки зрения придерживается М. Б. Эмено). По нашему мнению, логичнее не считать

[11] Конструкция *mỗi... một* часто выступает в глагольном предложении, подчеркивая противопоставления двух его членов. Этими членами могут быть подлежащее и дополнение, как в вышеприведенном примере; часто встречается также выделение конструкцией *mỗi... một...* обстоятельства времени и сказуемого, например: «Tăm mỗi ngày một xanh nhu' tàu lá» (TRCVN, 84) «Тэм с каждым днем бледнела, как пальмовый лист»; «Tiếng máy mỗi lúc một năng nề ho'n» («Văn nghệ», № 23, 1957) «Звук машины с каждым моментом нарастал»; «Gian phòng mỗi lúc mỗi trở nên thân mật» (AL, 99) «Комната с каждым мгновением становилась более привычной».

[12] N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, Prague, 1939, стр. 42.

đã, đang, sẽ, cũng и др. глаголами, так как сам глагол выделяется по сочетаемости с данными элементами; признавая их глаголами, мы тем самым приходим к замкнутому кругу.]

Таким образом, не существует дополнительного распределения глагольного и нулевого сказуемого относительно парадигм времени и числа и, следовательно, нет тесной связи между именным и глагольным вариантами предложения во вьетнамском языке. Отсутствие дополнительного распределения, т. е. также возможность наличия и отсутствия глагола в одном окружении говорят о факультативном характере двух вариантов.

Второй парадигматический тип

Второй парадигматический тип представлен предложениями с непереходным глаголом.

Третий парадигматический тип

В предложениях третьего парадигматического типа выпущено подлежащее и дополнение. Такие предложения отчасти соответствуют безличным и неопределенно-личным предложениям русского языка, например: «Trong làng đang đói to» (AL,10) «В деревне очень голодно».

Четвертый парадигматический тип

Примерами предложений, относящихся к четвертому парадигматическому типу, служат обращения и назывные предложения. Эти предложения рассматриваются как результат нейтрализации (неразличения) парадигматических классов С и Д.

Пятый парадигматический тип

К пятому парадигматическому типу относятся междометия, которые рассматриваются как результат нейтрализации классов П, С и Д.

Классификация предложений по модальности пересечет все типы, выделенные по составу, точно так же как классификация слогов по тону пересекается с классификацией по составу слога.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ *

Вопрос № 6: «Каково соотношение северновеликорусских и южновеликорусских диалектных элементов в деловых и литературных памятниках русского литературного языка XVI и XVII вв.?»

Решение вопроса о соотношении северновеликорусских и южновеликорусских диалектных элементов в деловых и литературных памятниках русского литературного языка XVI и XVII вв. затруднено в особенности в силу двух обстоятельств. Во-первых, северно- или южновеликорусское происхождение элементов литературного языка прямолинейно выводят из современной локализации последних в русских народных говорах. Во-вторых, скованные традиционными представлениями о запустении южновеликорусской области в XIII—XV вв. историки русского языка не только не вводят в научный оборот данные огромных рукописных фондов южновеликорусского характера, но оставляют в стороне и немногие публикации такого рода.

Вследствие первого обстоятельства, например, синтаксическую конструкцию типа *земля пахать*, известную ныне, как правило, лишь в северновеликорусской области, считали обычно северновеликорусской и генетически. Поэтому «проблески» подобной конструкции в опубликованных южновеликорусских текстах не привлекали внимания исследователей; при сложившейся точке зрения ее единичные проявления в указанных старых текстах легко относились за счет усвоения писцами норм приказного языка. Показания ранее неизвестных специалистам курских отказных книг и других рукописных источников позволяют с несомненностью считать, что конструкция типа *земля пахать* — исторически общерусская.

Опираясь на современную географию названий *изба* и *хата*, нетрудно допустить, что нашему югу в прошлом было свойственно название *хата*, а появление *избы* в южновеликорусских памятниках связано с влиянием приказного языка или с проникновением на юг северновеликорусского населения. Между тем это неверно. В многочисленных известных нам южновеликорусских актах с XVI в. до тридцатых годов XVIII в., где употребляются названия жилых построек, мы ни разу не встретили обозначения *хата*, во всеобщем употреблении исключительно *изба*. Аналогичное положение и в отношении названий *лошадь* и *конь*. Первое рассматривают как южновеликорусское, второе «прикрепляют» к нашему северу, тогда как в южновеликорусских текстах XVI—XVII вв. представлено дифференцированное употребление этих вариантов *лошадь*—тягло, а *конь*—для воина.

Некритически заключают по современным данным и о старом говоре Москвы, а поскольку московский говор явился основой русского литературного языка, эти заключения распространяются и на литературный язык в его былом состоянии. О том, насколько они сомнительны, свидетельствуют данные о неместных уроженцах в составе московского населения в конце XIX в. «Неместными уроженцами,— пишет А. Г. Рашин,— считалось все городское население, за исключением уроженцев того же уезда, где находился город. Наиболее значительно были представлены в 1897 г. неместные уроженцы среди населения столиц в Москве — 73,7% общей

* Продолжение публикации ответов на анкету, опубликованную в № 4 за 1959 г. (стр. 50—51).

численности населения»[1]. При таком интенсивном пополнении Москвы неместным населением (а в дальнейшем пополнение таким путем шло не менее, если не более интенсивно) непосредственное возведение ее современной речевой культуры к XVII в. не может быть оправданным. Отсюда следует выяснение вопроса о роли в ее речевой культуре, а тем самым и в литературном языке северно- и южновеликорусских элементов нельзя строить на прямом сопоставлении современной московской речи с южновеликорусскими и северновеликорусскими говорами наших дней. Последние за три-четыре столетия, как показывают соответствующие памятники, претерпели лишь незначительные изменения, наиболее ясные в лексике, тогда как московский говор изменился весьма существенно.

Особенно ошибочно, на наш взгляд, видеть отражение еканья в написаниях *е* на месте *я* в предударном положении в письменных памятниках Подмосковья. Из написаний *е* на месте *я* еще не вытекает, что писцы отражали еканье. Ведь и в памятниках южновеликорусского происхождения реализация гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге передается, как правило, через *е*; передача посредством буквы *я*, как и в текстах Подмосковья, — явление сравнительно редкое. «Еканье» в текстах — еще не свидетельство существования еканья в говоре, который в письме отражен. А если так, подмосковный вокализм, представленный в текстах «еканьем», не обязательно был средневеликорусским. Добавим: во многих подмосковных говорах с так называемой северновеликорусской или южновеликорусской основой вокализм достаточно далек от московского. Поэтому надо еще доказать, что московский вокализм генетически связан в большей мере с местной стихией, нежели с южно- и северновеликорусской, находившимися в процессе взаимодействия. Напротив, в элементах подмосковной речи, которые сближают ее с московской, можно усматривать результат московского влияния.

Обусловленная социально-экономической концентрацией, концентрация русских диалектов получила в говоре Москвы, как своем центральном фокусе, наиболее интенсивное воплощение. Мы не видим данных в пользу того, что основой московского говора — не в локально-генетическом, а структурном плане — явился один из средневеликорусских. Поскольку в русском национальном языке объединительные тенденции были очень сильны, характер московского — центрального — говора, по нашему мнению, определила не местная диалектная база, а та диалектная доминанта, которая сложилась в процессе взаимодействия более широких диалектных образований русского юга и севера; роль местной диалектной базы была второстепенной. В свете подобного представления находит убедительное объяснение и тот общеизвестный факт, что около Москвы полоса средневеликорусских говоров самая узкая.

При большом отставании в области изучения южновеликорусских памятников любое решение рассматриваемого вопроса на материале имеющихся публикаций будет либо неверным, либо весьма приблизительным. Основательное решение этой проблемы возможно лишь при условии включения в научный оборот огромного свежего материала из древних южновеликорусских текстов. Уже и первое вторжение в сферу данных источников вскрывает некоторые новые факты, проливающие свет на отдельные моменты интересующего нас соотношения.

Показания древних неизданных текстов южновеликорусского происхождения позволяют нам отклонить распространенное мнение о гласном *ѣ* в говоре Москвы XVII в. как гласном, представлявшем в московской речи, по звучанию в ударяемом и безударном положениях, северновеликорусское начало. В южновеликорусской области в XVII в. гласный *ѣ* испытывал в безударном положении аналогичное московскому отождествление с гласным *е*, сохраняя под ударением, как и в говоре Москвы, более закрытое, чем *е*, образование. Трактовка отражений упомянутого явления

[1] А. Г. Рашин, Население России за 100 лет, М., 1956, стр. 132.

в южновеликорусской письменности как следствия воздействия на нее московского приказного языка исключается и обилием в этой письменности специфических проявлений местной речи и нередкими прямыми указаниями на то, что писцы не являлись профессионалами. Итак, по судьбе гласного *ѣ* московский говор XVII в. одинаково связан и с севером и с южновеликорусской областью. Совпадение в дальнейшем гласного *ѣ* с *е* в ударяемом положении объединяет московский говор, пожалуй, в большей мере с югом, нежели с севером.

Окончание формы род. падежа ед. числа прилагательных и местоимений *-ева*, *-ова*, свойственное устной литературной речи, представляется возможным выводить не обязательно из говоров северновеликорусского наречия, но, с известным основанием, — и из южновеликорусского. Огромное количество соответствующих фактов, безусловно фонетического характера, рассеянных в южновеликорусских грамотах, свидетельствует об этом со всей очевидностью.

Наконец, южновеликорусские данные XVII в. говорят о том, что отдельные лексические противопоставления, которыми пользуются для дифференциации северно- и южновеликорусского наречий, в историческом плане — мнимые. Слова *лонись* «в прошлом году», *лонской* «прошлогодний» считают лишь северновеликорусскими. Между тем, например, *лонской* попадается и в южновеликорусских текстах. Существительное *выть* «часть» или «доля» и некоторые производные от него образования квалифицируют исключительно как северновеликорусские, тогда как они известны и южновеликорусским памятникам. Материалы начала XVIII в., а можно думать, и более ранние, не оправдывают противопоставления юга и севера по синонимам *кочет* и *петух*. Противопоставление *волк* — *бирюк* также несостоятельно, потому что первое из этих слов вместе с производными бытовало и на юге, а второе, судя по данным текстов южновеликорусского происхождения, употреблялось, помимо первого, обыкновенно в качестве прозвища, означая, по всей вероятности, угрюмого человека. В XVII в. отсутствовало известное ныне различие между севером и югом по синонимам *клеть* и *пуня*: повсюду и на юге употреблялось слово *клеть*, а название *пуня*, по-видимому из белорусского языка, еще только входило в южновеликорусский обиход. Не было точно так же различия и по синонимам *волосы* — *виски* в древних южновеликорусских источниках, притом бытового содержания, в употреблении слово *волосы*. Обращает на себя внимание отсутствие в этих источниках названия *рига*. Вместе с тем в памятниках, приуроченных к территории южновеликорусского наречия, встречаются упоминания об *овинах*.

Первостепенное значение исследования южновеликорусских памятников для успешного разрешения поставленного вопроса представляется нам очевидным.

С. И. Котков
(Москва)

*

Вопрос № 2: «Что унаследовал русский литературный язык XIII—XIV вв. от предшествующего периода?»

Русский литературнописьменный язык периода великорусской народности, или московского периода, как обычно называют время развития русского литературного языка с XIV по XVII в., не может быть оторван при его изучении от языка предшествующей эпохи, т. е. от литературнописьменного языка древнерусской народности (киевского периода) и от языка периода феодальной раздробленности. История литературного языка в сравнении с историей народноразговорной речи должна в особенности рассматриваться в тесной и неразрывной связи с историей народа и с развитием его литературы. Поэтому периодизацию русского литературного языка необходимо строить, исходя как из фактов самого развития языка,

так и из основных этапов исторического развития русского народа, его культуры, литературы, или письменности, в широком значении этого слова. В истории древнерусского литературнописьменного языка, несомненно, громадное значение принадлежит передающейся из века в век письменной традиции. Поскольку на всем протяжении с XI по XVII в. существовала и развивалась единая письменная традиция древнерусской литературы, постольку мы наблюдаем в пределах всей этой эпохи развитие одного и того же древнерусского литературнописьменного языка. Вначале это — язык единой древнерусской народности, затем, с XIV в., — язык великорусской народности.

Единство письменной традиции проявляется заметнее всего в том, что языковые памятники, возникшие в киевский период (XI—XII вв.), сохраняются в списках более позднего времени, относящихся к XIV—XVII вв. и составленных на территории Северо-Восточной Московской Руси.

Так, «Повесть временных лет», созданная в XI — начале XII в., дошла до нас в виде «Лаврентьевской летописи», датированной 1377 г. и переписанной в Суздальском княжестве. Другие списки этого памятника еще моложе и не восходят ко времени ранее XV в. Единственный список «Слова о полку Игореве», имевшийся в руках издателей первого издания, относился, по всей вероятности, к XVI в. Подобным же образом обстоит дело и в отношении «Киево-печерского патерика», «Моления» Даниила Заточника, «Паломничества» Даниила игумена и громадного большинства известных нам оригинальных литературных произведений древней Руси киевского периода. Деловая письменность в значительной своей части также представлена лишь более поздними списками. Не только юридические памятники Киевской Руси («Русская Правда», «Устав» Ярослава Мудрого и другие), но и многие грамоты XII—XIV вв. мы читаем сейчас не в подлинниках, а в копиях XV, XVI и даже XVII вв.

Переводные произведения древнерусской письменности киевского периода не представляют исключения и тоже могут изучаться только по спискам, не восходящим ко времени ранее XIV—XV вв. Так обстоит дело и с «Александрией», и с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, и с «Космографией» Космы Индикоплова, и с книгой «Есфирь», и с переводом «Иосиппона», и с др. Все эти памятники читались, переписывались, распространялись на Руси в течение всего донационального периода, превышавшего в общем 600—700 лет.

Естественно, что текст произведений в какой-то степени изменялся и приспосабливался к языковым требованиям последующих эпох. Однако несмотря на все языковые подновления, отражавшиеся в лексике, морфологии и фонетике списка, первоначальная исконная основа памятника сохранялась и воспринималась переписчиками и читателями как живая и понятная. Пристальный историко-лингвистический анализ более позднего списка всегда дает возможность распознать за ним языковую основу протографа. Вскрыть и по возможности восстановить эту первоначальную языковую основу — важнейшая задача филолога, издающего и изучающего текст древнерусского письменного памятника киевского периода по более поздним спискам.

Поскольку первоначальная языковая основа переписываемых и распространяемых в более позднее время памятников продолжала активно восприниматься, постольку она могла служить образцом для следования и подражания ей. Наиболее яркий пример этого мы находим в «Задонщине», где отразились и образы, и фразеология «Слова о полку Игореве». Само собою разумеется, что при этом нельзя не принимать во внимание тех изменений в языке, которые произошли за время между появлением обоих памятников. В результате их в ряде случаев возникало непонимание и искажение текста со стороны позднейших подражателей и переписчиков.

Как правильно было указано акад. В. В. Виноградовым, одним из основных факторов, обусловивших развитие древнерусского литературно-

письменного языка, был старославянский фонд, органически слившийся с древнерусским языком еще в киевский период. Этот старославянский фонд содействовал единству древнерусского литературнописьменного языка, предохраняя его от расчленения на феодально-областные диалекты[2]. Несомненно, что этот древнерусский литературный язык, сложившийся еще в киевскую эпоху и лишь несколько видоизменившийся по областям в период феодальной раздробленности под воздействием территориальных диалектов, унаследовала и Московская Русь в XIV в.[3].

Наряду со старославянским фондом, значительно усиленным так называемым «вторым южнославянским влиянием» в XV в., сохранности и единству русского литературнописьменного языка в московский период широко способствовал сложившийся на русской почве литературный этикет, своеобразные устойчивые словосочетания и формулы, приспособленные для выражения общеобязательных и общепринятых понятий и представлений феодального строя. Такие словесные застывшие формулы этикета сложились еще в киевскую эпоху и стали по-своему характерными и для стилей исторического или житийного повествования, и для стиля нравоучительного проповедничества, и для юридических актов, и для всех стилей и жанров древнерусского литературного языка. Устойчивый литературный этикет лишь с отдельными незначительными и постепенно развивающимися отклонениями и видоизменениями сохранялся на всем протяжении развития литературнописьменного языка и в московский период.

Что касается грамматического строя, то и он в письменной форме языка оказывался значительно более устойчивым, чем в устной разговорной речи. Так, вплоть до XVII в. в большинстве официальных письменных жанров продолжают употребляться основные грамматические категории и формы, свойственные еще древнерусскому языку киевского периода и уже исчезнувшие или исчезающие из живой разговорной речи.

Названные категории и формы употреблялись, правда, в московский период уже непоследовательно и не всегда правильно, однако, как показывает, например, исследование С. Д. Никифорова, все эти языковые явления в письменных памятниках второй половины XVI в. нужно признать обычными[4]. Хотя в устной речи изменения грамматического строя, повлекшие за собою исчезновение вышеперечисленных форм, начали происходить уже в XII—XIII вв., в письменную разновидность языка они проникают в более позднюю пору и лишь эпизодически и случайно, отражая живую речь пишущего. Отчасти и устное словоупотребление и произношение грамотных людей Московской Руси, как и орфографические и стилистические нормы письменного языка, определялись традицией, «научением книжным», и в какой-то степени поддерживались богослужением и литургическим пением на церковнославянском языке[5].

Таким образом, следует признать несомненным, что один и тот же древнерусский литературнописьменный язык продолжал существовать и развиваться в продолжение всего того времени, пока жила и развивалась древнерусская литература. Конец указанного периода может быть отнесен примерно ко второй половине XVII в., откуда приблизительно, по известному определению В. И. Ленина, начинается «новый период» истории России — период, когда складываются предпосылки будущего формирования русской нации и национального русского языка.

Н. А. Мещерский
(Петрозаводск)

---

[2] См. В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., 1945, стр. 42.

[3] Ср. В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1958, стр. 54.

[4] С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, М., 1952.

[5] См. Г. И. Геровский, О специфике литературного двуязычия у восточных славян, ВЯ, 1959, № 3, стр. 86—88.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. М. КОЗУЛИН

РУССКИЕ ОТЫМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИЧАСТНОГО ТИПА

Причастные формы, как правило, не мыслятся вне грамматической системы глагола. Однако строгая и закономерная морфологическая соотносительность причастия и глагола может быть нарушена. В силу лексико-грамматической обособленности причастия возможно появление причастных образований без посредства глагола, без прямой морфологической связи с ним. В словарном составе современного русского языка есть несколько таких образований. Здесь можно назвать следующие: *атомствующий*, *американствующий*, *богемствующий*, *меньшевиствующий*, *поповствующий*, *фашиствующий*. Имеются и некоторые другие. Вот несколько примеров из литературных источников.

«*Атомствующие* шаманы и водородные кликуши смутились...» (Эренбург, Сторонники мира); «Американские и *американствующие* газеты попытались замолчать это крупнейшее событие...» (Эренбург, Перелом); «*Меньшевиствующие* идеалисты вели борьбу против линии Коммунистической партии в философии...» («Краткий философский словарь», 4-е изд.); «Я вспомнила Е. Келлер. Ее окружали епископы, монашки, попы и *поповствующие* ученые» (Скороходова, Как я воспринимаю и представляю окружающий мир); «Многие участники кампании становятся в позу „советников по коммунистическим делам". „Советуют" все: „Голос Америки" и лидер правых социал-демократов Сарагат, *фашиствующая* газета „Темпо" и радикальные еженедельники „Экспрессо" и „Мондо"» (Ермаков, Компартия Италии дает отпор наступлению реакции, «Правда» 4 II 1957).

Одни из этих образований (*атомствующий*, *американствующий*) осмысливаются как индивидуальные (но правильные), другие (*меньшевиствующий*, *богемствующий*, *фашиствующий*) получили более или менее широкое распространение и даже зафиксированы некоторыми современными словарями, в которых обычно даются лишь адъективированные причастия. Так, слово *меньшевиствующий* отмечено в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и в новом академическом Словаре современного русского литературного языка, *фашиствующий* — в «Опыте словаря-справочника (Русское литературное ударение и произношение, М., 1955)». В «Орфографическом словаре русского языка» помещены: *богемствующий*, *меньшевиствующий*, *правительствующий*, *фашиствующий*, хотя, как правило, причастия в нем не даются. Соответствующих глаголов новые словари не дают. Пропуск этих глаголов можно было бы объяснить их редкостью, непривычностью или окказиональностью употребления, но в новых словарях, и в том числе в словарях чисто практического назначения, помещаются такие малоупотребительные глаголы этого же типа, как *анафематствовать*, *гаерствовать*, *богословствовать* (последнее только в словаре Ушакова), *донкихотствовать*, *сибаритствовать*. Глаголы *американствовать*, *фашиствовать* и др. не удалось обнаружить и в литературных источниках.

Однако существование названных глаголов принимается некоторыми лингвистами. Так, в словарях Ушакова и новом Академическом находим

глагол *меньшевиствовать*. Н. С. Авилова, кроме этого глагола, отмечает еще *фашиствовать*, *американствовать*, *атомствовать*, *богемствовать*[1]. Ссылкой на эти глаголы Н. С. Авилова подкрепляет свой вывод о продуктивности одной из подгрупп глаголов на *-ствовать*. Совершенно не сомневаясь в том, что данные глаголы представляют факт языка, Авилова в качестве иллюстративного материала привлекает предложения не с глаголами, а с причастными образованиями. Глаголы *меньшевиствовать*, *фашиствовать* и др. только названы; литературных примеров нет. Показательно, что и словарь Ушакова, и Академический словарь в словарной статье *меньшевиствовать* дают в качестве иллюстрации также образования причастного характера *меньшевиствующий идеализм* (словарь Ушакова), *меньшевиствующий социал-демократ*, *меньшевиствующий капитан* (Академический словарь).

Эти факты не случайны. Они говорят об отсутствии в языке реальных глаголов подобного типа. Видимо, такие глаголы, как *меньшевиствовать*, *американствовать*, *богемствовать* и некоторые другие, искусственно воспроизведены по причастным образованиям.

По своей семантике рассматриваемые образования причастного типа соотносятся не с глаголами, а с именами. Видимо, они созданы без участия глагола как посредствующего звена, непосредственно от именных основ.

В языке вообще известны факты, когда слова образуются, минуя необходимую «инстанцию». Так, Г. О. Винокур обратил внимание на подобное явление в области технической терминологии: ряд отвлеченных существительных на *-ние* (*желатинирование*, *ратифинирование*, *зейгерование*, *сатинирование*, *килевание* и др.) «возникает именно в терминологическом качестве, минуя глагольную и причастную стадию, и производится непосредственно от тех нарицательных и собственных имен, от которых этими словами заимствуется их предметное содержание»[2].

Однако было бы совершенно неправильно говорить о полном отрыве данных причастных образований от системы глагола. Можно говорить только об отсутствии прямой словопроизводственной связи. Так, слово *американствующий* «обошло» глагольную стадию, но понятие, заключенное в нем, нашло свое выражение именно в данной форме, аналогичной причастиям типа *лакействующий*, *холопствующий* и под.

Все формы данного типа имеют характерную экспрессивно-отрицательную окраску (ср. невозможность образования *марксиствующий*) и обозначают признак лица (предмета), которому свойственна тенденциозно направленная деятельность, подобная той (но не совпадающая полностью), какую обычно осуществляет лицо (предмет), названное в именной основе. Очень ярко этот признак проступает при сравнении данных форм с прилагательными от той же основы, например: *американский — американствующий*, *фашистский — фашиствующий*, *богемный — богемствующий*. Показательно часто встречающееся в статьях И. Эренбурга сопоставление слов *американский* и *американствующий*, несущее определенную стилистическую нагрузку: *американские* и *американствующие газеты*, *американский* и *американствующий журналист*. Некоторые из этих слов могут быть сопоставлены по значению с прилагательными, имеющими приставку *про-*, тоже со значением отрицательного признака: *американствующий — проамериканский*, *фашиствующий — профашистский*.

Сопоставление рассматриваемых слов с такими формами, как *холуйствующий*, *холопствующий*, *лакействующий*, *сибаритствующий*, *тунеядствующий*, не случайно. Они составляют с этими последними одну семантически ясно очерченную группу слов со значением «не являющийся

---

[1] Н. С. Авилова, К вопросу о словообразовательных типах русского глагола, «Р. яз. в шк.», 1955, № 2, стр. 17.

[2] Г. О. Винокур, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, «Труды МИФЛИ», т. V, 1939, стр. 17.

таким-то, но действующий подобным образом». При этом очень важно подчеркнуть, что причастия *холуйствующий*, *холопствующий* и под. образованы от глаголов продуктивной подгруппы на *-ствовать*, к которой относятся глаголы «со значением отрицательной оценки „поступать подобно тому, как поступает лицо, названное в основе соотносительного имени с суффиксом *-ство*“»[3] (*изуверствовать*, *тунеядствовать*, *юродствовать*, *самодурствовать*, *донжуанствовать* и др.).

Таким образом, на фоне причастных образований, соотносительных через посредство глагола с отвлеченными отрицательно окрашенными именами на *-ство* и далее с конкретными именами, которые наделены или могут быть наделены в современном языке такой же экспрессией (*политиканствующий — политиканствовать — политиканство — политикан*; *лакействующий — лакействовать — лакейство — лакей*), возникли (непосредственно от именных основ) такие слова, как *фашиствующий*, *богемствующий*, *поповствующий*, *атомствующий*, *американствующий*.

При анализе морфемного состава данных образований, исходя из морфологической несоотносительности их с глаголом, следует выделить суффикс *-ствующ-* (*атомствующий*, *американствующий*, *богемствующий*, *поповствующий*, *меньшевиствующий*, *фашиствующий*)[4]. Такое морфологическое деление анализируемых слов оправдано и тем, что они не имеют соотносительных форм прошедшего времени (ср. отсутствие форм *поповствовавший*, *фашиствовавший* и т. д.). Все эти слова очень близки по своему значению к прилагательным: значение времени в них почти неощутимо. В этом отношении рассматриваемые формы близки к причастным образованиям типа *мыслящий*, *читающий*, *блестящий* в качественном значении (*мыслящая Россия*, *читающая публика*, *блестящее дарование*), которые теряют соотносительные формы прошедшего времени, так как обозначают отвлеченный временной признак или вообще не имеют его[5].

Рассмотренное выше своеобразное нарушение морфологической соотносительности грамматических категорий находится в прямой зависимости от процесса развития в причастиях качественно-относительных значений, интенсивно протекающего в современном русском языке. Действительно, потенциальная возможность разрыва словообразовательной связи причастия и глагола, которая заложена в лексико-грамматической обособленности причастия, реализуется именно в словах с качественно-относительным значением[6]. Развитие качественно-относительных значений, семантические сдвиги в причастиях ведут к утрате этой связи. Действительно, причастия, имеющие чисто глагольное значение, не могут миновать глагольную стадию. Их морфологическая соотносительность с глаголами несомненна, причем с глаголами продуктивного типа. Ср., например, такие относительно новые слова, как *председательствующий*, *деканствующий*, *директорствующий*, *шефствующий*.

Поскольку слова *богемствующий*, *фашиствующий* и подобные морфологически изолированы от глагола, они, естественно, не могут быть рассматриваемы в том же плане, что и обычные причастные формы; в данном случае налицо не формообразование, а словообразование.

---

[3] Н. С. Авилова, указ. соч., стр. 17.

[4] Ожидалось бы: *меньшевистствующий*, *фашистствующий*. Здесь происходит слияние двух суффиксов: именного конкретного суффикса *-ист-* и суффикса отвлеченности *-ств-* в пределах единой морфемы *-ствующ-* со специальным значением отрицательно квалифицируемого признака.

[5] Слово *меньшевиствующий* может употребляться как обычное прилагательное (не обозначать никакого времени), выступая в терминологическом сочетании *меньшевиствующий идеализм*.

[6] Ср., кроме разобранных, *правительствующий*, *викарирующий* — слова с относительным (терминологическим) з чением: *правительствующий сенат*, *викарирующие процессы*.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

Г. В. СТЕПАНОВ

ОБ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Традиционное изучение лексических особенностей испано-американской речи ведется примерно по следующей схеме: 1) архаизмы, т. е. староиспанские слова, вышедшие из употребления в самой Испании, но бытующие в испанском языке Латинской Америки; 2) испанские слова, употребляющиеся в испано-американской речи в особом значении; 3) испанские диалектизмы, получившие широкое распространение в Америке [1]; 4) новообразования на испанском материале; 5) заимствования: а) из индейских языков, б) из европейских языков; 6) особое произношение испанских слов. Отдельные части подобных схем уточняются либо более подробным перечислением источников пополнения испано-американского словаря [2], либо указанием на типы словарных заимствований по смысловому признаку [3]. Специальные теоретические работы по испано-американскому словообразованию отсутствуют, хотя эмпирические данные время от времени появляются в лингвистической литературе [4].

Структурные особенности словообразовательных моделей и формирующихся семантических гнезд в американской и собственно испанской разновидностях можно выявить путем анализа соотношений материальной части слова (звуковой состав, корень, основа, аффиксы) и его значения [5]. Лексика собственно испанской речи в течение длительного периода пополнялась за счет использования латинского словарного фонда [6]. Исконные испанские слова латинского происхождения в результате длительной эволюции подверглись значительным изменениям (фонетическим, морфо-

---

[1] Сопоставление с собственно испанской лексикой полезно и оправдано с точки зрения методики исследования (показ исторического фонда, из которого испано-американская разновидность речи постоянно черпает слова и словообразовательные модели, выяснение сходных процессов, подтверждающих единство испанского языка), но в ряде случаев оно мешает увидеть своеобразие американского пути развития лексики, смещает перспективу формирования стилистической системы испано-американской речи (например, архаическая лексика в испанском может быть стилистически нейтральной в латино-американской разновидности речи).

[2] Ср. в связи с этим R. Großman, Das ausländische Sprachgut im Spanischen des Río de la Plata. Ein Beitrag zum Problem der argentinischen Nationalsprache, Hamburg, 1926.

[3] M. G. Revilla, Provincialismos de expresión en Méjico, «Biblioteca de dialectología hispanoamericana» (BDH), t. IV, Buenos Aires, 1938, стр. 189 и сл.; E. C. Hills, El español de Nuevo Méjico, BDH, t. IV, стр. 41 и сл.

[4] См., например, работы, выполненные по методу дескриптивной лингвистики, в сб. «Descriptive studies in Spanish grammar» ed. by H. R. Kahane, A. Pietragueli, Urbana, 1954.

[5] О соотношении формального и семантического аспектов слова см., например, T. Cazacu, La «structuration» dynamique des significations, сб. «Mélanges linguistiques, publiés à l'occasion du VIII-e Congrès international des linguistes...», Bucarest, 1957, стр. 112—127; S. Karcevski, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, «Cahiers F. de Saussure», 14, 1956, стр. 18—24.

[6] См. В. Шишмарев, Очерки по истории языков Испании, М.—Л., 1941, стр. 63, 119, 128—129, 142, 151—153, 166—167; C. J. Crowley, Persisting latinisms in el Poema de mio Cid and other selected old Spanish literary works («Language», vol. 28, № 3, Suppl.— Language dissert. № 48), Baltimore, 1952; Y. Malkiel, Studies in the reconstruction of Hispano-Latin word families.., Berkley — Los Angeles, 1954; G. Tilander, Origine et sens primitif de espagnol *pedazo*, *empezar*, portugais *pedaço*, *empeçar*, «Studia neophilologica», vol. XXVII, № 1, 1955.

логическим), в результате чего их материальная часть стала иметь иной вид, чем в языке-основе: лат. *opera* > исп. *obra*, лат. *titulum* > исп. *tilde*. На более поздних этапах развития испанского языка лексика его также постоянно пополнялась за счет латинских слов книжного происхождения (особенно в XIII в., а также в XV—XVI вв.). С материальной точки зрения позднейшие латинские заимствования более похожи на слова языка-основы, чем на исконные испанские слова латинского происхождения[7]. Например, *artículo* больше похоже на *articulum*, чем на *artejo*, или *ocular* — на *ocularius*, чем на *ojal*[8].

Таким образом, возникновение различия в материальной части слова (*ocular* — *ojal*, *auditor* — *oidor*, *ánima* — *alma*, *círculo* — *cercho*, *décimo* — *diezmo*, *forma* — *horma*, *octavo* — *ochavo*, *plano*—*llano* и т. д.) при сохранении известного сходства значений (*décimo* «десятый» — *diezmo* «десятинный сбор», *forma* «форма, внешность, фигура» — *horma* «форма, колодка, болванка») превращалось в испанском языке в важный источник обогащения не только словаря, но и стилистической системы языка (ср. *atónito* «удивленный, пораженный» — *atontado* «очумелый, одурелый», *famélico* «голодный» — *jamelgo* «кляча»).

При материальном различии основ в словах *multitud* и *muchedumbre* общность значения («множество») сохраняется, однако различие в материальной части создает благоприятные условия для последующей дифференциации значений. Слово *multitud* становится синонимичным слову *abundancia* «изобилие, избыток». По ассоциации идей (например, в идеологическом словаре[9]) слово *multitud* выстраивается в один ряд с такими словами, как: *abundamiento* «изобилие», *abastanza* «достаток», *suficiencia* «достаточность», *conjunto* «совокупность», *copia* «обилие», *copiosidad* «изобилие», *hartura* «пресыщение», *pluralidad* «множество», *multiplicidad* «множественность», *inunmerabilidad* «неисчислимость», *sinnúmero* «бесчисленное множество», *sinfín* «бесконечность», *infinidad* «бесконечность», *numerosidad* «многочисленность», *montanada* «множество», *carretada* «изобилие», *torrente* «поток чего-либо», *abundar* «изобиловать», *bastar* «быть достаточным», *superabundar* «иметься в избытке», *rebosar* «изобиловать», *mucho* «много», *abundante* «обильный», *excesivo* «чрезмерный», *exuberante* «обильный» и т. д. Слово *muchedumbre* становится синонимом слова *concurrencia* «скопление, стечение» и выстраивается в такой ряд: *gente* «люди», *cofradía* «братство», *legión* «легион», *ganado* «скот», *chusma* «сброд», *plebe* «чернь», *tropa* «войско», *ejército* «армия», *falange* «фаланга», *colectividad* «коллектив», *flota* «флот», *acompañamiento* «сопровождение», *comitiva* «свита», *séquito* «свита», *caravana* «караван», *romería* «народное гулянье», *chiquillería* «ребятня», *muchachería* «молодежь», *concurso* «сборище», *reunión* «собрание»[10].

Способ лексических новообразований, при котором используется вариантность корня или основы (*mult-* и *much-*), можно назвать интенсивным способом словообразования. Так, латинский корень *curr-* и связанный с ним по происхождению и по значению *curs-* дали в испанском языке шесть материально различающихся корней-основ при единстве семантического значения: *-curr-* (*dis-curr - ir*), *-corr-* (*corr-er*), *-curs-* (*curso*), *-cors-* (*cors-ear*), *-corc-* (*corc-el*), *-cos-* (*a-cos-ador*).

---

[7] По поводу заимствованной, унаследованной, иностранной лексики см. E. Richter, Fremdwortkunde, Leipzig — Berlin, 1919; В. Пизани, Этимология, М., 1956. По поводу заимствований и слов «ученого» происхождения («культизмов») в испанском языке см.: Y. Malkiel, Préstamos y cultismos, «Revue de linguistique romane», t. XXI, № 81—82, 1957.

[8] О подобных дублетах см.: C. Michaëlis, Studien zur romanischen Wortschöpfung, Leipzig, 1876; P. Restrepo, Diseño de semántica general, Bogotá 1946, стр. 119—122.

[9] См., например, J. Casares, Diccionario ideológico de la lengua española, Barcelona, 1954 (статья *abundancia*).

[10] Там же, статья *concurrencia*.

Материальная вариантность корня-основы делает более возможным разрыв первоначального единства материального с семантическим и создает предпосылки для выхода ряда образований на иные семантические орбиты. Если *correr* «бежать», *curso* «бег», *corsear* «совершать морской набег», *acosar* «гнать без передышки», *corcel* «скаковой конь» при всем различии значений имеют некоторую семантическую общность, то такие слова, как *cursado* «знающий», «опытный», *cursante* «учащийся», *discursivo* «вдумчивый», трудно связать со значениями, обозначенными в первом ряду. В чем же состоят особенности испано-американского словообразования?

В период колонизации (с конца XV в.) испанский язык Америки должен был переориентироваться в отношении источников пополнения лексики. В связи с перерывом письменной традиции латинский фонд в условиях безраздельного господства устной формы речи практически не мог быть использован. Задачу обозначения новых предметов и понятий приходилось решать на месте и без согласования с метрополией. Главными источниками пополнения испано-американского словаря становятся индейская лексика и словопроизводство на базе испанских корней и основ с использованием испанских словообразовательных ресурсов (аффиксация, словосложение, конверсия).

Бурный приток индейской лексики создавал значительные трудности на пути успешного приспосабливания ее к фонетической и морфологической системе испанского языка, тем более, что структура индейского слова была неясной для европейцев. Возникавшая материальная вариантность индейских заимствований являлась результатом восприятия на слух, причем информаторы-индейцы часто принадлежали к различным этническим (и языковым) группам, а информируемые — европейцы обладали различной способностью к восприятию слов чужого языка. В результате появлялись соревнующиеся формы для обозначения одного и того же предмета (понятия), например для понятия игуаны (вид ящерицы): *iguana*, *yguana*, *higuana*, *iaguana*, *y- и ana*, *y-uana*, *yu-ana*, *yuana*, *iuana*, *yvana*, *ibana*, *ybana*, *yavana* и др. Варианты индейских заимствований, как правило, не используются для новообразований[11]. С возникновением собственно американской письменной традиции исчезает и вариантность форм одного и того же слова, точно так же, например, как с установлением испанской национальной нормы речи (на базе кастильского диалекта) исчезли варианты форм 1-го лица ед. числа перфекта от глагола *haber* (совр. *hube*) *off*, *of*, *ove*, *obe*, *ovi*, *uve* и др.

В этих условиях ведущим становится экстенсивный способ пополнения лексики, сущность которого заключается в том, что для близко «родственных» предметов и явлений, сходных по значению действий и состояний, используются одни и те же корни (основы) и новые слова создаются путем присоединения к ним различных аффиксов. Иначе говоря, при этом способе вариантность корня (основы) не используется, единство семантического гнезда определяется тождественностью материальной части слова (корня, основы); при этом семантическая дифференциация затруднена, а потому отрыв слов или группы слов от данной системы значений и формирование «дочерних» семантических систем не характерно.

Из вариантов основ (корней) *fuer-* и *for-* испано-американский выбирает для новообразований ту, которая кажется более прозрачной в семантическом плане, а именно *fuer-*, известную по общеупотребительному наречию *fuera* «вне, извне, снаружи». Путем присоединения к основе *-fuer-* аффиксов латино-американцы создают слова для обозначения семантически родственных понятий: *a - fuer-eño*, *fuer - eño*, *a - fuer - ino*, *fuer-ino*[12],

---

[11] Случаи использования нескольких основ, содержащих одинаковый корень, все же встречаются: *cacao*, *cacaot- (cacaotero*, *cacaotal)*, *cacahuat- (cacahuatero)*.

[12] A. Malaret, Los americanismos en la copla popular y en el lenguaje culto, New York, 1947, стр. 192, 220.

fuer- ero, *fuer - ano*[13], т. е. «человек извне» (не из данной местности), «чужеземец».

В собственно испанском исторически продуктивной оказалась другая основа (другой вариант основы) *- for-*: *for - ense*, *for - áneo*, *for - ajido*, *for - astero*, наряду с *fuer - a* (а также *fuer*, *fuero*, известных и латиноамериканской речи).

Сравним еще два ряда словообразований (однотипных в семантическом плане[14]); в испано-американской речи основа *crioll-* оказалась очень продуктивной: *crioll - o/a*, *crioll - azo*, *crioll- aje*, *crioll - edad*, *crioll - ez*, *crioll - ismo*, *crioll - ista*, *a - crioll - ador*, *a - crioll - amiento*, *a - crioll - ar(se)*[15]. В испанском три разных в материальном отношении основы *españ-*, *español-*, *hispan-* используются для образования слов, связанных семантической общностью значений: *Españ - a*; *español*, *español - ar*, *-ado-eta*, *-ería*, *-ita*, *-ismo*, *-izar(se)*: *hispan-ense*, *-idad*, *-illa*, *-ico*, *-ismo*, *-ista*, *-o/a*. Разноосновность таких пар слов, как *español-ismo* («любовь ко всему испанскому») и *hispan-ismo* («оборот речи, свойственный испанскому языку»), имеет своей параллелью в испано-американской речи материально совпадающие формы слов с двумя значениями *criollismo* 1) «любовь ко всему креольскому (местному американскому)»; 2) «манеры, обороты речи, формы выражений, свойственные креолам». Таким образом, изменение материальной части (корня, основы) дает возможность при использовании одинаковых аффиксов (главным образом суффиксов) создавать слова с различными значениями или новыми оттенками значений и избежать при этом омонимии (омофонии) *curs-ario* — *cors-ario*; *curs-o* — *cors-o*; *español-izar* — *hispan-izar* и т. д.

Единообразие основы *crioll-* заставляет расширять круг используемых аффиксов так, в этом ряду появляются *-azo*, *-aje*, *-ez*, *-amiento*, *-ador*, отсутствующие во втором ряду.

В условиях, когда экстенсивный способ является ведущим, более свободным становится аналогическое образование (характерное также для разговорной и диалектной речи собственно Испании)[16]. Так, существительное *mate*, обозначающее особый южноамериканский напиток, дает глагольное образование *mat-ear* (= *tomar mate*, ср. исп. *tomar té* «пить чай»), субстантивированное прилагательное *amargo* «мате без сахара» (буквально «горький») образует глагол *amargu-ear* (= *tomar mate amargo* «пить горькое мате», ср. исп. *tomar café solo* «пить черный кофе»). В испано-американской речи аналогическое образование по продуктивным глагольным моделям распространяется не только на категорию имени (существительное, прилагательное), но и на разряд междометий: от *¡viva!* «ура! браво!» — *vivar* «приветствовать криками „ура“» (ср. исп. *dar vítoras*) — и даже на группу приставок: от *trans*, обозначающей: 1) превращение, 2) движение через какое-либо пространство, 3) расположение за пределами чего-либо — *trans-ar* «уступать, разъединять, расторгать, разрешать»[17].

Свобода аналогических образований не ограничивается пределами только одной семантемы *pamp-a*, *-ero*, *-eano*; *chich-a*, *-ería*, *- ismo*, *-arrón*, но захватывает и антонимические ряды. Так, параллельно исп. *nortada* «период северных ветров» в испано-американском появляется *surada* «период южных ветров» (ср. также исп. *nortazo* «сильный северный ветер» — исп.-амер. *surazo* «сильный южный ветер»; исп. *norteño* «житель севера» — *sureño* «житель юга» и т. д.).

---

[13] A. Malaret, Diccionario de americanismos, San Juan, 1931 (статья *fuereño*).

[14] В обоих случаях мы взяли ряды слов, обозначающие геоэтнографические понятия.

[15] A. Malaret, Los americanismos..., стр. 211.

[16] Ср. народно-разговорное испанское *el febrero* — *febrerea*; *el marzo* — *marcea*.

[17] A. Malaret, Los americanismos..., стр. 248.

Антонимическое противопоставление типа *arriba — abajo* («вверху» — «внизу») находит свое продолжение в испано-американских новообразованиях: *arribeño* «житель высокогорных районов» (Аргентина, Перу), *abajeño* «житель низменности». Спецификация значений решается на базе использования тех же основ, но при помощи других суффиксов: *arribano* «житель южной (высокогорной) части страны (Чили)», *abaj - ino* «житель северной части страны (Чили)». Слова *arribeño*, *arribano* в соответствии с этимологическим значением корня *ripa* «берег» может содержать в себе значение «прибрежный»[18] (ср. исп. *ribereño*).

Оттенок значения «прибрежный» отсутствует в слове *altureño* «житель центральной высокогорной части страны (Пуэрто Рико)», антонимически противопоставленном слову *abajeño*, которое приобретает значение «житель прибрежных районов (Пуэрто Рико)» не в соответствии с этимологией корня, а так сказать, «по индукции». Наличие в языке глагола *bajar* «спускаться» влечет за собой создание нового антонимического противопоставления, не известного ранее собственно испанскому языку: *bajar — altear* «подниматься, забираться (на дерево, чтобы наблюдать оттуда)». Для испано-американской речи более характерной является антонимическая пара *un alto — un bajo*, а не *altura — hondadura*.

Сходные антонимические ряды в собственно испанском характеризуются большим материальным разнообразием корней и основ:

исп-амер.	собств. исп.
alt-o — baj-o	*alt-ura — hond-adura*
alt-uréño — a-baj-eño	*mont-añés — llan-ero (serr-ano)*
alt-ear — baj-ar	*sub-ir — baj-ar*

В испано-американском противопоставляются только два корня: *alt-* и *baj-*, тогда как в собственно испанском фигурируют: *alt-*, *hond-*, *mont-* (*serr-*), *llan-*, *sub-*, *baj-*.

Поиски самостоятельных путей в системе испано-американского словообразования определяются различными причинами, среди которых немаловажную роль играют причины фонетического порядка. В связи с превращением апикально-альвеолярного испанского *s* в дорсальное в испано-американском[19] происходит дефонологизация (Entphonologisierung) *s* : *θ* > *s* : *s* (явление так называемого «seseo»)[20]. В результате этой дефонологизации в лексике латино-американской речи появляется значительное количество омофонов: *caza* «охота» — *casa* «дом»; *cazo* «ковш» — *caso* «случай»; *cebo* «корм» — *sebo* «сало»; *ensalzar* «восхвалять» — *ensalsar* «приправлять кушанье»; *riza* «порча» — *risa* «смех»; *cocer* «варить» — *coser* «шить»[21].

Стремление избежать омофонии приводит либо к замене одного из омофонов: вместо *cazo — perol*, вместо *cebo — carnada*, либо к использованию других основ, других словообразовательных моделей: вместо *caz-a — cacer-ía*; вместо *coc-er — cocin-ar*[22].

Испано-американская речь — самая молодая из разновидностей испанской речи. Ее история не столь богата и разнообразна, как история развития собственно испанской речи, но она развивается в особых условиях новой складывающейся общественности.

---

[18] См., например, L. Tolhausen, Neues spanisch-deutsches und deutsch-spanisches Wörterbuch, Bd. I, Leipzig, 1897 (статья *arribeño*).

[19] См. мою статью «Проблема изучения испанского языка Латинской Америки», ВЯ, 1957, № 4, стр. 21—22.

[20] Это явление известно южным испанским диалектам, однако в тех зонах Андалусии, где *s* остается апикально-альвеолярным, дефонологизации не происходит.

[21] F. Restrepo, указ. соч., стр. 67.

[22] Там же. Нечто подобное происходит со словами с начальным *f* перед дифтонгом *ue* (*we*), которое в разговорном языке переходит в *j*, и *fuego* «огонь» начинает звучать как *juego* (т. е. так же, как слово, обозначающее понятие «игра»). В результате омофонии происходит замена *juego* (<*fuego*) на *candela* (*prender candela* = *hacer fuego*).

Вместе с экспортом испанского языка за океан постепенно стал обозначаться отрыв от языка метрополии, который освободил в известной степени испано-американскую речь от консервативной традиции, оберегаемой в Испании понятиями национальной, литературной и эстетической нормативности.

«Экстенсивный» способ словообразования, известный и собственно испанскому языку, получил в Америке очень широкое распространение и применение. Сложная система взаимоотношений материального и идеального аспектов слова в собственно испанском языке, где в определенный период при материальном различии корней *-curr-* и *-cos-* их производные составляют все же одну, хотя и не очень прочную, семью слов, упрощается в «неоиспанском» языке: испано-американская речь менее «исторична», чем язык бывшей метрополии. Новая разновидность испанского языка, не отягощенная сковывающей традицией, более легко идет на разрыв старых формальных и семантических связей и свободнее использует один из важных источников развития лексики: аффиксальное словообразование по «экстенсивному» способу, при котором используется одна основная форма с проясненной семантикой: *fuerc-ear* (от *fuerza*), а не *forz-ar*.

Американское словообразование как бы возрождает (только в новых условиях) историю испанского словотворчества и дает возможность получить представление о тех глубинных процессах усложнения и обогащения лексической системы испанского языка, о которых пока еще мы можем только догадываться.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

Э. П. ХЭМП

О ДОЛГОТЕ ГЛАСНЫХ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрев проблему частотности венгерских гласных[1] и составив соответствующие таблицы, Дж. Лотц (стр. 235) приводит несколько примеров дальнейших операций, возможных при исследовании этого вопроса. Однако он не указывает на один интересный аспект структурного анализа, который, как мне кажется, вытекает из приводимых им цифр.

Дж. Лотц устанавливает (стр. 227) шестнадцать гласных фонем (девять кратких и семь долгих). Одна из кратких гласных — гласная [а] встречается весьма редко: она типична лишь для определенного слоя словаря и для определенных групп говорящих. При анализе частотности Дж. Лотц вполне правильно не принимает во внимание эту гласную, ибо она почти не встречается в исследуемом им словаре. В настоящей статье указанная гласная также не принимается во внимание, но по другим причинам: исследование этой гласной существенно не изменило бы наших выводов; гласная [а], используемая некоторыми слоями говорящих, занимает свободное место в структуре нижнего ряда модели гласных. Таким образом, Лотц оперирует 15 гласными.

В связи с таким большим количеством гласных естественно возникает вопрос, нельзя ли аналитически разбить их на группы. Одним из возможных решений данного вопроса является использование удвоенных гласных. Дж. Лотц, однако, решительно отказывается от этого (что не является новым), ссылаясь на наличие контрастирующих рядов одинаковых гласных (стр. 228). Исходя в своем анализе из положения о том, что долгота является особым свойством гласных, Дж. Лотц не использует второго возможного пути анализа, основанного на том, что долгие гласные являются сочетаниями неодинаковых элементов.

При отсутствии противоречивых фактов, прежде чем принять решение в пользу того или иного метода анализа, мы обычно, кроме простого сведéния количества гласных к минимуму, пытаемся найти необходимые для этого критерии дистрибутивной структуры. Так, в латинском языке[2] долгота представляет собой самостоятельную величину и имеет модель, сходную с моделью juncture; в языке йокуц[3], если рассматривать долгие гласные как сочетание «гласные + / : /», можно обнаружить, что долгота имеет модель, частично сходную с моделью согласных (т. е. звуков, встречающихся в конце слога), а частично сходную с моделью juncture (с которым она не образует «пучка»). В некоторых случаях (см., например, мой анализ языка йуи[4]) разложение долгих гласных влечет за собой дальнейшее уменьшение количества простых гласных. Встречаются, однако, случаи (например, в венгерском языке), когда невозможно найти неоспоримые дистрибутивные критерии (именно этот вывод вытекает из исследований таких крупных специалистов, как Лотц). Например, оказывается, что /о/ и /ф/ не встречаются перед juncture. Несмотря

[1] См. «Word», vol. 8, № 3, 1952, стр. 227—235.

[2] См. A. A. Hill, «Language», vol. 30, 1954, стр. 447.

[3] См. S. Newman, «International journal of American linguistics», vol. 20, 1954, стр. 114.

[4] См. «The bull. of the Institute of history and philology [of the Academia sinica]», vol. 29, 1957, стр. 323—326.

на то, что это явление нельзя считать общим для всех гласных, было бы вполне экономным сформулировать следующие положения: «из пятнадцати гласных все, кроме таких-то, встречаются перед juncture» или «из восьми гласных все, кроме таких-то, встречаются перед juncture [т. е. за ними не следует (или следует) долгота]». Неоспоримым доказательством наличия долготы в качестве «вклинивающейся» самостоятельной фонемы в венгерском языке (например, /fy : yl/ «травоподобный») можно было бы считать такое положение, при котором не встречались бы ряды гласных одинакового качества, находящихся в разных слогах; однако, как указывает Лотц, такие ряды в действительности встречаются. Короче, мы не располагаем определенными критериями дистрибутивного характера для разложения долгих гласных на «гласные + долгота»; прочие просодические особенности (например, ударение или высота тона), которые могли бы помочь принять то или иное решение, отсутствуют.

Представляется, однако, возможным, что количественные особенности могут заменить дистрибутивные критерии и стать ключом для изучения структуры. Если, имея это в виду, рассмотрим таблицы Дж. Лотца, то мы не будем разочарованы. Лотц замечает (стр. 234), что краткие гласные встречаются наиболее часто. С точки зрения частотности «пучков» это утверждение означает, что долгие гласные имеют частотность кратких плюс какой-то дополнительный элемент. При рассмотрении фиг. 1 (стр. 232) вскрывается более интересная дистрибуция. Порядок распределения кратких гласных по убывающей частотности — [ɔ æ o E i ɸ u y]; таким же образом распределяются и долгие гласные — [*a*ˑ eˑ oˑ ɸˑ iˑ uˑ yˑ]. Если учесть, что [E] не противостоит долгая гласная, эти два ряда очень хорошо объединяются с фонетической точки зрения. Можно отметить соотносительные пары [ɔ *a*ˑ], [æ eˑ], [o oˑ], [u uˑ], [y yˑ]. Перемена мест гласных обнаруживается только в парах [i ɸˑ] и [ɸ iˑ]. Таким образом, подтверждается предположение о том, что, с точки зрения частотности, каждая долгая гласная в отдельности ведет себя так же, как соответствующая краткая + долгота.

Мы можем, следовательно, утверждать (хотя на другом основании, чем просто из желания максимального сокращения элементов), что в венгерском языке имеются гласные [*a* e o i ɸ u y], каждая из которых может сочетаться с долготой /:/ и /E *a*/, которые не могут с ней сочетаться. Представим это в виде диаграммы:

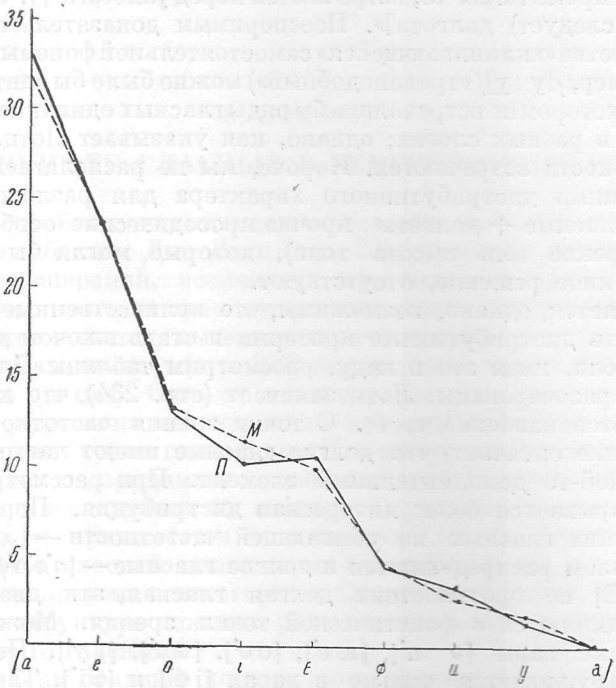
/i y u
e ɸ o
E a *a*/.

В связи со сказанным интересно проверить таблицы Дж. Лотца с целью получения тех или иных цифровых результатов. Пользуясь таблицей 2, приводимой Лотцем [в которой находим данные подсчетов Лотца на основе текстов Петефи (П) и Микшата (М), а также данные подсчетов Толная (Т)], вычислим путем простого сложения процент частотности гласных и долготы.

	П	М	Т	
u + uˑ	3,33	2,84	3,07	= /u/
y + yˑ	1,40	1,86	1,94	= /y/
i + iˑ	10,36	11,55	10,88	= /i/
o + oˑ	13,05	13,25	12,84	= /o/
ɸ + ɸˑ	4,57	4,76	5,02	= /ɸ/
E	10,79	10,01	34,46	= /E/
æ + eˑ	23,42	23,61		= /e/
ɔ + *a*ˑ	33,10	32,12	32,20	= /*a*/
a	ɸ	ɸ	—	= /a/
долгие гласные	23,84	21,65	24,58	= /:/
краткие гласные	76,18	79,31	74,83	

Если перенести эти величины для гласных на диаграмму убывающей частотности (подобную той, которую приводит Дж. Лотц на фиг. 1), то

получается результат, показанный в нашей фиг. А. Интересно отметить, что кривая на фиг. А имеет более ровный наклон и более постоянную выпуклость, чем на фиг. 1.



Фиг. А

Пользуясь таблицей 2 Лотца и таблицей, приведенной выше, отмечаем различие (Р) частотности употребления каждой гласной в текстах П и М; при этом последние величины каждый раз берутся в виде их отношения к средним величинам П и М, что дает представление о сравнительной величине различий. Эти отношения выражены в приближенных процентных величинах. Таким образом, мы можем сравнить различие величин П и М, полученных как на основе анализа долгих гласных, так и на основе анализа с извлечением долготы как независимой величины (extracted-length analysis) (см. табл. на стр. 77).

Величина $P_{ПМ}$ для [:], которая равна различию сумм приводимых Дж. Лотцем величин частотности долгих гласных, — 2,19, или 10%; соответствующая величина для приводимых Дж. Лотцем кратких гласных — 3,13, или 4%. Цифры 2,19 и 10% следует, несомненно, ввести в столбики 6 и 7 приведенной выше таблицы.

Рассмотрение таблицы дает два интересных результата. Во-первых, следует отметить, что различия между величинами П и М для [o], [ɸ] и [*a*] больше при анализе долгих гласных (колонка 5), чем при отдельном анализе долготы (колонка 6), особенно в отношении такой важной гласной, как *a*. Я специально не подвел итог величин в колонке 5, ибо я не уверен, что такая величина может иметь значение независимо от данных в колонках 1 и 3 или от данных в колонке 5, взятых в отдельности; не следует искусственно преувеличивать разницу между результатами, получаемыми путем двух видов анализа.

Кроме того, рассматривая процентные величины, которые являются, пожалуй, наиболее важными, мы обнаруживаем, что в двух исследуемых текстах среднее различие величин частотности для отдельно взятых долгих гласных равно 14 $^1/_2$%, а для отдельно взятых кратких — 11%; различие величин для долгих гласных в целом все же равно 10%. Однако по-

сле извлечения долготы различие величин частотности для отдельно взятых гласных равно только 9%. Возможно, что различие величин для приводимых Лотцем кратких гласных (4%), не имеющее соответствия при анализе долготы, следует каким-то образом прибавить к завышенному различию величин П и М при анализе долгих гласных. Другими словами, хотя оба вида анализа почти не вскрывают каких-либо дистрибутивных

	Лотц					Лотц — Хэмп	
	Краткие гласные		Долгие гласные		Сумма 1+3	6	7
	1	2	3	4	5		
	$P_{ПМ}$	%	$P_{ПМ}$	%		$P_{ПМ}$	%
u	0,49	20	0	0	0,49	0,49	16
y	0,38	30	0,08	22	0,46	0,46	28
i	0,84	9	0,35	27	1,19	1,19	11
o	0,36	3	0,16	9	0,52	0,20	2
ö	0,47	13	0,28	20	0,75	0,19	4
E	0,78	7	—	—	0,78	0,78	8
e	0,15	1	0,04	1/2	0,19	0,19	1
a	1,20	5	2,18	23	3,38	0,98	3
Итого	4,67	8/ 88 / 11	3,09	7/ 101½ / 14½		4,48	8/ 73 / 9

особенностей, дающих основание для выбора одного из них, и хотя ученые в прошлом не признавали простого уменьшения числа анализируемых элементов достаточным критерием исследования ввиду того, что при этом можно не обратить внимания на их важные структурные особенности, нам представляется, что анализ с извлечением долготы дает возможность свести к минимуму различие между двумя текстами П и М. Если отвлечься от разницы в содержании текстов, то можно утверждать, что при таком анализе максимально учитываются о б щ и е черты этих текстов, что и является, очевидно, специфически венгерским. Но анализ, дающий возможность максимально вскрыть типично венгерские особенности фонологической структуры, вероятно, и есть именно то, что мы пытаемся найти.

Очевидно, изложенные выше соображения могут иметь более широкое применение, чем при анализе рассматриваемой проблемы. Они дают возможность более конкретно, чем ранее, ответить на вопросы, поднятые в известной статье Чао о множественности решений при фонематических исследованиях[5]. Учитывая достоинства двух конкурирующих видов анализа, мы можем выписать два (или более) текста в каждой системе и подсчитать частотность и различия частотности для каждого текста в пределах соответствующей системы. Система, в которой обнаруживается наименьшее количество отклонений и, таким образом, представляется возможность зарегистрировать наибольшее количество общих признаков текстов, и явится предпочтительным методом анализа. В случаях, подобных разбираемому, когда мы должны выбирать между «пучками» и отдельными элементами, ожидаемое количественное «сглаживание» различий при прочих равных условиях, в общем, приводит к предпочтению анализа «пучков».

Перевел с английского
М. М. Маковский

[5] Сейчас эта работа напечатана в сб. «Readings in linguistics», Washington, 1957, стр. 38—54.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

Е. А. КРЕЙНОВИЧ

ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

(К истории ориентации в пространстве)

«...наши развивающиеся понятия времени и пространства отражают объективно-реальные время и пространство...» (В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 14, 4-е изд., стр. 164).

Разумная ориентировка в пространстве была свойственна людям с древнейших времен; об этом свидетельствует тот установленный факт, что для изготовления своих орудий синантропы разыскивали кристаллы кварца, залегающие в гранитном массиве в нескольких километрах к северо-востоку и к югу от пещеры Чжоукоудянь (места обитания синантропов)[1]. Однако мы ничего по существу не знаем о том, как осознавалось древними людьми пространство и как они ориентировались в нем.

Можно предполагать, что природное слабое развитие инстинктивных способностей ориентироваться в пространстве постепенно заменилось у человека точным знанием окружающей среды. Высказанное предположение основывается на исследовании лексики, служащей для выражения пространственных представлений в языках племен, не вышедших еще в XIX в. из условий охотничьего быта, в частности, на исследовании этой части лексики в нивхском языке, которое проводилось автором в 1926—1928 гг., 1957 г. на Сахалине и в 1931 г., 1957 г. на материке[2].

Современный нивхский язык сохраняет в своей лексике и грамматике ряд явлений, ведущих свое начало, как нам представляется, от древнейших времен. Так, например, в нивхском языке для обозначения камня существуют только два слова *паχ* «камень (вообще)»[3] и *нак* (с.д.), *нык* (а. д.) «кремень». Как видим, материал, из которого люди изготовляли свои орудия, был выделен предками современных нивхов среди всего многообразия камней[4] и получил свое особое наименование. На сохранение пережитков каменного века в языке нивхов указывает тот факт, что количественные числительные *н'ик* «один», *мик* «два» и т. д. служат для счета мелких круглых предметов (ягод, икринок, кедровых орехов, яиц и т. п.), а также и

---

[1] Davidson Black, Teilhard de Chardin, C. C. Young and W. C. Pei, Fossil man of China, «Memoirs of the geological survey of China», № 11, 1933, стр. 118.

[2] В основу настоящей статьи положены материалы амурского диалекта нивхского языка. В статье приняты следующие сокращения: а. д. — амурский диалект, с. д. — сахалинский диалект. Знаками *q*, *χ*, *B*, *ř* обозначается увулярный ряд согласных; знаком *ш* — глухой *р* (*р*); знаком *h* — фарингальный щелевой; *j* — среднеязычный сонант; знаками *m'*, *д'*, *н'* — среднеязычные согласные; знаками *п'*, *т'*, *ч'*, *к'*, *q'* — придыхательные согласные, *н* — заднеязычный носовой сонант.

[3] Это слово, по-видимому, очень древнее; ср. сходные с ним слова в других языках: юкагирск. *пиэ* «камень», ненец. *пэ* «камень», маньчж. *вэхэ* «камень», корейск. *пави* «большой камень, скала».

[4] Видовые названия других камней представляют собой сложные слова, образованные путем присоединения определения к родовому наименованию *паχ* «камень».

топоров[5]. Не подлежит сомнению, что к группе мелких круглых предметов в нивхском языке был отнесен не современный, а овальный топор, имевший такую форму только в каменном веке[6]. Факты сохранения в нивхском языке подобных явлений реликтового характера дают основание предполагать, что своеобразная пространственная ориентация нивхов нисходит своими корнями в отдаленные времена каменного века.

Изучение слов, служащих в нивхском языке для обозначения различных географических объектов, показывает, насколько тонко дифференцируются в этом языке различные детали ландшафта; ср.: *к'шы* «скалистый, обрывистый мыс», *кныk* «мыс пологий, низкий»; *т'ры* «берег (вообще)», *т'о* «часть берега, приближенная к воде, покрытая песком и мелкой галькой», *ыхт* «обрывистый берег», *тор* «отмель», *hитф*, *ур* «остров», *ч'у* «фарватер» и т. д. Следует добавить к этому, что нет почти ни одного географического объекта, включая и такие микрообъекты, как поляны с саранкой, поросли крапивы (из которой нивхи изготовляли нитки), места сбора ягод и т. п., которые за редкими исключениями не имели бы у нивхов своего географического наименования.

В то же время, наряду с этими наименованиями, очень широкое распространение в нивхском языке имеют особые слова, обозначающие положение места в зависимости от того, в каком пространственном направлении оно находится. Говоря о пространственных направлениях у нивхов, следует отвлечься от свойственных нам более поздних понятий ориентации, обозначаемых словами «север», «юг», «восток» и «запад»[7].

Пространственная ориентация у нивхов на первый взгляд проста, но выражение ее в языке весьма сложно. Для того чтобы понять ее, необходимо иметь в виду хозяйственный быт нивхов, основанный главным образом на рыболовстве, охоте на морских и в меньшей степени на сухопутных зверей, а также на собирании съедобных трав, корней и ягод. Поэтому непосредственно практическое значение в их жизни могли иметь только обозначения направлений вверх по реке и вниз по реке, направление от берега в глубь водного пространства и из глубины водного пространства к берегу, а также направление от берега, где находились их жилища, в глубь тайги и из тайги к берегу. Указанные направления и составляют основное лексическое значение корней, от которых образуются слова для передачи пространственной ориентации в нивхском языке.

Приводим корни этих слов с их значениями: *к'э* — на речном берегу указывает направление вверх по течению реки; на морском берегу указывает северное[8] направление; в селении указывает на край селения, расположенный вверх по течению реки или находящийся в северной стороне; *а* — на речном берегу указывает направление вниз по течению реки; на морском берегу указывает направление к югу; в селении указывает на край селения, расположенный вниз по течению реки или находящийся в южной стороне; *hэ* — указывает направление из глубины водного пространства к берегу, а от береговой полосы — в глубь побережья; *qo* — обозначает направление из глубины суши к береговой полосе, направление с вершины горы вниз, к ее основанию (аналогично — с вершины дерева вниз, к его корню); *к'и* — указывает направление ввысь — в воздух, на вершину

---

[5] См. Е. А. Крейнович, Гиляцкие числительные, Л., 1932, стр. 5.

[6] Там же, стр. 10.

[7] У нивхов тоже есть слова, посредством которых они обозначают восток и запад: *к'энмыривэщq* «сторона восхода солнца» и *к'энjуγвэщq* «сторона захода солнца» [*к'эн* «солнце», *мырд'* «подниматься», *jуγд'* «входить (например, в жилище)», *ф/в* — суффикс со значением места действия, *эщq* — послелог со значением «сторона»], но не они служат основой их пространственной ориентации. (Движение солнца служит у нивхов средством ориентации во времени дня.)

[8] Термины «север» и «юг» употребляются нами для перевода условно, поскольку на побережьях материка и Сахалина, имеющих меридиональное расположение, направления, обозначаемые словами с корнями *к'э* и *а*, случайно совпали с северным и южным направлениями.

горы, на дерево или крышу; *т'а* — указывает направление от береговой полосы к противоположному берегу реки или к горизонту в море; *ту* — обозначает место, расположенное в непосредственной близости с говорящим, и берег реки, где говорящий находится; *hу* — употребляясь в значении, сходном с тем, которое выражает корень *ту*, передает оттенки некоторой отдаленности и неопределенности; *а* — употребляясь в значении, близком к значению корня *hу*, указывает на еще большую отдаленность; *аэ̄* — из числа последних четырех указывает на наибольшую отдаленность.

Шесть первых корней (*к'э*, *а*, *hэ*, *qо*, *к'и*, *т'а*) отличаются от четырех последних корней (*ту*, *hу*, *а*, *аэ̄*) тем, что выражают конкретную направленность; последние четыре корня не имеют значения такой направленности, в связи с чем определение положения мест, выражаемое словами, производными от этих корней (в особенности от *hу*, *а*, *аэ̄*), дополняется жестом.

От перечисленных выше корней при помощи суффиксов и окончаний образуются имена пространства[9], посредством которых обозначаются различные участки пространства — как близкие, так и отдаленные, и весьма дифференцированно указывается участок пространства, где происходит действие, а также выражается направление движения.

Необходимо отметить, что направление движения в нивхском языке передается, кроме того, самими глаголами движения: *туд'* «двигаться вверх по течению реки»; *qад'* «двигаться вниз по течению реки»; *магд* «двигаться из глубины водного пространства к берегу, либо от берега в глубь суши»; *мыгд'* «двигаться с вершины горы к ее основанию, либо из глубины суши к берегу»; *qод'* «двигаться от берега в глубь водного пространства»; *мырд'* «двигаться ввысь, взбираться на гору» (для выражения значения «влезать на дерево» имеется отдельный глагол *эзрод'*). Общее понятие движения (без указания на направление) выражается глаголом *вид'*.

Таким образом, имена пространственных направлений вместе с глаголами движения образуют как бы единую систему выражения пространственной направленности действий в нивхском языке. Пространственная направленность действий человека получила также выражение и в других глаголах нивхского языка (см. об этом ниже).

Приводим перечень имен пространства в амурском диалекте и краткие объяснения их значений и употреблений (см. таблицу на стр. 88).

Все имена пространства на *-р* (в сахалинском диалекте — на *-с*) обозначают какое-либо ограниченное в пространстве, определенное место[10]. Свидетельством того, что суффикс *-р* указывает на ограниченное в пространстве место, может служить то, что на вопрос *шар?* «где?» (вопросительная основа *ша* + суффикс *-р*) могут следовать ответы, указывающие на конкретную точку в каком-либо предмете (в наших примерах — органы человеческого тела); таким образом, суффикс *-р* оказывается соотнесенным с обозначением конкретной точки в пространстве. Например, на вопрос *шар-Ʒод'ӈа*? «где (в каком месте, что) болит?» (*qод'* «болит», *-ӈа* — окончание, выражающее вопрос) следуют ответы такого рода: *ӈив-Ʒод'ра* «сердце болит» (*ӈиф* «сердце»), *qоqод'ра* «живот болит» (*qох* «живот»).

Исходя из этого значения суффикса *-р*, можно понять, почему все слова, образованные посредством этого суффикса от корней со значением раз-

---

[9] Все имена пространства нивхского языка по своей функции близки к наречиям места в других языках; однако они не могут быть полностью отождествлены с наречиями, так как имеют все формы пространственных падежей; в связи с этим их надо относить в нивхском языке к сфере имен, а не наречий. Ср. также то обстоятельство, что эти слова могут выступать в роли прямых дополнений (инкорпорируемых переходными глаголами) и определений, а также сами могут иметь при себе определения.

[10] Суффикс *-р*, передающий значение «место» (без определения особенностей этого значения), выделяется также В. З. Панфиловым на основе следующего сопоставления: «*hур(ш)* «здесь», но *hуин* «здесь», *hуд* «этот», *турш* «здесь». но *туин* «здесь», *туд* «этот» (В. З. Панфилов, Нивхские количественные числительные. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953, стр. 14).

личных участков пространства, указывают на какое-либо определенное ограниченное место, хорошо известное говорящим и обычно расположенное вблизи географического пункта, в котором они обитают.

Если мы будем определять значение слов этого рода с точки зрения жителя нивхского селения Вайды (по-нивхски *Вајр*), то имя пространства *к'эр* будет обозначать определенную, сравнительно ограниченную территорию, расположенную вверх по течению Амура, примерно до селения Маго (по-нивхски *МаВо*), находящегося в 10 км от селения Вайды; *ар* будет обозначать определенную, сравнительно ограниченную территорию, расположенную вниз по течению Амура, примерно до селения Архангельского (в отдаленном прошлом здесь было старинное нивхское селение *Шавхво*), расположенного в 6 км от селения Вайды; *hэр* будет обозначать определенную, сравнительно ограниченную территорию побережья, находящуюся между береговой полосой Амура и первой горой, расположенной примерно в двухстах метрах от реки[11]; *qор* обозначает определенную, сравнительно ограниченную территорию, простирающуюся от вершины горы по склону к ее основанию и от основания горы до береговой полосы Амура[12]; *т'ар* обозначает определенное, сравнительно ограниченное водное пространство р. Амура, примыкающее к селению Вайде; *к'ир* обозначает определенное место, расположенное на вершине горы, находящейся вблизи Вайды, либо на вершине дерева, либо на крыше; *тур* указывает на определенное место, находящееся в непосредственной близости от говорящего; *hур* обозначает какое-либо ограниченное место в любом пространственном направлении, обозначаемом любым именем пространства на *-р*, а поэтому определение места посредством слова *hур* дополняется жестом.

К любому имени пространства на *-р* могут присоединяться суффиксы *-ҥајо* и *-ҥа*, указывающие, что место, о котором идет речь, находится невдалеке от определенного пункта (в рассматриваемых случаях — от селения Вайды) в направлении, обозначенном основой слова. Суффикс *-ҥајо* при этом означает, что это место расположено очень близко от определенного пункта, а суффикс *-ҥа* — что оно находится несколько дальше, чем в первом случае, например: *н'и к'эрҥајох сэта, Мыгун к'эрҥах сэра* «Я чуть выше селения Вайды сеть поставил, а Мыгун повыше меня поставил» и т. д. Как видно из примера, имена, образованные посредством суффиксов *-ҥајо* и *-ҥа*, могут присоединять окончания пространственных падежей (в нашем примере — окончание *-х*, выражающее значение местно-исходного падежа). В случае же присоединения падежных окончаний к именам пространства, образованным посредством суффикса *-р*, этот суффикс опускается и окончания наращиваются непосредственно к корню слова (в сахалинском диалекте суффикс *-с* в этих же случаях обычно сохраняется). Подобные падежные формы имен пространства также указывают на определенные и сравнительно неотдаленные места: *н'и к'эг эфт шаqт'* «Я из места, расположенного в верхнем течении реки, [из Маго] взял и привез [в Вайду]»; *н'и к'эг hуд'ид'* «Я вверху [на территории, расположенной недалеко от Вайды вверх по течению реки] положил»; *к'эгэ*[13] *јивҥгу* «Люди, живущие на территории,

---

[11] Возле древнего нивхского селения *ЭВли* (на карте оно обозначено Яли), недавно разрушенного во время разлива Амура, расстояние от береговой полосы до первых гор равняется примерно 15 км, и весь этот прибрежный участок, по словам нивхов, обитавших в этом селении, назывался *hэр*.

[12] В случае, если говорящий находится на побережье в некотором отдалении от реки, пространство, расположенное от говорящего к реке, обозначается словом *qор* или *qоqр*, а пространство, находящееся от говорящего в глубь суши к горе и дальше, обозначается словами *hэр* или *hэqр*. Имена пространственной ориентации, таким образом, не закрепляются за определенными географическими объектами, как это свойственно топонимическим наименованиям.

[13] Суффикс *-э*, присоединяемый к окончаниям местно-исходного падежа *-ух* > *-уγэ*; *-ҥг* > *-ҥгэ*, *-г* > *-гэ* (иногда он же присоединяется и к окончанию местного падежа *-ујн* > *-ујнэ*), придает слову значение указания не на определенную точку, а н

расположенной в верхнем течении реки»; *к'эјн*[14] *hумд* «Живет неподалеку, на территории, расположенной в верхнем течении реки [например, в Маго]»; *н'и к'этχ туиныд'* — *шарнгарχ*? — *МаВорχ туиныд'* «Я неподалеку, вверх по течению реки пойду. — Куда (буквально: как недалеко)? — В Маго пойду».

Если посредством суффиксов *-нгајо* и *-нга* от каждого имени пространства на *-р* могут быть образованы имена пространства, указывающие на наибольшую приближенность места, то посредством префигирующих основ *а* и *аэ* может быть обозначена большая (хотя и видимая глазом) отдаленность места, которое обычно при этом указывается жестом: *н'и hујн лытт'* «Я там сделал», *н'и аhујн лытт'* «Я вон там сделал», *н'и аэhујн лытт'* «Я вон там (вдалеке) сделал».

Места же очень отдаленные, не видимые глазом, обозначаются именами, образованными от перечисленных выше корней посредством суффиксов *-qр*, *-кр* со значением, по-видимому, отвлеченности[15]. Имена пространства на *-qр*, *-кр* вследствие их отвлеченности служат для обозначения не только находящегося в отдалении места, но и соответственного направления.

Если определять значения имен пространства на *-qр*/*-кр*, имея исходным пунктом упомянутое нивхское селение Вайду, то слово *к'эqр*, произнесенное в этом селении, будет обозначать направление и территорию, простирающиеся от него далеко (на расстояние 50 км и больше) вверх по течению реки, как, например, селения Тахта, Тыр, Кальм. Если жители селения Вайды о жителях селения Маго скажут *к'эмвофингу* «живущие в селении, расположенном недалеко вверх по течению реки», то о жителях селений Тахта, Тыр и Кальм они скажут *к'эqрп'ингу* «живущие в селении, расположенном далеко вверх по течению реки».

Точно так же словом *аqр* в селении Вайде обозначаются направление и территория, простирающиеся от этого селения далеко (на расстояние 50—90 км) вниз по течению реки, как, например, селение Куклы, Чарбах. Если жители селения Вайды о жителях села Архангельского (по-нивхски *Шавхво*) скажут *амвофингу* «живущие в селении, расположенном недалеко вниз по течению реки», то о жителях селений Кукла или Чарбах они скажут *аqрп'ингу* (или *агэјивнгу*) «живущие в селении, расположенном далеко вниз по течению реки».

Словом *hэqр* обозначается не прибрежное пространство, расположенное между береговой полосой и ближайшей горой (что обозначает слово *hэр*), а направление и территория, расположенные от береговой полосы далеко в глубь суши. Точно так же, когда говорящий находится вдали от берега, словом *qоqр* обозначается направление и территория, простирающиеся из глубины суши к береговой полосе; словом *т'аqр* обозначается направление к противоположному берегу и территория, расположенная на противоположном берегу; словом *тукр* обозначается направление к говорящему и суша по эту сторону реки либо территория,

---

более обширное пространство: подобные падежные формы имен пространства *тунгэ* > > *тугэ* и *hунгэ* > *hугэ* используются также для выражения временных значений.

[14] Окончанию местного падежа имен пространства *-н*, *-јн*, *-ујн* амурского диалекта в сахалинском диалекте соответствует окончание *-нх*. Путем анализа падежных окончаний в нивхском языке выявляются две морфемы, участвующие в формировании показателя местного падежа, — *-к* ~ *-г* ~ *-х* и *-н*. Эти морфемы находят свои параллели в аналогичных падежах палеоазиатских, уральских и алтайских языков.

[15] Ср. об этом: В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 15. Р. Якобсон рассматривает суффикс *-qр*, *-кр* в качестве элемента, указывающего на непосредственную близость (R. Jakobson, Notes on Gilyak, «The bull. of the Institute of history and philology [of the Academia sinica]», vol. XXIX, 1958, стр. 275—276). Между тем посредством этих аффиксов обозначается, как правило, отдаленность; отметим случаи употребления слов с этими аффиксами в роли определения *к'икр-нычс* «верхние убы», *qоqр-нычс* «нижние зубы».

на которой говорящий находится; словом *к'икр* обозначается направление ввысь и пространство, расположенное на высоте; словами *hукр* и *акр* обозначается неопределенное направление и пространство, которые могут простираться в любой стороне, почему эти слова обычно дополняются жестом.

Различие в значениях имен пространства на *-р* и *-qр* отчетливо выясняется при сопоставлении производных слов от *т'ар* и *т'аqр*, образованных в свою очередь от одного и того же корня *т'а* — *т'ар* «водное пространство, примыкающее к берегу»[16]; *т'арнjо* «какое-либо место в воде, расположенное близко от берега»; *т'арна* означает место в воде, расположенное немного дальше, чем место, обозначаемое *т'арнjо*; *т'аг* означает место в воде, более обширное, чем места, обозначаемые словами *т'арнjо* и *т'арна*, и расположенное дальше их; *т'агэ* означает место в воде, более обширное, чем *т'аг*; *т'ајн* «ограниченное место на воде или льду» (например: *т'ајн лур-χрад'* «там на реке лед долбит»); *т'атχ* «направление от берега недалеко в глубь Амура»; *т'аqртоχ* «направление от берега к противоположному берегу Амура»; *т'аqр* «противоположный берег суши»; *т'аqрух* «на том берегу, с того берега»; *т'аqрујн* «на том берегу». Из приведенных фактов видно, что слово *т'ар* вместе с его падежными формами обозначает определенное, близко расположенное в направлении от береговой полосы к противоположному берегу реки место, которое в силу этого находится в воде; слово же *т'аqр* с его падежными формами обозначает место дальнее, которое поэтому расположено на противоположном берегу Амура, на суше.

Установить такую точную границу, разделяющую обозначаемые территории, как это удается для слов *т'ар* и *т'аqр* в употреблении их приамурскими нивхами, для слов типа *к'эр* и *к'эqр* не представляется возможным. Можно лишь утверждать, что слова типа *к'эр* обозначают определенную территорию, обычно расположенную вблизи и окрест какого-либо пункта, либо вблизи самого говорящего; слова же типа *к'эqр* обозначают направление и территорию, простирающиеся значительно дальше от того же пункта либо от говорящего.

Все слова, образованные посредством суффикса *-qр/-кр*, могут присоединять еще и суффикс *-аq/-ак*, при помощи которого выражается представление об обширной местности, простирающейся далеко вглубь и вширь в том направлении, которое обозначено корнем слова. Если исходной точкой взять то же селение Вайду, то словом *к'эqраq* будет обозначаться вся местность от Вайды, лежащая вверх по течению реки, словом *аqраq* — вся местность, простирающаяся от Вайды вниз по течению реки до самого моря, и т. д.

От большинства вышеперечисленных корней, имеющих в своем составе начальные смычные согласные, образуются варианты с начальными щелевыми: *хэ* < *к'э*, *jа* < *а*, *jэ* < *hэ*, *Ꙋо* < *qо*, *хи* < *к'и*, *ша* < *т'а* (к гласному корня *а*, как мы видим, присоединился *j*, а согласный *h* чередовался с *j*)[17]. Корни *ту*, *hу*, *а*, *аэ̄* вторых вариантов не имеют.

От вторых вариантов перечисленных корней посредством суффикса *-ми* образуются слова, указывающие только на направление движения[18]: *хэми* — направление вверх по реке; *јами* — направление вниз по реке; *јэми* — направление от береговой полосы в глубь суши: *Ꙋоми* — направление от суши к береговой полосе либо с вершины горы вниз к ее основанию; *хими* — направление ввысь; *шами* — направление в глубь водного

---

[16] От корня *т'а* образуется глагол *т'агэд'*, *т'агид'* «находиться на (в) воде вдали от берега», а от корня *hэ* — глагол *hэгэд'*, *hэгид'* «находиться на (в) воде вблизи от берега». От корня *к'э* образуется название ветра *к'энгила*, дующего по Амуру с верховьев реки.

[17] См. об этом также: R. Jakobson, указ. соч. стр. 275—276.

[18] Р. Якобсон отождествляет суффикс *-ми* с послелогом *ми* (там же). Однако это отождествление, основанное только на созвучии, неправильно.

пространства. Поскольку слова, образованные посредством суффикса *-ми*, не имеют иных форм словоизменения, кроме формы направительного падежа на *-доχ* (свидетельствующей о том, что они оканчивались на сонант *н* — ср. наличие *н* в составе этих слов в отдельных говорах сахалинского диалекта), их, по-видимому, надлежит относить к наречиям.

Приведенные факты показывают, что в нивхском языке в целях пространственной ориентации оказался обозначенным ряд направлений, шесть из которых простираются в горизонтальной плоскости, а два — в вертикальной. Для обозначения направлений в горизонтальной плоскости употребляются корни *к'э* ~ *хэ* и *а* ~ *ја*, соответственно указывающие на два противоположных направления вверх и вниз по течению реки либо на север и юг по побережью моря; корни *hэ* ~ *јэ* и *qo* ~ *ʁ'о* указывают соответственно на два противоположных направления — от берега в глубь суши и из глубины материка к берегу; корень *т'а* ~ *ша* указывает на направление от берега в глубь водного пространства, направление же из глубины водного пространства к берегу передает корень *hэ* ~ *јэ*, которым обозначается также направление от береговой полосы в глубь суши. На направления в вертикальной плоскости указывают: корень *к'и* ~ *хи*, обозначающий направление ввысь, и корень *qo* ~ *ʁо*, обозначающий направление вниз, а также направление от вершины горы к ее основанию и из глубины суши к берегу реки.

Интересно отметить следующее обстоятельство. Направление, обозначаемое корнем *hэ* ~ *јэ* (*hэqр*, *јэми*), простирается из глубины водного пространства к берегу и от берега в глубь суши. Если же взять корни противоположного направления *qo* ~ *ʁо* (*qoqр*, *ʁоми*), то направление, обозначаемое ими, простирается из глубины суши к береговой полосе, где и прерывается, так как направление в глубь водного пространства обозначается корнем *т'а* ~ *ша* (*т'ар*, *шами*). Вместе с тем нельзя не отметить, что движение по воде в глубь моря или Амура обозначается глаголом *qoq'* «ехать (идти) в глубь водного пространства», который образован от корня *qo*, фонетически совпадающего с корнем имени пространства *qo* ~ *ʁо*. Таким образом, и в данном случае прослеживается как бы единая линия направления движения из глубины суши к береговой полосе и от береговой полосы в глубь водного пространства, обозначаемая корнем *qo*.

Обращая внимание на роль гласных в обозначении пространственных направлений, можно заметить, что гласный *э* связан с обозначением горизонтального направления вверх по реке (*к'э* ~ *хэ*) и в глубь суши (*hэ* ~ *јэ*), гласный же *и* в корне *к'и* ~ *хи* связан с указанием на вертикальное направление вверх. Так как вертикальное направление вниз обозначается в нивхском языке тем же корнем *qo* ~ *ʁо*, что и горизонтальное направление вниз по суше, то можно предположить, что одиночный корень *к'и* ~ *хи*, обозначающий направление вверх по вертикали, развился из корня *к'э* ~ *хэ*, указывающего на направление вверх по горизонтали. Направления в горизонтальной плоскости в нивхском языке, по-видимому, нашли свое выражение раньше, чем направления в вертикальной плоскости. Интересно, что обозначение направлений вверх (независимо от плоскости) связано в нивхском языке с передними гласными *э*, *и*, направление же вниз — с задними гласными *а*, *о*[19]. Тем не менее, поскольку согласные в корнях, обозначающих пространственные направления, различны, нельзя приписывать одним только гласным смыслоразличительную роль в дифференциации этих значений.

Любопытно, что термины, употребляемые для обозначения географического пространства, применяются нивхами и для обозначения пространства внутри жилища; таким образом, обозначение направлений в жилище является как бы микроотражением ориентации человека во внеш-

[19] На подобное смыслоразличительное противопоставление гласных *и* — *а* указал Р. Якобсон (указ. соч.); правильнее, однако, противопоставлять гласные в обозначениях пространства следующим образом: *э* — *а*, *э* — *о*, *и* — *о*.

нем мире. В древних жилищах нивхов — зимних полуземлянках, больших зимниках и в летних наземных жилищах — у противоположной от двери стены размещалась нара *понаꙮнг* (с.д.) ~ *понаχ* (а.д.), которая считалась лучшей в жилище. По обеим сторонам от этой нары находились две боковые нары. Направление от дверей к противоположной наре, расположенной у задней стены дома, обозначается словом *хэми*, а движение к ней — глаголом *туд'*, т. е. так же, как направление и движение вверх по реке; направление же от задней стены жилища к дверям обозначается словом *jами*, а движение к ним — глаголом *qад'*, т. е. так же, как направление и движение вниз по реке. Если человеку, сидящему на наре, предлагают подвинуться к стене, то ему говорят *hэрнгарχ маꙮja* «сядь (подвинься) к стене», словно это передвижение связано с движением к горе; если же ему предлагают передвинуться на край нары, то говорят *qорнгарχ мычja* «подвинься к краю нары», как бы уподобляя это действие движению вниз с горы.

Почти полное совпадение у нивхов терминов ориентации в географическом пространстве с терминами пространственной ориентации внутри жилища наводит на предположение, что такое совпадение, видимо, уходит своими корнями в глубокую древность, когда у предков современных нивхов еще не было жилищ и они жили под навесами скал на берегах рек или в пещерах; сложившаяся терминология стала служить впоследствии для пространственной ориентации и внутри жилища. Отметим кстати, что у амурских нивхов место, где в зимних жилищах привязывается выращиваемый для праздника медведь, называется *тулкс* «яма», в то время как там имеется пол из накатника, а не яма. По данным древних китайских источников, народы (илоу), обитавшие на севере Маньчжурии, летом жили на берегах рек, а зимой — в ямах, пещерах и имели луки и стрелы с каменными наконечниками[20].

Очень точные и конкретные имена пространственной ориентации в нивхском языке были выработаны потребностями их рыболовно-охотничьего быта, в чем мы не раз убеждались, находясь вместе с ними на их промыслах.

Принципы выражения пространственной ориентации в нивхском языке распространяются также на людей и их селения, животных, предметы; ориентированными в различных пространственных направлениях оказываются даже передние части предметов, а также передвижение предметов, производимое людьми. Приведем в качестве примеров непереходные глаголы, отвечающие на вопрос *шамд?* «где живет?», вместе с их значениями: *к'эмд'* «обитать, находиться невдалеке вверх по течению реки или в жилище на наре у задней стены»; *амд'* «обитать, находиться невдалеке внизу по течению реки или в жилище на наре ближе к двери»; *hэмд'* «обитать, находиться на побережье невдалеке от береговой полосы, например в зимних селениях» (так можно сказать, находясь в летнем селении); *qомд'* «обитать, находиться поблизости от береговой полосы, например в летних селениях» (так можно сказать, находясь в зимнем селении); *к'имд'* «находиться на верхних ветвях дерева» (так можно сказать, например, о птице, находящейся на верхней ветке, по сравнению с птицей, сидящей ниже); *т'амд'* «обитать, находиться на (в) водном пространстве»; *тумд'* «обитать, находиться здесь, в этом месте»; *hумд'* «обитать, находиться, жить где-то». Значение указанных глаголов может быть выражено словосочетаниями; так, например, вместо *к'эмд'* можно сказать *к'эjн hумд'*, вместо *амд'* — *ajн hумд'* и т. д.

Примечательно, что наиболее распространенный в нивхском языке глагол *hумд'* (а. д.) ~ *hунвд* (с. д.) «обитать, находиться, жить» образован при помощи корня имени пространства и указательного местоимения *hу*.

---

[20] З. Н. Матвеев, Бохай (Из истории Восточной Азии VIII—X вв.), «Труды Дальневосточного гос. ун-та», Серия 6, № 8, Владивосток, 1929, стр. 11—12.

Компонент же *м* ~ *в* определяется как основообразующий суффикс со значением «обитать», «находиться», «жить». (Возможно, что этот компонент должен быть сопоставлен с нивхским же словом *во* ~ *wo* «селение».)

На неотдаленное местонахождение предмета в том или ином направлении указывают глаголы, отвечающие на вопрос *шагуд'* [21] «где лежит?»: *к'эгуд* «лежит недалеко вверх по течению реки»; *агуд'* «лежит недалеко вниз по течению реки»; *hэгуд'* «лежит недалеко на берегу или несколько дальше в глубь побережья» (можно сказать, находясь на воде в лодке или стоя на берегу возле самой воды); *qогуд'* «лежит неподалеку на склоне горы или на берегу» (можно сказать, находясь на вершине горы или далеко от береговой полосы); *тугуд'* «лежит возле говорящего» (до предмета можно дотронуться рукой); *hугуд'*, *кунгуд'* «лежит там невдалеке» (при этом надо указать рукой или движением головы, где именно).

На неотдаленное местонахождение предмета в том или ином направлении указывают также глаголы, отвечающие на вопрос *шад'ид'?* [22] «куда положить?» *к'эд'ид'* «положить неподалеку вверх по течению реки», *ад'ид'* «положить неподалеку вниз по течению реки», *hэд'ид'* «положить недалеко на берегу или несколько дальше в глубь побережья» (можно сказать, находясь на воде в лодке или стоя на берегу возле самой воды); *qод'ид'* «положить недалеко на склоне горы или на берегу» (можно сказать, находясь на вершине горы или далеко от береговой полосы); *туд'ид'* «положить возле себя»; *hуд'ид'*, *hунд'ид'* «положить там невдалеке» (при этом жестом указать, где именно) [23].

Целый ряд глаголов, образованных от основ *хэми*, *jами* и т. д., служит для выражения пространственной ориентированности передних частей предметов: *хэмид'* «быть обращенным лицом, мордой, либо передней частью, концом (если речь идет о предмете) вверх по течению реки»; *jамид'* «быть обращенным теми же частями вниз по течению реки»; *jэмид'* «быть обращенным теми же частями от водного пространства к берегу или от берега в глубь суши»; *Ʋомид'* «быть обращенным теми же частями сверху (с горы, с дерева, с крыши) вниз либо с суши по направлению к береговой полосе»; *химид'* «быть обращенным теми же частями ввысь»; *шамид'* «быть обращенным теми же частями с берега в глубь водного пространства».

Однако наиболее примечательной представляется нам группа глаголов, образованная посредством суффикса *-т'и* ~ *-т'* от щелевых вариантов рассматриваемых корней. Эти глаголы указывают на производимое людьми перемещение предмета в том или ином пространственном направлении: *хит'ид'* «поднять, протянуть, подать предмет вверх»; *Ʋот'т'* «опустить, спустить (снять) предмет сверху вниз; столкнуть лодку с берега в воду»; *jэт'т'* «вытащить лодку (*му-hэт'т'*) или невод из воды на берег; снять с очага котел или чайник; вытащить из котла вареную рыбу»; *хэт'т'* «перенести, перетащить предмет от дверей к задней стене в жилище» (*наʋдоχ хэт'jа* «на нары перенеси», где *наχ* «нары»); *шат'т'* «выбрасывать в море головы убитых нерп (*т'онр-т'ат'т'*) с магической целью их будущего предполагаемого возрождения».

От корня имени пространства *а*, указывающего на направление вниз по течению реки, по-видимому, образовано слово *jат'нд*, записанное нами в сахалинском диалекте в значении «передавать что-либо в лодке с ее носа на корму» (*мыχух мэн'-ат'р ихмд* «[он] передал рулевое весло с носа лодки [на корму]»; *мых* «нос лодки», *мэн'* «рулевое весло», *-ат'р* — деепричастие глагола *jат'нд*, *ихмд* «передать что-либо кому-либо»).

---

[21] Компонент *гуд'* образовался из глагола *худ'* «лежать в чем-нибудь, где-нибудь».

[22] Компонент *д'ид'* образовался из глагола *сид'* «класть что-либо во что-нибудь».

[23] Корни имен пространства некогда оформлялись сонантом *м* перед губными согласными, *н* — перед переднеязычными согласными, *нг* — перед заднеязычными согласными и гласными. Сказанное относится также ко всем местоименным и глагольным корням и основам, имевшим в качестве окончания показатель *-д'* (а. д.) ~ *-д*, *-нд* (с. д.). Доказательства этого положения вместе с анализом функции этих сонантов будут представлены особо.

Пространственная направленность указанных глаголов позволяет приблизиться к пониманию природы своеобразных переходных глаголов нивхского языка с направленностью действия в отношении места и лица. Такие переходные глаголы, например *сид'* «класть что-либо во что-нибудь», *имγд'* «дать что-либо кому-нибудь» и др., требуют в нивхском языке инкорпорирования того объекта, который в русском выступает как косвенный, а в нивхском выступает как прямое дополнение переходных глаголов движения и местонахождения. В связи с этим неоднородное с указанным прямое дополнение отделяется от переходного глагола первым дополнением и выступает поэтому в роли отдельного неинкорпорированного члена предложения[24]: *н'и сид'* «я положил», *н'и сэта ӈир-ч'ид'* «я сахар положил в чашку» (*сэта* «сахар», *ӈир* «чашка»); *н'и сэта hур-ч'ид'* «я сахар туда в какое-то место положил». Имена пространства на *-р*, в особенности отвлеченное *hур* «там», инкорпорируются в нивхском языке переходными глаголами, указывая на место в пространстве, где произошло действие.

Приведенные языковые факты знакомят нас с поразительно конкретной и своеобразной ориентацией нивхов в пространстве. Изучая эту ориентацию, можно понять, почему в нивхском языке не развились порядковые числительные. Когда нивху необходимо сказать «третий дом», он сперва определяет, в каком месте селения расположен данный дом, а затем уже говорит *к'эдрыхп'и-дыф* (или *адрыхп'и-дыф*) *т'ыj jэрдп'и-дыф т'ыj jэрдп'и-дыф* «дом, находящийся в стороне, простирающейся вверх по течению реки (или: дом, находящийся в стороне, простирающейся вниз по течению реки), еще находящийся за ним дом, еще находящийся за ним дом». Обозначая первую собаку в упряжке, говорят *нуγис* «передовик» (*нуγид'* «передний»), для обозначения первой пары весел и первого гребца в лодке применяют слово *ӈытывд'* и т. д. (Начало формирования абстрактных порядковых числительных обнаружено только в сахалинском диалекте).

Степень конкретности пространственных представлений, выраженная в языке нивхов, можно еще раз проиллюстрировать такими примерами. Если нивху нужно сказать, что какой-либо предмет лежит позади жилища, то, в зависимости от местонахождения говорящего, он скажет: *тыфhэдр-к'уд'* «за жилищем в направлении леса лежит» (если говорящий находится на берегу); *тыфдодр-к'уд'* «за жилищем в направлении берега лежит» (если говорящий находится далеко от береговой полосы, ближе к лесу или горе); *тыфк'эдр-к'уд'* «за жилищем вверх по течению лежит» (если говорящий находится в месте, расположенном по течению реки ниже жилища); *тывадр-к'уд'* «за жилищем в направлении вниз по течению реки лежит» (если говорящий находится в месте, расположенном по течению реки выше жилища). Если предмет находится по эту сторону мыса, то говорящий скажет *к'шытукр-к'уд'* (буквально: «мыс + место ближе его + лежать»); если же предмет находится по ту сторону мыса, то он скажет *к'шыhукр-к'уд'* (буквально: «мыс + место дальше его + лежать»).

Необходимо отметить, что из корней имен пространства *ту* и *hу* являются также корнями указательных местоимений. Указательными местоимениями в нивхском языке обозначаются четыре степени пространственного положения предмета: *туд* (с. д.); ~ *тыд'* (а.д.) «этот» (очень близкий, которого можно коснуться рукой или взять в руку); *hуд* (с.д.) ~*hыд'* (а.д.) «тот» (немного более отдаленный, которого нельзя коснуться рукой, и поэтому на него указывают жестом); *ад'* «тот» (еще более отдаленный, на который указывают жестом); *аэд'* «тот» (самый далекий, на который указывают рукой). От этих местоимений в свою очередь образуются различные формы указательных местоимений, употребляемых тогда, когда человеку указывают на предмет, который тот почему-либо не может

[24] См. об этом: К. А. Новикова и В. Н. Савельева, [К вопросу о языках коренных народностей Сахалина, «Уч. зап. [ЛГУ]», № 157. Фак-т народов Севера, вып. 2, 1953, стр. 101—103.

Имена пространственной ориентации

	Падежи[1]	Вопросительные	Неуказательные						Указательные			
Определенные	1-й	*шар*	*к'эр*	*ар*	*hэр*	*qор*	*к'ир*	*т'ар*	*тур*	*hур*	*ар*	*а̄эр*
	2-й	*шаг*	*к'эг*	*аг*	*hэг*	*qог*	*к'иг*	*т'аг*	*туг*	*hуг*	*аг*	*а̄эг*
	3-й	[*шагэ*]	*к'эгэ*	*агэ*	*hэгэ*	*qогэ*	*к'игэ*	*т'агэ*	*тугэ*	*hугэ*	[*агэ*]	—
	4-й	*шаjн*	*к'эjн*	*аjн*	*hэjн*	*qоjн*	*к'иjн*	*т'аjн*	*туjн*	*hуjн*	*аjн*	—
	5-й	*шатχ*	*к'этχ*	*атχ*	*hэтχ*	*qотχ*	*к'итχ*	*т'атχ*	*тутχ*	*hутχ*	*атχ*	*а̄этχ*
Менее определенные	1-й	*шакр*	*к'эqр*	*аqр*	*hэqр*	*qоqр*	*к'икр*	*т'аqр*	*тукр*	*hукр*	*акр*	—
	2-й	*шакрух*	*к'эqрух*	*аqрух*	*hэqрух*	*qоqрух*	*к'икрух*	*т'аqрух*	*тукрух*	*hукрух*	*акрух*	—
	3-й	[*шакруγэ*]	*к'эqруγэ*	*аqруγэ*	*hэqруγэ*	*qоqруγэ*	*к'икруγэ*	*т'аqруγэ*	*тукруγэ*	*hукруγэ*	*акруγэ*	
	4-й	*шакруjн*	*к'эqруjн*	*аqруjн*	*hэqруjн*	*qоqруjн*	*к'икруjн*	*т'аqруjн*	*тукруjн*	*hукруjн*	*акруjн*	
	5-й	*шакртоχ*	*к'эqртоχ*	*аqртоχ*	*hэqртоχ*	*qоqртоχ*	*к'икртоχ*	*т'аqртоχ*	*тукртоχ*	*hукртоχ*	*акртоχ*	

[1] Падежи обозначены: 1-й — основ о й, 2-й — местно-исходный, 3-й — местно-исходный неопределенный, 4-й — местный, 5-й — направительный.

обнаружить: *шанинґа?* «где это?», *тынни* «вот это», *hынни* «вот то», *аhынни* «вот то (далекое)», *аэhынни* «вон то (самое далекое)»[25].

На основании изложенного можно убедиться в том, что в указательных местоимениях обозначение близости и отдаленности предмета выражается корневыми морфемами, а не аффиксальными (как это имеет место в именах пространства — ср. значение аффиксов *-р* и *-qр/-кр*).

Близость предмета, непосредственно осязаемая, и близость, несколько более отдаленная, выражаются теми же самыми корневыми элементами *т*, *h* и в определительных местоимениях: *тунґкс* (с.д.) ~ *тунґс* (а.д.) «столько» (это количество можно взять в руки или прикоснуться к нему); *hунґкс* (с.д.) ~ *hунґс* (а.д.) «столько» (на это количество уже нужно указать рукой); *тымт'ид* (с. д.) ~ *тоВад'* (а.д.): 1) «такой»; 2) «так поступать»; *hымт'ид* (с. д.)~*hоВад'* (а.д.): 1) «такой»; 2) «так поступать». В сахалинском диалекте наряду с *тымт'ид* и *hымт'ид* встречаются еще параллельно существующие формы определительных местоимений *тымрад* «такой» и *hымрад* «такой», которыми, по-видимому, выражается более отвлеченный оттенок значения[26].

Примечательно, что на основе определительных местоимений *hоВад'*, *hымт'ид*, образованных от корневого элемента *h* и выражающих идею некоторой отдаленности, в нивхском языке, в особенности в сахалинском диалекте, развились слова с отвлеченным глагольным и особенно отвлеченным наречным и союзным значением, для точного перевода которых на русский язык мы еще не нашли соответствующих эквивалентов. Наличие таких вторичных образований показывает, что среди слов, выражающих конкретные представления пространственной близости и отдаленности, последние легче абстрагируются и используются для выражения различных отвлеченных представлений.

Для того чтобы полнее осветить вопросы, связанные с выражением пространственной ориентации в нивхском языке и его ролью в развитии не только лексики, но и некоторых грамматических форм этого языка, следовало бы дать описание и анализ пространственных падежей и послелогов, а заодно и глагольных форм, в образовании которых принимает участие суффикс направительного падежа (например, последний для выражения значения цели присоединяется к форме будущего места действия *-ныфтоχ*); однако выполнить эту задачу в пределах одной статьи не представляется возможным.

При недостаточной изученности роли слов и форм, выражающих пространственные представления, в развитии способов выражения обстоятельства действия, причины, цели и др. мы полагаем, что приведенные факты в силу их исключительного своеобразия представят большой интерес для языковедов.

---

[25] Корневые элементы указательных местоимений могут присоединяться и к именам существительным: *тыланґр* «эта (самая ближняя) нерпа», *hыланґр* «нерпа, расположенная немного дальше», *аланґр* «нерпа, расположенная еще дальше», *аэланґр* «наиболее отдаленная нерпа».

[26] По своему образованию все определительные местоимения являются сложными: первый элемент, состоящий из согласного *т* или *h* в сочетании с гласным, совпадает с корневыми элементами указательных местоимений; второй же элемент, различный в разных диалектах, требует специального изучения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. И. АБАЕВ

Н. Я. МАРР (1864—1934). К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ *

Марр ... Без сомнения, если не самое знаменитое, то самое «шумное» имя в истории советской науки. Какие страсти кипели еще недавно вокруг этого имени! Какие бурные велись дебаты! Какие противоречивые высказывались суждения и оценки — от «гения» до «сумасшедшего»! Прошло уже 25 лет со дня смерти этого удивительного человека и поэтому следует вспомнить о нем: тем, кто его знал, сказать о нем для тех, кто его не знал.

Известно, что для исторически правильной оценки того или иного деятеля, будь то политик или поэт, ученый или художник, философ или путешественник, нужна перспектива времени. Кто бывал в горах, тот хорошо знает, что для того чтобы оценить их относительную высоту, надо отойти от них на почтительное расстояние. Вблизи все пропорции искажаются: захудалая горка может показаться грандиозной и подавляющей, а царственные вершины — посредственными и незначительными. Только когда смотришь с далекого расстояния, все становится на свое место — и горы-пигмеи, и горы-гиганты. С людьми дело обстоит так же, как с горами. Только здесь помогает не удаление в пространстве, а удаление во времени. Быть может, для Марра это удаление и сейчас еще недостаточное. Хотя и прошло уже 25 лет, эти годы не были и не могли быть годами спокойного изучения и объективной оценки его научного наследия. Первые 15 лет имело место искусственное раздувание его авторитета и полуадминистративное насаждение его теорий с целью создания им монопольного положения в нашей науке. В последующие годы — после дискуссии 1950 г. — ударились в другую крайность: начисто вычеркнули Марра, точно его и не существовало.

Участники минувших схваток не вполне оправились от полученных травм и все еще, время от времени, восклицают подобно гейневскому гренадеру: «Wie brennt meine alte Wunde!». Для того чтобы посмотреть на события столь недавнего прошлого с высоты птичьего полета, нужна более значительная доля «олимпизма», чем та, которая отпущена простому смертному. Все же вспомнить о Марре и его научном пути необходимо — пусть и без должного «олимпизма». Забывать свое прошлое не следует, хотя бы для того, чтобы лучше понять и извлечь необходимые уроки для настоящего.

*

Николай Яковлевич Марр родился в 1864 г. в г. Кутаиси в Западной Грузии. Отец его Яков Марр был родом шотландец, мать — грузинка. Среднее образование Н. Я. Марр получил в Кутаисской классической гимназии, которую окончил с золотой медалью. В аттестате зрелости особо были отмечены его «отличные способности к языкознанию».

* В связи с 25-летием со дня смерти известного советского ученого акад. Н. Я. Марра редакция журнала обратилась к В. И. Абаеву с просьбой изложить свой взгляд а деятельность и жизнь Н. Я. Марра.— *Ред.*

В 1884 г. Н. Я. Марр поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. Круг его научных интересов был с самого начала очень широк. Он усердно занимался грузинским, армянским, семитическими и иранскими языками. Непосредственной его целью на первых порах было изучение языка и культуры родного ему грузинского народа. Но атмосфера восточного факультета с его исключительно широким в то время ориенталистским профилем и многосторонними интересами толкала на расширение исследовательских горизонтов. Да и сам Марр был не такого склада человек, чтобы долго довольствоваться узко грузинской проблематикой. Рамки Грузии вскоре оказались тесны для Марра. Его научная биография — неутомимое и жадное расширение материала и проблематики исследовательской работы. Грузинский язык, армяно-грузинская филология, яфетическое языкознание, учение о языке «в мировом масштабе» — таковы основные этапы этой неудержимой научной экспансии.

Окончив блестяще курс, Н. Я. Марр остался при университете ввиду вполне определившегося призвания к исследовательской работе. Осенью 1891 г. он был утвержден приват-доцентом. С тех пор и до последних дней, т. е. свыше 40 лет, продолжалась преподавательская деятельность Марра в Петербургском (*потом Петроградском, потом Ленинградском*) университете.

Конец XIX в. и начало XX в. — замечательные страницы в истории русского востоковедения. В Петербурге расцвела в этот период ориенталистическая школа мирового значения, представленная целой плеядой выдающихся ученых: тюрколог В. В. Радлов, арабист В. Р. Розен, индологи С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской, иранисты К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, востоковед исключительно широкого диапазона В. В. Бартольд, семитолог П. К. Коковцов, египтолог Б. А. Тураев; позднее, со второго десятилетия XX в. — китаист В. М. Алексеев, арабист И. Ю. Крачковский, монголист Б. Я. Владимирцов. Это была своего рода «могучая кучка» русского востоковедения. Они все были очень разные по творческой индивидуальности, по характеру и темпераменту. Но было у них и нечто общее: широта научного кругозора, необъятная эрудиция, превосходное владение первоисточниками. Каждый из них представлял такую глыбу знаний, какая редко повторяется дважды.

В этом славном созвездии Марр засиял звездой первой величины. Выполненные им исследования и издания грузинских и армянских памятников[1] были признаны образцовыми.

Н. Я. Марр создал, в сущности, новую отрасль кавказоведения: армяно-грузинскую филологию, понимаемую не как простая сумма армянской и грузинской филологии, а как единая дисциплина, основанная на цельной исторической концепции об исконном культурном единстве и непрерывном взаимодействии двух древних христианских народов Закавказья. Прав Г. Фогт, когда он пишет: «Если Броссе справедливо считается основателем армяно-грузинской филологии, то именно Марр поднял ее на уровень филологии классической»[2].

В январе 1909 г. Марр был избран в Академию наук. Выдвинувшие его кандидатуру академики, в числе их С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман, В. В. Радлов, В. В. Латышев, П.К. Коковцов, в своей записке характеризовали Марра как новатора в области армяно-грузинской филологии. «Следует считать одной из крупнейших научных заслуг Н. Я. Мар-

[1] См. Н. Марр, Сборники притч Вардана. Материалы к истории средневековой армянской литературы, СПб., ч. I — Исследование, 1899, ч. II — Текст, 1894, ч. III — Приложения, 1894; «Ипполит, Толкование песни песней. Исследовал, перевел и издал Н. Марр», СПб., 1901 («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. III); «Георгий Мерчул, Житие св. Григория Хандзтийского. Введение, издание, перевод Н. Марра», СПб., 1911.

[2] H. Vogt, La parenté des langues caucasiques, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», bd. XII, Oslo, 1942, стр. 257.

ра, что он своими работами сделал невозможным признание в области армяно- и грузиноведения научного значения за работами старого типа»[3]. Высокую оценку получили также проводившиеся Марром археологические раскопки в древней столице Армении — Ани, давшие «поразительные по богатству материалы». Гораздо более сдержанно — всего в паре строк — характеризовались лингвистические работы Марра: его «Грамматика древнеармянского языка» (СПб., 1903) и «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка (с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими)» (СПб., 1908).

Теория о родстве грузинского языка с семитическими, которую Н. Я. Марр упорно вынашивал еще со студенческих лет, оказалась мертворожденным младенцем. Никакого развития и применения она не получила ни в грузинском, ни в семитическом языкознании. Между тем научные интересы самого Марра все более перемещались именно в сторону лингвистики. Работы его в этой области с самого начала были очень неровными. Наряду с бесспорными достоинствами и прочными завоеваниями были досадные срывы и неудачи.

Весьма плодотворными были исследования Н. Я. Марра о скрещенном характере армянского языка (серия «Яфетические элементы в языках Армении»[4] и другие статьи). Марр устанавливает, «что в армянском языке мы не имеем чистого, точнее — ц е л ь н о г о представителя индоевропейской семьи языков», что в нем «имеется слой, противоборствующий арийскому, иногда перевешивающий его» и что «этот коренной слой... есть пережиток языка первоначальных жителей Армении»[5]. Хотя многие этимологии армянских слов, предложенные Марром, несомненно, ошибочны (*arc'at* «серебро», *margarey* «пророк», *beran* «рот» и др.), основной его вывод, что армянский язык формировался на мощном неиндоевропейском субстрате, полностью сохраняет и сейчас свое значение, несмотря на ряд попыток его оспорить.

Теория субстрата и скрещения целиком оправдала себя и в применении к некоторым другим языкам Кавказа, например к сванскому, осетинскому. Разумеется, не Марр был создателем теории субстрата. Эту заслугу следует приписать скорее всего итальянскому лингвисту Г. Асколи (1829—1907). Г. Шухардт, П. Кречмер, А. Мейе, Г. Гирт, Ю. Покорный и др. в широких размерах допускали влияние субстрата и смешения на образование тех или иных индоевропейских языков. Но в лингвистических концепциях Марра языковое «скрещение» играет особенно важную роль как своего рода универсальный глоттогонический принцип. Поэтому в известной степени прав Г. Аренс, автор новейшей истории языкознания, когда учение Марра он излагает в разделе «Substratforschung»[6].

Однако самая универсализация идеи языкового скрещения таила в себе опасность, которая не замедлила вскоре обнаружиться. Когда Н. Я. Марр восстал против односторонней трактовки армянского языка в аспекте только его индоевропейской природы, он был во всеоружии фактов — многочисленных, точных и, в большинстве, доказательных. Но постепенно выискивание яфетических элементов во всех языках обра-

---

[3] См. «Известия имп. Акад. наук», Серия VI, № 11, 1909, стр. 722.

[4] Н. Я. М а р р, Яфетические элементы в языках Армении, I — «Изв. имп. Акад. наук», Серия VI, № 2, 1911; II — там же, № 6, 1911; III — там же, № 8, 1912; IV — там же, № 13, 1912; V — там же, № 3, 1913; VI — там же, № 9, 1913; VII — там же, № 5, 1914; VIII — там же, № 16, 1914; IX — там же, № 4, 1916; X — там же, № 6, 1918; XI — там же, № 8, 1919.

[5] Н. М а р р, К вопросу о ближайшем сродстве армянского языка с иверским, ЗВО РАО, т. XIX, вып. 1, 1909, стр. 69. Впервые эту мысль Марр высказал еще в 1899 г. во вступительной речи на защите магистерской диссертации: «В армянском языке вскрывается коренной слой, роднящий его с соседним грузинским языком»

[6] H. A r e n s, Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart, München, 1955, стр. 413—422.

щается у Марра в своеобразную манию. «Яфетизмы» в германских языках, в албанском, греческом, латинском, чувашском, русском, украинском... Знание Марром всех этих языков, их истории и сравнительной грамматики не было и не могло быть таким же совершенным, как знание армянского или грузинского. Поэтому привлекаемый им скудный и случайный языковой материал подвергался произвольным манипуляциям, свободным от какого-либо научного лингвистического метода. Здесь уже не теория вырастала из фактов, а факты произвольно подгонялись под облюбованную теорию. Путь, пройденный от «яфетических элементов в языках Армении» к «яфетическим элементам в языках всего мира», — это путь постепенного отхода от точных лингвистических методов.

Трудно установить, в каком именно году, начиная с какой работы появились у Марра элементы того, что А. Мейе назвал «авантюризмом». Но уже в известной работе (прочитанной в качестве доклада в 1919 г.) «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (Лейпциг, 1920) поражает диспропорция между обширностью и ответственностью делаемых выводов и скудостью и недоказательностью привлекаемого материала.

Следует также иметь в виду, что методы сравнительно-лингвистического анализа у Марра никогда не были удовлетворительными и изобличали отсутствие настоящей школы в этой отрасли его интересов. Это сказывалось прежде всего в слишком свободном оперировании звуковыми переходами. Еще по поводу теории о родстве грузинского языка с семитическими акад. К. Г. Залеман говорил Марру: «у Вас все звуки переходят во все звуки». Неточные методы лингвистического сравнения не могли привести к точным и надежным результатам. Именно поэтому провозглашенное Марром «яфетическое языкознание» не стало подлинно научной дисциплиной, которую можно было бы поставить рядом с индоевропейским языкознанием, семитическим или урало-алтайским языкознанием. Марру не удалось научно доказать ни одного из двух основных положений: ни того, что языки, которые он объединял под названием «яфетических», действительно находятся в родстве между собой, ни того, что во множестве языков Европы и Азии действительно имеются отложения этой «яфетической речи». Ни объем, ни содержание понятия «яфетические языки» не получили у Марра четкого определения.

Вопрос о природе и родственных связях коренных языков Кавказа не впервые поставлен Марром. Этот вопрос занимал еще Ф. Боппа. Высказывались догадки о родстве этих языков с баскским и с некоторыми древними языками Передней Азии: урартским, эламским, шумерским, хурритским, протохаттским и др. Но сейчас мы далеки еще от решения этого вопроса. Не видно пока даже наметок, эскиза сравнительной грамматики этих языков. Больше того, родство самих кавказских языков между собой, т. е. южных (картвельских) с северными и северо-восточных (дагестано-вейнахских) с северо-западными (абхазо-адыгскими) нуждается в тщательном сравнительно-фонетическом, морфологическом, лексикологическом обосновании. Марр не продвинул существенным образом решения этих проблем.

Наклеивая на те или иные языки ярлык «яфетических», он руководствовался не какими-нибудь ясно осознанными и четко сформулированными лингвистическими признаками, а (по его собственному выражению) принципом — «что плохо лежит», т. е. что не отнесено ни к одной из известных языковых семей. Но этот по сути дела негативный принцип не имеет ничего общего с научно-лингвистическим определением генетических связей языка. Впечатление слабой аргументированности и произвольности от построений Марра все более возрастает, по мере того как ученый все дальше отходит от той области, где он был суверенным хозяином: грузинской и армянской филологии. Если там все строилось на фактическом материале, то с течением времени мы все меньше видим упря-

мых фактов и все больше — упрямого автора. Неудивительно, что исследователи, которые одновременно с Марром или после него занимались сравнительным изучением кавказских («иберийско-кавказских») языков, не могли опереться в работах Марра на что-либо прочное и солидное, кроме, может быть, отдельных удачных лексико-семантических сопоставлений. Работы таких зарубежных кавказоведов-компаративистов, как Г. Детерс, Н. С. Трубецкой, Ж. Дюмезиль, А. Соммерфельдт, Р. Лафон и др., а также советских кавказоведов дали много ценного, но это ценное было добыто не в русле построений Марра, а в стороне и независимо от них.

Между тем самого Н. Я. Марра внутренняя логика его «яфетидологических» спекуляций увлекала все дальше в сторону общелингвистических проблем. Здесь мы вступаем в последний и поистине драматический этап научной биографии Марра — в полосу превращения «яфетического языкознания» в «яфетическую теорию», или «новое учение о языке». Яфетическая теория не была естественным, логическим развитием яфетического языкознания предшествующего этапа. Она была скорее форсированной попыткой выбраться из лабиринта «яфетических элементов» на широкий простор общелингвистических концепций с использованием некоторых слишком упрощенно понятых положений марксизма.

Мы уже говорили о той опасности, какую таила в себе универсализация «яфетического субстрата». Пока «яфетическое языкознание» было прикреплено к Кавказу как к своей исторической и материальной базе, была возможна конкретно историческая и этнологическая интерпретация лингвистических фактов. Действительно, в этот период понятия языка и этноса у Марра тесно связаны. Он постоянно говорит не только о яфетических языках, но и о яфетических племенах, их передвижениях и пр. По мере того как яфетические элементы «вскрывались» все в большем количестве языков на самых различных и отдаленных друг от друга территориях, под конец — на всех континентах, историческое и этнологическое истолкование этих «элементов» становилось все труднее, так как пришлось бы допускать такие миграции этнических масс, которые лежат за пределами исторического вероятия.

Так созревала новая концепция, согласно которой яфетические языки — это не особая этнически и генетически характеризованная группа или семья, а особое состояние, особый этап, или стадия, в развитии всех языков. Через эту стадию прошли будто бы языки, которые ныне известны нам как индоевропейские, семитические, урало-алтайские и др. Эта идея стала зерном «нового учения о языке». Не будет поэтому ошибкой сказать, что «новое учение» родилось как попытка выхода из непреодолимых трудностей, с которыми столкнулось «яфетическое языкознание» предшествующего периода.

Превращение яфетического языкознания в общее учение о языке было постепенным. Но все же 1924 г. можно считать тем рубежом, начиная с которого Н. Я. Марр все решительнее выступает не как специалист по определенной группе языков, а как лингвист-теоретик, претендующий на построение цельной концепции теории и истории языка. Еще в 1923 г. Марр мирился с выходом в немецком переводе своей работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент...», где «яфетическое» мыслится пока как этническое, а не стадиальное[7].

Элементы, из которых складывалось «новое учение о языке», были разнородны и во многом противоречивы. Некоторые идеи были унаследованы от предшествующих этапов лингвистических изысканий Марра. Такова была идея об исключительной роли скрещения в истории языков. Через всю научную биографию Марра, начиная со студенческих лет,

[7] N. Marr, Der japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, Berlin — Stuttgart — Leipzig, 1923.

проходит еще одна сквозная тема: критика так называемого «индоевропеизма». Эта тема полностью сохранила свое значение и в «новом учении». Но теперь она приняла иной, более общий и принципиальный характер. Если раньше «индоевропеистика» обвинялась в том, что она неверно освещает историю одного конкретного языка, именно армянского, то теперь в вину ей ставилось то, что она дает неправильное представление об истории языков вообще.

Главной мишенью нападок Н. Я. Марра стал «праязык», т. е. возведение родственных языков к одному первоначальному языку, результатом дифференциации которого они, предполагается, являются. По Марру, родство между языками возникает в процессе схождения, сближения и смешения первоначально разнородных языков. Общий закон развития языков — не от единства к множеству, а от множества к единству.

Мы не будем вдаваться в оценку позиции Марра в этом вопросе. Нам представляется, что концепция праязыка, или языка-основы, будучи неоспоримой для таких групп, как романские языки, славянские, иранские, индо-арийские, сохраняет свое значение и для более крупных объединений, как индоевропейская семья, семитическая, тюркская, угро-финская и др. Следует, однако, отметить, что критическое отношение к теории праязыка проявлял уже И. А. Бодуэн де-Куртене, ведущий представитель теоретического языкознания в Петербургском университете.

Как бы то ни было, в критике Марром «индоевропеистики» было на первых порах определенное здоровое зерно, роднящее его с таким корифеем лингвистического «диссидентства», как Г. Шухардт. Но постепенно эта критика становилась все более поверхностной, демагогичной, ненаучной. Роковую роль сыграло здесь то, что Марр, как правильно заметил И. В. Сталин, желая стать марксистом, в действительности не стал им. Механически перенося в область языка и языкознания понятия классов, классовой борьбы и пр., он стал огульно клеймить сравнительно-историческое языкознание как «буржуазное», «расистское», «колониалистское» и т. п. При этом он все меньше утруждал себя доказательствами и все больше переходил на декларативный стиль. В этом отношении характерна статья «Индоевропейские языки Средиземноморья» (1924), где Марр всерьез воюет против совершенно вздорной теории, будто индоевропейская семья — «расово отличная», и заявляет, что эта семья языков «типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий[8]. А ведь эта пустая декларация, в которой нет ни одного аргументированного положения, некоторыми последователями Марра усиленно рекламировалась как статья, произведшая переворот в науке и открывшая какую-то новую эру![9]

Справедливости ради следует сказать, что в рекламировании марровских теорий как марксистских меньше всего повинен сам Марр. В этом усердствовали главным образом некоторые люди из его окружения. Марр не избежал участи многих больших ученых, которые бывают окружены посредственностями, использующими авторитет и влияние ученого в интересах своей маленькой «карьеры». Они наклеивали на Н. Я. Марра ярлык «стихийного марксиста» и всячески толкали его на то, чтобы он вел себя сообразно этому ярлыку. Никто так не повредил Марру, как именно подобные люди. Они подхватывали и возводили в догму его любое, часто непродуманное и научно не доказанное положение, объявляли такое положение марксистским и на этом основании требовали безоговорочного признания последнего. Именно эти «марксисты» несут

[8] Н. Я. Марр, Избр. работы, т. I, Л., 1933, стр. 185.

[9] Так, В. А. Миханкова утверждала, будто статья «Индоевропейские языки Средиземноморья» «совершенно перевернула науку о языке» (В. А. Миханкова, *Н. Я. Марр. Очерк его жизни и научной деятельности*, 3-е изд., М.—Л., 1949, стр. 340).

главную ответственность за тот недопустимый в науке режим подавления инакомыслящих, который составляет темную страницу «марровского» периода нашего языкознания.

Нет ничего легче, чем показать несостоятельность лингвистических построений и методов Марра в последний период его деятельности; но в то же время было бы неправильно и стать на путь огульного зачеркивания всего, что им было за это время сделано. Прежде всего следует различать две вещи: постановку проблем, с одной стороны, и методы их разрешения, с другой. В постановке проблем Марр обладал поразительно верным чутьем большого ученого, тронутого дыханием революционной эпохи. Наследие Марра принято расчленять на филологическое, лингвистическое и археологическое. Но глубочайшая сущность этого ученого состояла в том, что он не был, строго говоря, ни филологом, ни лингвистом, ни археологом, а был прежде всего историком культуры в самом полном и широком значении этого слова. В этом были его сила и превосходство. Отсюда характерная для него на протяжении всей жизни способность всякий частный вопрос — лингвистический, филологический, археологический — ставить широко, комплексно, в контексте всей культурной истории народа. Эта способность, счастливо оплодотворенная новыми идеями советского времени, и была источником безошибочного чутья в постановке действительно больших, действительно важных для советской науки проблем. Именно здесь, нам кажется, разгадка той популярности, которую снискал Марр среди широких кругов советской интеллигенции. Никак нельзя согласиться, что эта популярность — исключительно результат полуадминистративного давления его сподвижников. В слабости лингвистических методов и приемов Марра не все могли разобраться, но все чувствовали, что вопросы, которые он ставит — о языке и мышлении, о происхождении языка, о связи языка с историей и др. — действительно важнейшие, фундаментальнейшие вопросы советского языкознания.

Н. Я. Марр был тем, что называют «беспокойное сердце». Он находился в постоянном творческом горении, в неутомимых исканиях, был щедрым и неистощимым сеятелем идей. Думаю, что именно это обстоятельство в соединении с огромной эрудицией, широтой кругозора и разнообразием научных интересов влекло к нему людей и сделало его центром притяжения для многих, не только начинающих научных работников, но и зрелых ученых, не только языковедов, но и археологов, историков, этнологов, фольклористов — всех, кто, как и Марр, был заражен «бациллой» беспокойства, не довольствовался традиционными взглядами и догмами и верил, что для общественных наук, одной из которых является языкознание, открылась новая эра.

Полностью соответствовал духу советской науки и тот могучий заряд антиформализма, который несли в себе работы Марра. Отрыв формы от содержания, знака от значимого — это то, чего никогда не терпел Марр. Известно, что здесь он заходил нередко слишком далеко, пытаясь вскрыть «социальное» содержание заведомо формальных категорий. Но сейчас, когда одна из весьма влиятельных на западе лингвистических школ склонна вовсе выбросить понятие значения из языкознания, хочется подчеркнуть, что, выдвигая на первый план значение, Марр находился целиком в русле советского научного мировоззрения.

Если проблематика Марра и общее направление его исследовательских устремлений и отражали по-своему боевой дух и революционный размах советской эпохи, выдвигая языкознание на первое место в ряду наук о человеческой культуре, то мало отрадного может быть сказано о некоторых основных положениях созданного им «нового учения о языке» и в особенности о методах его обращения с лингвистическим материалом.

Краеугольным камнем «нового учения» стал, как известно, тезис,

что язык есть идеологическая надстройка. Так именно был осознан Марром факт познавательной функции языка, связи языка с мышлением; так было понято известное положение: «язык есть практическое действенное сознание». При этом далеко на второй план был отодвинут факт коммуникативной функции языка. К этому следует добавить, что и само понятие «идеологической надстройки» толковалось Марром весьма прямолинейно и упрощенно-социологически. Марр утверждал, что «язык во всем своем составе есть... отображение не только его [человеческого коллектива. — *В. А.*] мышления, но и его общественного строя и хозяйства»[10].

Из представления о языке как идеологической надстройке был сделан ряд выводов, на основании которых Н. Я. Марр выдвинул:

1. Учение о стадиальности. Раз язык на протяжении своего развития — от возникновения до нашего времени отражает смену хозяйственных и общественных форм, то в этом развитии также можно выявить смену одних типов или стадий другими. «...Так называемые семьи языков... представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преображалась в другую»[11].

2. Учение о единстве глоттогонического процесса. Поскольку в общественном развитии повсюду наблюдаются одни и те же закономерности, в силу которых на смену одним формациям приходят другие (первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный и т. д.), в развитии языка должно наблюдаться повсюду такое же закономерное чередование; иначе говоря, глоттогонический процесс — един.

3. Учение о классовости языка. Поскольку всякой идеологической надстройке присуща классовая сущность, язык, будучи такой надстройкой, также является классовым.

Все эти положения ошибочны в той мере, в какой они не считаются с двойственной природой и функцией языка: как орудия мысли и познания, с одной стороны, и как орудия коммуникации, с другой.

Утверждая классовость языка, Марр принял за основное то, что на деле является весьма второстепенным: известные отражения в языке классовых отношений Марр принял не за то, чем они являются в действительности, т. е. не за особенность речевой практики в сфере социальных жаргонов, а за самое существо языка, за его природу.

Идея «стадиальности» имеет в себе на первый взгляд что-то притягательное. Мысль, что в развитии языка (language) должны быть некоторые общие закономерности, отражающие закономерности развития культуры и социальных институтов, кажется в основе своей правильной. Однако реальное распределение языков на земном шаре в прошлом и настоящем не подтверждает этой теоретически мыслимой картины. Сплошь и рядом мы видим, что народы, имеющие сходную культуру и сходный общественный строй, говорят на языках совсем разного типа, и обратно — сходные по типу языки принадлежат народам, находящимся на разных ступенях культурного и общественного развития. К давно известным фактам этого рода следует присоединить теперь картину распределения языков аборигенов американского континента. Говоря о значении американистики для общего языкознания, Э. Сепир особо подчеркивает, что изучение американских (индейских) языков не подтвердило тезиса о соотносимости языковых типов с культурными. При значительном единообразии типа культуры аборигенов американского континента наблюдается крайнее многообразие языковых (точнее — морфологических) типов. На материале американских языков Сепир приходит к выводу, что форма языка не зависит

[10] Н. Я. Марр, Избр. работы, т. II, Л., 1936, стр. 70.
[11] Там же, стр. 72.

от уровня культуры и общественного строя. Зато содержание языка, т. е. объем и характер выражаемых в нем понятий и отношений, может дать представление о бытии народа, его социальном уровне, его материальной и духовной культуре[12]. Но «содержание» языка — это прежде всего его лексико-семантическая система. Только здесь и можно говорить о каких-то стадиях. Сам Н. Я. Марр хорошо это сознавал и, хотя на словах отстаивал положение о надстроечной природе всего строя языка, на деле оперировал по преимуществу лексико-семантическими фактами. Много из того, что им сделано в этой области, сохранит свое значение, в особенности для картвельских и армянского языков. Составители этимологических словарей этих языков не пройдут мимо работ Марра, где наряду с сомнительными и фантастическими есть немало остроумнейших сопоставлений и разъяснений. В частности, своеобразие семантических связей на ранних этапах развития общества и языка подтверждается новейшими данными по австралийским и американским языкам. Мы не ошибемся, если скажем, что когда историко-сравнительная семасиология поднимется на уровень подлинной науки (сейчас об этом не приходится пока говорить), она придет — в той или иной форме — к идее стадиальности и признает правильность многого из того, что найдено Марром. Это касается в особенности того периода лексико-семантических изысканий Марра, когда он еще твердо держался почвы Кавказа и считался с фонетическими закономерностями конкретных языков.

Иной стала картина, когда Марр перешел на так называемый «элементный» анализ, т. е. когда он выдвинул положение о четырех первичных элементах языка — пресловутых *sal*, *ber*, *yon*, *roš*. Самая идея, что при возникновении звуковой речи первичных звуковых комплексов было ограниченное количество, не заключает ничего порочного. Такую идею можно понять и даже принять (разумеется, как гипотезу). Если на первых порах человеческие коллективы располагали не четырьмя даже, а всего лишь двумя дифференцированными и противопоставленными друг другу звуковыми комплексами, этого уже достаточно, чтобы говорить о зачатках звуковой речи. Устрашающим у Марра является не сама идея четырех элементов, а то, как он ими оперировал. Верить, что первичные звуковые комплексы дошли до нас через десятки тысячелетий и могут быть нами распознаны в каждом слове и служить основой всякого этимологического анализа — это такое забвение фактора времени, такая утрата исторической перспективы, которым трудно подыскать оправдание. «Элементный анализ» родился из страстного желания сразу, одним приемом перекинуть мост от начальных этапов речи до современности. Задача была нереальная, нереальным стал и результат. Историзм, за который ратовал Марр, обратился в «палеонтологическом» элементном анализе в свою противоположность — в антиисторизм.

Нельзя сказать, чтобы сам Н. Я. Марр не сознавал слабых сторон своих теорий. Он был своим самым беспощадным критиком и в последний период жизни не раз в печати и в частных беседах очень сурово, чтобы не сказать пессимистически, отзывался о созданном им «новом учении» и его перспективах. В предисловии к сборнику своих статей «По этапам развития яфетической теории» (М. — Л., 1926) он называет этот сборник «„букетом“ из павших листьев, уже завядших». Несчастье его было в том, что как объективные условия жизни и работы, так и личные особенности его научного темперамента не давали ему возможности спокойно и взыскательно разобраться в бурном потоке захвативших его идей и отделить в них подлинно научное, достоверное и прочное от сомнительного, легковесного и ненадежного.

В его научных построениях последнего периода синтез решительно

[12] См. E. Sapir, The relation of American linguistics to general linguistics, «Southwestern journal of anthropology», vol. 3, № 1, 1947, стр. 3 (The University of New Mexico Press).

преобладал над анализом, обобщения — над фактами. Но на одних обобщениях, без опоры на факты наука, по образному сравнению И. П. Павлова, так же не может воспарить, как не могла бы воспарить птица, если бы ее крылья не имели опоры в воздухе. Лихорадочная смена одних построений другими происходила у Марра не под натиском фактов, а в силу внутреннего самодвижения захвативших его идей. Такой путь мог привести только к научной катастрофе.

*

И все же при всех ошибках и увлечениях Н. Я. Марр остается одной из ярких фигур русской и советской науки. Не только филологические и археологические труды, ценность которых никто не оспаривает, но и увлечения периода «нового учения о языке» говорят о сильной и незаурядной научной индивидуальности. На всем протяжении своей научной деятельности он был прежде всего творческой натурой. Это качество приходится особенно ценить, потому что оно встречается среди дипломированных ученых не слишком часто.

Понять Н. Я. Марра периода «нового учения о языке» можно только в контексте революционной эпохи. Вся его деятельность в этот период вытекала из искреннего и горячего желания послужить на своем участке делу революционного преобразования жизни и науки. Его борьба с «индоевропеистикой», кажущаяся сейчас чем-то донкихотским, вдохновлялась правильной в своей основе мыслью, что советское теоретическое языкознание должно идти своим самостоятельным путем, а не быть бледной тенью зарубежных теорий, порожденных иной общественностью. Его претензии на учение о языке «в мировом масштабе» отражали по-своему мировой масштаб происходивших в СССР событий.

Н. Я. Марр принадлежал к тем лучшим представителям старой интеллигенции, которые с первых дней революции стояли лицом, а не спиной к ней. Он живо сознавал, что новая общественность, которая создается в России, требует влить новое содержание во все общественные науки, в том числе и в языкознание. Этой задаче он и отдался со всей энергией и страстностью своей натуры. К сожалению, на этом пути он допустил ряд серьезных ошибок.

Как же объяснить, что такой сильный интеллект мог стать жертвой грубых ошибок и заблуждений? Мозговую работу ученого можно представлять как постоянное сосуществование, функционирование и взаимодействие двух центров: одного, в котором рождаются идеи (творческий центр), и другого, в котором эти идеи подвергаются строгой критической проверке, контролю, селекции (центр торможения). Оба они одинаково важны и необходимы для настоящего ученого. Когда оба эти центра работают на высшем уровне, мы получаем ученых, открывающих новые пути в науке, как Дарвин, Маркс, Менделеев, Павлов.

Бывает, что творческий центр пребывает в немощном состоянии, и работает по преимуществу центр торможения. Тогда мы получаем тип ученого-крохобора, выпускающего труды, где не к чему придраться, но нечем и вдохновиться. Таких ученых часто хвалят за «осторожность». Но к концу их серой и скучной карьеры выясняется, что ничего, кроме этой «осторожности», у них за душой не было.

Марр был ученым диаметрально противоположного склада. Трагедия последнего периода его деятельности состояла в том, что творческий центр работал у него с силой постоянно действующего вулкана, а центр торможения все более ослабевал. Чем больше возрастал напор новых идей, рождавшихся в его мозгу, тем больше он утрачивал способность подвергать эти идеи критическому разбору. Вероятно, «осторожные» крохоборы, не совершающие ошибок, тоже нужны в науке, как нужен балласт для аэростата, слишком стремительно рвущегося ввысь. Но в перспективе времени мятежные творческие натуры, как Марр, со всеми их ошибками, займут более высокое место в истории науки.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРИЯ ИНФОРМАЦИИ И ЛИНГВИСТИКА

Речь как вероятностный процесс

В ряде вопросов лингвистики — и в особенности тогда, когда учет смыслового содержания человеческой речи был бы ненужным бременем, мешающим разумной постановке задачи (например, во многих вопросах передачи речи по каналам связи),— оказывается целесообразным подход к языку как к вероятностному процессу. Язык рассматривается при этом как цепь испытаний, могущих иметь в зависимости от случая разные исходы, причем вероятности отдельных исходов каждого испытания существенно зависят от исхода предшествующих испытаний.

Под «испытаниями» мы будем в основном понимать появления отдельных букв письменного текста; зависимость последовательных испытаний означает здесь, что *вероятности появления отдельных букв существенно зависят от предшествующих* (и последующих) букв. Так, вероятность появления гласной буквы возрастает, если предшествующая буква была согласной; после буквы *ч* никак не могут следовать буквы *ы*, *я* или *ю*, а скорее всего окажется буква *т* (слово *что*) или одна из гласных *и* и *е* и т. д. Под «испытаниями» можно понимать и определение последовательных слов, фонем, морфем и других лингвистических элементов письменной или устной речи.

Подобный подход к языку ведет свое начало от замечательного русского математика А. А. Маркова старшего. Он проиллюстрировал на примере языка разработанную им теорию вероятностных процессов специального типа, которые теперь называют марковскими процессами[1]. Особое значение такой подход приобрел в последние годы в связи со ставшими уже классическими исследованиями американского математика и инженера К. Шеннона[2], лежащими в основе большого научного направления, получившего название «теория информации». Основной заслугой Шеннона является указание на возможность строгого количественного подхода к вопросам, связанным со всевозможными процессами передачи, хранения и переработки информации, — весьма ценное для лингвистики обстоятельство, поскольку передача информации является основной функцией языка.

Заметим, что подход к речи как к вероятностному процессу требует знания вероятностей появления отдельных лингвистических элементов и их сочетаний. Эти вероятности могут быть определены статистически как частоты; так, например, под вероятностью буквы *а* мы будем понимать отношение числа повторений этой буквы в некотором тексте к общему числу букв текста. Такой подход требует строгой фиксации текста, статистические закономерности которого кладутся в основу теории; текст должен быть достаточно обширным («язык Пушкина», т. е. совокупность всех пушкинских текстов, или «русская газетная и журнальная речь XX в.»— совокупность всех текстов, напечатанных в XX в. в русских газетах и журналах, и т. д.). Мы в дальнейшем будем исходить из «среднего современного литературного языка», понимая под этим, что анализируемый текст состоит из всего напечатанного на данном языке за последние годы. При этом нет необходимости обрабатывать статистически весь этот текст; можно ограничиться небольшими (но разнообразными по характеру) и отбираемыми с использованием разумной статистической методики выборками из него. Любой отрывок напечатанного текста будет по своим статистическим закономерностям близок к «среднему языку». Разумеется, некоторые отклонения от него для специальных текстов возможны: так, например, средняя длина слова в научных текстах окажется больше «среднелитературной», так как научная терминология обычно состоит из длинных слов; очень редкая в русском языке буква *ф* будет чаще обычного встречаться в математической литературе из-за частого повторения слов *функция*, *дифференциал*, *коэффициент* и некоторых других.

---

[1] В своей книге «Исчисление вероятностей» (4-е изд., М., 1924) А. А. Марков подверг статистическому анализу два отрывка из «Евгения Онегина» и «Детских лет Багрова-внука».

[2] C. E. Shannon, W. Weaver, The mathematical theory of communication, Urbana, 1949. Неполный русский перевод см.: К. Шеннон, Статистическая теория передачи электрических сигналов, сб. «Теория передачи электрических сигналов при наличии помех», М., 1953.

От Шеннона идет и составление «моделей фраз», основанное на учете тех или иных статистических закономерностей языка. Так, выписывая ряд русских букв (к числу которых причисляется и «нулевая буква», означающая пробел между словами) «наудачу», или учитывая вероятности появления в тексте отдельных букв, сочетаний из двух букв, из трех букв и из четырех букв, можно прийти к таким, например, «фразам»:

Φ_0: оухеррохьдбщ яыхвщихйжтифвнарфенвщтфрпхгпчькизряс;

Φ_1: т цыяь оерв однг збя енвтша ьуемлолйк;

Φ_2: кая всванный рося ных ковкров;

Φ_3: покак постивленный пот дурноскака наконеппо зно стволовил;

Φ_4: весел вратьcя не сухом и непо и добре.

Здесь каждая следующая фраза ближе к осмысленному русскому тексту, чем предыдущая. Если в такой фразе учитываются вероятности n-буквенных сочетаний, где n больше средней длины слова в данном языке, то эта «фраза» будет состоять из слов данного языка; еще более осмысленной будет она, если n очень велико. Однако при любом n мы будем при разных опытах приходить к разным фразам. Это связано с тем, что статистические связи лишь отсекают противоречащие духу языка конструкции, но не закрепляют речь — они допускают еще множество различных вариантов, выбор которых и позволяет передать словами нужную информацию. Осмысленность речи создается ее неопределенностью, так как благодаря неопределенности речи каждое сообщение является для нас неожиданным, новым.

При всем том совершенно ясно, что степень неопределенности фразы Φ_4 меньше степени неопределенности фразы Φ_0; степень неопределенности осмысленного текста должна быть еще меньше, чем для фразы Φ_4. Какова же степень неопределенности осмысленного текста и какую информацию содержит этот текст? Сама постановка этих бесспорно основных для языкознания вопросов стала возможной лишь после разработки общей «теории информации».

Энтропия и информация вероятностного процесса

Понятие информации тесно связано с неопределенностью исхода какого-либо опыта: определение известного заранее результата не может доставить новой информации. Неопределенность же опыта тесно связана с вероятностями его исходов (которые можно описать как долю или процент отдельных исходов при многократном повторении опыта). Некоторые соображения[3] вынудили Шеннона принять, что степень неопределенности опыта α, имеющего n исходов, вероятности которых равны $p_1, p_2, \ldots, p_n$ (где $p_1 + p_2 \ldots + p_n = 1$), выражается числом

$$H(\alpha) = c(-p_1 \log p_1 - p_2 \log p_2 \ldots - p_n \log p_n); \qquad (*)$$

это же число измеряет количество информации, которое мы получим, определив исход α. Величину $H(\alpha)$ Шеннон предложил называть энтропией опыта α; можно показать, что она равна нулю лишь в том случае, если одна из вероятностей $p_1, p_2, \ldots, p_n$ равна 1, а остальные — 0 (т. е. если исход опыта α нам известен заранее); в остальных случаях $H(\alpha) > 0$. Коэффициент пропорциональности c в формуле (*) зависит от основания логарифмов и выбора системы единиц. Чаще всего за единицу измерения неопределенности опыта (и информации) принимается так называемая двоичная единица информации, или бит, равная степени неопределенности опыта с двумя равновероятными исходами, например опыта, состоящего в определении стороны, на которую падает подброшенная монета. (Иногда соответствующую единицу информации называют также «да-нет единицей», поскольку она равна информации, которую доставляет нам ответ «да» или «нет» на некоторый вопрос, при условии, что мы заранее не имеем оснований считать один ответ более вероятным, чем другой.) В дальнейшем мы будем измерять информацию в «битах»: этому отвечает в формуле (*) значение $c = 3{,}32$ при обыкновенных десятичных логарифмах или $c = 1$ при двоичных логарифмах.

Предположим теперь, что наряду с опытом α мы имеем еще и другой опыт β, исходы которого также могут зависеть от случая (разумеется, опыт с заранее определенным исходом не может дать нам никаких данных о «случайном» опыте α). Возможно, что исходы опыта α никак не связаны с исходом β: так, например, не связаны между собой исходы опытов, состоящих в определении погоды на завтра и определении карты, вытянутой наугад из тщательно перемешанной колоды. (Это утверждение равносильно утверждению о невозможности предсказания погоды по картам.) В таком случае говорят, что опыты α и β независимы или что осуществление β не несет никакой информации об опыте α. Но часто может случиться так, что знание исхода β существенно влияет на вероятность того или другого исхода α: так, знание погоды на данный день существенно влияет на вероятность

[3] См. подробнее в кн.: А. М. Яглом, И. М. Яглом, Вероятность и информация, М., 1957, стр. 108—124.

той или иной погоды на следующий день; знание определенной буквы текста отражается на вероятностях появления отдельных букв после данной. Если разные исходы β влекут за собой разные изменения в распределении вероятностей для исходов опыта α, то опыты α и β называются зависимыми.

Итак, осуществление того или иного исхода может изменить вероятности $p_1, p_2, \ldots, p_n$ исходов другого опыта α, следовательно, и энтропию $H(\alpha)$. Предположим теперь, что мы многократно осуществляем опыт β; при этом каждый раз мы будем иметь свое значение величины $H(\alpha)$, зависящее от исхода β. Среднее значение всех этих величин обозначается через $H_\beta(\alpha)$ и называется средней условной энтропией α при условии предварительного осуществления β или просто условной энтропией α при условии β.

Ясно, что если опыты α и β независимы, то $H_\beta(\alpha) = H(\alpha)$. Если же опыты α и β зависимы, то $H_\beta(\alpha) < H(\alpha)$: предварительное осуществление опыта β может лишь уменьшить степень неопределенности опыта α. Разность $H(\alpha) - H_\beta(\alpha)$, показывающую, на сколько именно уменьшает неопределенность α предварительное осуществление β, Шеннон предложил назвать информацией об опыте α, содержащейся в опыте β, и обозначать через $I(\alpha, \beta)$.

Рассмотрим теперь третий опыт γ, предшествующий β. Каждому исходу опыта γ отвечает свое значение условной энтропии $H_\beta(\alpha)$; среднее значение всех этих значений $H_\beta(\alpha)$, отвечающее многократному повторению γ, мы назовем условной энтропией второго порядка опыта α (или условной энтропией α при условиях β и γ) и обозначим через $H_{\gamma\beta}(\alpha)$; при этом $H_{\gamma\beta}(\alpha) \leqslant H_\beta(\alpha)$. Аналогично этому, рассмотрев длинную цепочку опытов $\alpha_0, \alpha_1, \alpha_2, \alpha_3 \ldots$ (например, совокупность опытов по определению погоды в последовательные дни или по определению последовательных букв текста), мы можем сопоставить ей (убывающую) цепочку условных энтропий разных порядков $H(\alpha_0) \geqslant H_{\alpha_1}(\alpha_0) \geqslant H_{\alpha_2\alpha_1}(\alpha_0) \geqslant H_{\alpha_3\alpha_2\alpha_1}(\alpha_0) \geqslant \ldots$ Если наша цепочка опытов безгранична, то неограниченная последовательность убывающих положительных чисел $H_0 = H(\alpha_0)$, $H_1 = H_{\alpha_1}(\alpha_0)$, $H_2 = H_{\alpha_2\alpha_1}(\alpha_0) \ldots$ $\ldots, H_N = H_{\alpha_N\alpha_{N-1}\ldots\alpha_1}(\alpha_0), \ldots$ обязательно будет стремиться к некоторому предельному значению $H_\infty = H$. При $H = 0$ исход опыта α будет полностью определяться цепочкой (предшествующих ему) опытов $\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3 \ldots$; если же $H \neq 0$, то даже и неограниченная цепочка опытов $\alpha_1, \alpha_2 \ldots$ не определит полностью исход α_0 (так, знание погоды за любое число предшествующих дней не определяет полностью знания завтрашней погоды).

Значение введенных понятий для общей теории связи в первую очередь определяется замечательной теоремой Шеннона, согласно которой время, требующееся для передачи сообщения по любой линии связи (при условии, что передача ведется наиболее рациональным образом), прямо пропорционально количеству переданной информации, измеренному в соответствии с формулой (*). Большое значение этих понятий для лингвистики определяется не только тем, что по техническим линиям связи чаще всего передается речь, но и тем, что, как показали широко поставленные психологические эксперименты[4], человек воспринимает информацию как линия связи с оптимальным режимом работы. При этом следует иметь в виду, что определенное, по Шеннону, «количество содержащейся в данном тексте информации» хотя и является в очень многих случаях весьма удачной характеристикой речи, не отражает все без исключения аспекты понятия информации. Существенным дефектом этого определения можно считать то, что оно опирается лишь на статистические характеристики речи и полностью игнорирует ее содержание; предпринятые в последнее время попытки дать, опираясь на идеи Шеннона, определение количества информации, учитывающее значимость содержания[5], пока еще нельзя считать полностью удавшимися.

Энтропия одной буквы текста. Избыточность языка

Теперь мы можем ответить на поставленный выше вопрос о «степени неопределенности» для моделей русского языка, иллюстрируемых «фразами» $\Phi_0, \Phi_1, \ldots, \Phi_4$, или для осмысленного текста.

Степень неопределенности опыта α_0, состоящего в выборе «наудачу» одной из n букв русского алфавита, равна

$$H_0 = H(\alpha_0) = -\frac{1}{n}\log\frac{1}{n} - \frac{1}{n}\log\frac{1}{n} \ldots - \frac{1}{n}\log\frac{1}{n} = -\log\frac{1}{n} = \log n,$$

ибо опыт α_0 имеет n (равновероятных) исходов, вероятность каждого из которых

[4] Обзор ряда таких экспериментов дан в заметке А. М. Яглома, в разделе «Новости математической науки», сб. «Математическое просвещение», вып. 5, М., 1959.

[5] См., например, Y. Bar-Hillel, R. Carnap, Semantic information, «The British journal for the philosophy of science», vol. IV, № 14, 1953.

равна $\frac{1}{n}$ (мы отбрасываем здесь множитель c в правой части формулы (*), считая, что основание системы логарифмов выбрано так, чтобы результат измерялся в нужных нам единицах, например в *битах*). Если условиться отождествлять между собой буквы *е* и *ё*, *ь* и *ъ*, но причислять к числу букв промежуток между словами («русский телеграфный алфавит», используемый в большинстве телеграфных кодов), то будем иметь $n = 32$ и, следовательно, $H_0 = \log_2 32 = 5$ *бит*; таким образом, определение одной взятой наугад буквы доставляет нам такую же информацию, как и пять ответов «да» или «нет». Можно считать, что число 5 *бит* указывает количество информации, содержащееся в одной букве «фразы» Φ_0.

Аналогично этому степень неопределенности опыта, состоящего в определении буквы «фразы» Φ_1, или информацию, содержащуюся в одной букве этой «фразы», можно приравнять энтропии $H_1 = H(\alpha_1) = -p_1 \log p_1 - p_2 \log p_2 - \ldots - p_n \log p_n$ опыта α_1, вероятности $p_1, p_2, \ldots, p_n$ исходов которого равны частотам букв русского алфавита. Точно так же информация, содержащаяся в одной букве «фразы» Φ_2, при составлении которой учитывались частоты всевозможных двубуквенных сочетаний, равна условной энтропии $H_2 = H_{\alpha_2}(\alpha_1)$ опыта α_1, состоящего в определении буквы текста при условии известности исхода опыта α_2 по определению предшествующей буквы; как отмечалось выше, $H_2 \leqslant H_1$. Информация, содержащаяся в одной букве «фраз» Φ_3 и Φ_4, равна условной энтропии второго и третьего порядка $H_3 = H_{\alpha_3\alpha_2}(\alpha_1)$ и $H_4 = H_{\alpha_4\alpha_3\alpha_2}(\alpha_1)$, где опыты α_3 и α_4 состоят в определении буквы текста, стоящей на два, соответственно, на три места раньше той буквы, выяснение которой составляет содержание опыта α_1. Точно так же можно определить условную энтропию $(N-1)$-го порядка $H_N = H_{\alpha_N\alpha_{N-1}\ldots\alpha_2}(\alpha_1)$ — условную энтропию того же опыта при условии предварительного определения $N-1$ предшествующих букв текста и, наконец, предельную энтропию $H = H_\infty = \lim\limits_{N\to\infty} H_N$, которой следует приравнять количество информации, содержащейся в одной букве осмысленного русского текста: $H_0 \geqslant H_1 \geqslant H_2 \geqslant H_3 \geqslant \ldots \geqslant H_N \geqslant \ldots \to H_\infty$.

Энтропия одной буквы текста (или «удельная энтропия») $H_\infty = H$ является самой важной статистической характеристикой языка. Однако часто удобнее характеризовать статистическую структуру языка, его внутренние закономерности не самим числом H_∞, а отношением $\frac{H_\infty}{H_0}$; равенство этого отношения единице означало бы полное отсутствие каких бы то ни было закономерностей, а равенство его нулю — то, что все буквы текста полностью определяются структурой языка и никакой произвол в них невозможен (разумеется, оба эти обстоятельства не имеют места ни для одного реального языка). Соответственно этому при сравнении статистической структуры различных языков, алфавиты которых имеют разное число букв, естественно сопоставлять между собой не значения энтропии H_∞, а значения отношения $\frac{H_\infty}{H_0}$. Шеннон вместо этого рассматривал разность $R = 1 - \frac{H_\infty}{H_0}$, которую он назвал избыточностью языка. К сожалению, мы пока не имеем сколько-нибудь удовлетворительного определения энтропии H и избыточности R ни для одного языка; однако некоторые данные убеждают, что для всех европейских языков избыточность R заметно превосходит 50%.

Не совсем точно можно сказать, что избыточность R указывает процент «лишних» букв — если для какого-либо языка, скажем, $R = 60\%$, то это означает, что 60% букв являются лишними, т. е. могут быть восстановлены по остальным, исходя из внутренних закономерностей языка. Однако понимать это утверждение не следует слишком уж буквально. Разумеется, всякая возможность восстанавливать пропущенные или неправильно указанные буквы в осмысленном тексте (например, находить опечатки в книге или ошибки в телеграмме) основывается на существовании избыточности — в тексте типа «фразы» Φ_0, где избыточность равна нулю, никакая ошибка не может быть исправлена. (Соответственно этому в тех случаях, когда вероятность ошибки очень велика или ошибка очень нежелательна, мы намеренно повышаем избыточность, например повторяя каждое слово несколько раз или передавая текст «по буквам».) Однако точный смысл избыточности означает лишь, что некоторым специальным методом («кодированием») ровно $R\%$ (60% в нашем примере) букв можно «отбросить» (а часть оставшихся заменить другими), так что по оставшимся (и замененным) $(100-R)\%$ букв можно будет восстановить безошибочно весь текст; при этом оставшиеся $(100-R)\%$ букв будут образовывать «фразу» вроде Φ_0, между буквами которой не будет существовать уже никаких статистических связей [5а]. Далее можно утверждать, что если (в достаточно обширном

[5а] Специальные опыты, относящиеся к английскому языку, показали, что «случайным образом» в тексте можно отбросить не более 25% букв,— в противном случае нельзя будет догадаться, какие буквы были опущены.

или достаточно типичном тексте, в котором отражены общие статистические закономерности) отбросить больше $R\%$ букв, то их ни в коем случае нельзя будет восстановить. Так как в тексте, полученном отбрасыванием $R\%$ букв и заменой других, все буквы алфавита будут встречаться одинаково часто (ср. «фразу» Φ_0), то ясно, что в первую очередь целесообразно отбрасывать самые распространенные буквы, несущие, по Шеннону, наименьшую информацию. Поэтому наиболее безобидным является пропуск пробелов между словами (пробел есть самая частая «буква»), легко восстанавливаемый по оставшемуся тексту; далее, более частые гласные буквы несут меньшую информацию, чем согласные, с чем, по-видимому, связан пропуск этих букв в некоторых письменностях (семитские языки).

Конкретные данные об избыточности разных языков

		H_0	H_1	H_2	H_3
Английский язык	Письменная речь	4,76	4,03	3,32	3,10
Русский язык	Письменная речь	5,00	4,35	3,52	3,01
	Устная речь	5,38	4,77	3,62	0,70

Верхняя строка таблицы содержит данные статистической обработки обширного текста, приведенные в основополагающей для всего рассматриваемого направления работе Шеннона[6]. Соответствующие подсчеты для русского языка были произведены при помощи счетно-аналитических машин в Лаборатории систем передачи информации АН СССР Д.С.Лебедевым и В.А.Гармашем[7]; частоты отдельных букв и их сочетаний они получили, анализируя отрывки из «Войны и мира» Л. Н. Толстого объемом в 30 тыс. букв. Так как определение условных энтропий H_N высоких порядков требует весьма обширного статистического материала, то можно опасаться, что полученное этими авторами значение H_3 является не совсем точным; возможно, этим объясняется то, что в то время как H_0, H_1 и H_2 для русского языка превосходят соответствующую величину для английского языка (русский алфавит имеет 32 буквы против 27 латинского[8]), значение H_3 для русского языка, согласно Д. С. Лебедеву и В. А. Гармашу, оказывается меньшим, чем для английского.

Аналогичные данные для устной русской речи были получены американскими лингвистами Е. Черри, М. Халле и Р. Якобсоном[9]. Роль букв в их исследовании играли фонемы; общее число фонем они, следуя мнению ряда советских лингвистов, принимали равным 42. Основным источником, исходя из которого эти авторы определяли частоты отдельных фонем и их сочетаний, по-видимому, явился тщательно проведенный еще в 1925 г. А. М. Пешковским анализ 10 тыс. фонем разговорной русской речи[10]. Разумеется, столь малый объем анализируемого текста никак недостаточен для определения условных энтропий высокого порядка; поэтому хотя значение для H_1, приводимое Е. Черри, М. Халле и Р. Якобсоном, вероятно, довольно надежно, указанное ими значение H_3 не заслуживает доверия[11].

Рассмотрим еще таблицу, в которой приведены данные об энтропии H_1 для ряда европейских языков[12]: (напоминаем, что для всех языков, письменность которых использует латинский алфавит, $H_0 = \log_2 27 \approx 4{,}76$ *бит*):

---

[6] C. E. Shannon, Prediction and entropy of printed English, «Bell system technical journal», vol. 30, № 1, 1951.

[7] Д. С. Лебедев, В. А. Гармаш, Статистический анализ трехбуквенных сочетаний русского текста, сб. «Проблемы передачи информации», вып. 2, М., 1959.

[8] Здесь к числу букв причисляется пробел между словами.

[9] E. C. Cherry, M. Halle, R. Jakobson, Toward the logical description of languages in their phonemic aspect, «Language», vol. 29, № 1, 1953.

[10] См. А. М. Пешковский, Десять тысяч звуков, «Сборник статей», Л.— М., 1925.

[11] Вероятности отдельных фонем и их парных сочетаний были подсчитаны на большом современном материале в лаборатории фонетики Ленинградского университета. См. Л. Р. Зиндер, О лингвистической вероятности, сб. «Вопросы статистики речи (материалы совещания)», Л., 1958. Число фонем здесь принимается равным 48.

[12] G. A. Barnard, Statistical calculation of word entropies for four western languages, «IRE. Transactions on information theory», vol. I, № 1, 1955.

Язык	Немецкий	Французский	Испанский
H_1	4,10	3,96	3,98

Приближенное значение энтропии для слова $H_1^{(\text{слова})} = -P_1 \log P_1 - P_2 \log P_2 - \ldots - P_m \log P_m$ может быть вычислено, исходя из существующих частотных словарей языка или основываясь на так называемом законе Ципфа, согласно которому при упорядочении слов по их распространенности мы получим (для любого языка) следующие выражения для частот (вероятностей) $P_1, P_2 \ldots, P_m$ отдельных слов [13]: $P_1 = k$, $P_2 = \frac{k}{2}$, $P_3 = \frac{k}{3}, \ldots$; здесь k есть некоторая константа, определяемая экспериментально; общее число m слов естественно выбрать таким, чтобы было $P_1 + P_2 \ldots + P_m = k\left(1 + \frac{1}{2} \ldots + \frac{1}{m}\right) = 1$. Соответствующий подсчет, произведенный Шенноном [14], для английского языка (где $k = 0{,}1$), дал $H_1^{(\text{слова})} \approx \approx 11{,}82$ *бит*.

Разделив это выражение на $s + 1$, где s — среднее число букв слова (для английского языка $s = 4{,}5$), мы получим «энтропию, приходящуюся на одну букву». Ее можно считать несколько меньшей, чем $H_{s+1}^{(\text{буквы})}$, поскольку ясно, что статистические связи между $s + 1$ буквами одного слова являются более тесными, чем связи между $s + 1$ соседними буквами, принадлежащими разным словам. Таким путем Шеннон пришел к заключению, что для английского языка $H_7 \approx \frac{11{,}82}{5{,}5} \approx 2{,}14$ *бит*; отсюда следует, что для английского языка $R \geqslant 1 - \frac{2{,}14}{4{,}76} \approx 55\%$. Аналогичные подсчеты для четырех европейских языков (английского, немецкого, французского и испанского) произвел Г. Барнард [15], из результатов которого как будто следует, что избыточность испанского языка близка к избыточности английского, избыточность французского — ниже, а немецкого выше (все это нуждается еще в дальнейшей проверке) [16].

Другой путь определения избыточности для разных языков был также указан Шенноном [17], предложившим вместо определения частот (вероятностей) всевозможных N-буквенных сочетаний (число которых необычайно быстро растет с ростом N) рассматривать вероятности $q_i^{(N)}$ того, что N-ая буква текста будет правильно отгадана по известным $N-1$ предшествующим буквам с i-й попытки ($i = 1, 2 \ldots, n$, где n — число букв алфавита). При этом предполагается, что отгадывающий в совершенстве владеет статистическими закономерностями языка и делает предсказания наиболее рациональным образом. Такое владение не является чем-то исключительным. Дело в том, что каждый человек интуитивно владеет этими закономерностями для хорошо знакомого ему языка, так как ему приходится повседневно использовать эти знания, скажем, для восстановления букв и слов в неразборчиво сказанной фразе его собеседника. Все же из ряда отгадчиков желательно выбрать того, кто будет иметь лучшие результаты.

Ясно, что вероятности $q_i^{(N)}$ тесно связаны с вероятностями N-буквенных сочетаний; так, при $i = 1$ вероятности $q_1^{(1)}, q_2^{(1)} \ldots, q_n^{(1)}$, как легко понять, в точности совпадают с вероятностями $p_1, p_2, \ldots, p_n$ отдельных букв, расположенными в порядке убывания. Достоинством величин $q_i^{(N)}$ является то, что их можно определить экспериментально — при помощи опытов по отгадыванию букв, которые легко осуществить; следует только произвести достаточное число таких опытов (с тем, чтобы частоты соответствующих результатов можно было приравнять вероятностям $q_i^{(N)}$). Знание величин $q_1^{(N)}, q_2^{(N)}, \ldots, q_n^{(N)}$ дает возможность оценить значение условной энтропии $(N-1)$-го порядка H_N, ибо, как доказал Шеннон,

---

[13] G. K. Zipf, Human behavior and the principle of least effort, Cambridge (Mass.), 1949; ср. также: P. Giraud, Les caractères statistiques du vocabulaire, Paris, 1954.

[14] См. C. E. Shannon, Prediction and entropy...

[15] G. A. Barnard, указ. соч.

[16] Заметим, что намеченный здесь путь определения избыточности нельзя считать особенно надежным: напрашивающееся сопоставление величин $H_1^{(\text{слова})}$ и $H_{s+1}^{(\text{буквы})}$ трудно мотивировать достаточно убедительно.

[17] C. E. Shannon, Prediction and entropy...

$$2\,(q_2^{(N)} - q_3^{(N)})\log 2 + 3\,(q_3^{(N)} - q_4^{(N)})\log 3 + \ldots + (n-1)\,(q_{n-1}^{(N)} - q_n^{(N)})\log(n-1) + nq_n^{(N)}\log n \leqslant H_N \leqslant -q_1^{(N)}\log q_1^{(N)} - q_2^{(N)}\log q_2^{(N)}) - \ldots - q_n^{(N)}\log q_n^{(N)}. \qquad (**)$$

Экспериментальное определение величин $q_i^{(N)}$ (а следовательно, и оценка условных энтропий H_N) было произведено для английского языка Шенноном[18] для $N = 1, 2, 3 \ldots, 15$ и $N = 100$; позднее эксперименты такого же типа на большем материале производились Н. Бертоном и Дж. Ликлайдером[19] для $N = 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128$ и $N \approx 10\,000$.

Наиболее интересный из полученных на этом пути результатов заключается в том, что, начиная, примерно, с $N = 30$, вероятности $q_i^{(N)}$ перестают зависеть от N, а это подсказывает, что $H_\infty \approx H_{30}$, т. е. что знание примерно 30 предшествующих букв текста дает почти полную возможную информацию о следующей за ними букве; любое число предшествующих букв сверх этих 30 уже почти не дает нового (но в то же время, скажем, H_{15} еще заметно больше H_∞). Что же касается до оценки величины $H = H_\infty$, а следовательно, и избыточности R, то на этом пути получается лишь довольно неточная оценка [при больших N левая и правая части двойного неравенства (**) не совпадают]. Наиболее широко поставленные эксперименты Бертона и Ликлайдера привели к заключению, что для английского языка R заключено между $^2/_3$ (т. е. 67%) и $^4/_5$ (80%); сходное значение избыточности получил и Шеннон. Такие же опыты для английской устной речи (опыты по отгадыванию фонем) произвел Д. Фрай[20], получивший, по-видимому, заниженное значение избыточности $R \approx 55\%$, что связано, быть может, с тем, что закономерности, относящиеся к фонемам, отгадчику менее привычны, и поэтому такие опыты требуют большой тренировки. Избыточность немецкого языка определял при помощи более упрощенной процедуры известный немецкий связист К. Кюпфмюллер[21], получивший значение избыточности, имеющее тот же порядок величины ($R \approx 70\%$ для письменной речи). Близкие результаты были получены для шведского языка Х. Хансоном[22], также использовавшим несколько упрощенный вариант метода Шеннона. К сожалению, неточность имеющихся методов не позволяет как следует оценить небольшие расхождения в избыточностях разных языков. Представляло бы бесспорный интерес более точное определение избыточности, позволяющее сравнивать ее для разных языков; в этой связи было бы желательно иметь возможно больше разных подходов к определению этой величины[22a].

Сравнение разных видов избыточности

В качестве основного элемента речи можно также рассматривать слова или фонемы (устная речь). При этом мы придем к новым значениям энтропии H_∞ и избыточности R.

Приведем здесь таблицу значений энтропии $H_1^{(\text{без проб.})}$, вычисленной для разных языков в предположении, что пробел между словами не включается в число букв (так что для русского языка теперь $H_0 = \log_2 31 \approx 4{,}95$ *бит* и для западных языков $H_0 = \log_2 26 \approx 4{,}70$ *бит*):

Язык	Русск.	Англ.	Нем.	Франц.	Исп.
$H_1^{(\text{без проб.})}$	4,46	4,14	4,095	3,98	4,01

Из сравнения этой таблицы с приведенными выше следует, что значение энтропии H_1 уменьшается, когда пробел между словами также включается в число букв;

[18] C. E. Shannon, Prediction and entropy...

[19] N. G. Burton and J. C. R. Licklider, Long-range constraints in the statistical structure of printed English, «American journal of psychology», vol. LXVIII, 4, Baltimore, 1955, стр. 650—653.

[20] D. B. Fry, Communication theory and linguistic theory, «IRE. Transactions on information theory», vol. I, 1953.

[21] K. Küpfmüller, Die Entropie der deutschen Sprache, «FTZ — Fernmeldetechnische Zeitschrift», Hf. 6, 1954.

[22] H. Hansson, The entropy of the Swedish language, «Proceedings of the 2-nd Symposium on information theory», Prague, 1960.

[22a] Возможно, что здесь может принести пользу анализ повторяемости отдельных букв и их сочетаний. Ср. Р. Л. Добрушин, Упрощенный метод экспериментальной оценки энтропии стационарной последовательности, «Теория вероятностей и ее применения», т. 3, № 4, М., 1958.

это связано с тем, что появление новой весьма вероятной «буквы» (вероятность пробела превосходит вероятность любой из остальных букв) делает менее неопределенным исход опыта по заданию одной «буквы» текста. Исключение в этом отношении составляет лишь немецкий язык, для которого характерна большая длина слов (средняя длина слова s составляет здесь 5,92 буквы против 4,5 букв в английском языке), в силу чего вероятность пробела здесь относительно мала и увеличение неопределенности опыта по одной букве текста, связанное с увеличением числа исходов, не компенсируется большей вероятностью этого исхода по сравнению с остальными.

Перейдем теперь к вопросу об избыточности $R^{(\text{без проб.})}$. Заметим, что величина H_∞ выражает, так сказать, «удельную информацию», или «информацию, которую несет одна буква текста»; большой отрывок из M букв несет «полную информацию» $H_\infty M$. Если записать один и тот же текст обычным образом и без пробелов между словами, то каждую из этих двух записей будет легко восстановить по другой: мы можем и отбросить все пробелы между словами, и восстановить пробелы в «сплошном», написанном без пробелов тексте на знакомом языке. Отсюда вытекает, что «полная информация», содержащаяся в обеих записях, будет одна и та же. Но число «букв» в тексте с пробелами будет в $\frac{s+1}{s}$ раз больше, чем число букв «сплошного» текста, где s — средняя длина слова (ибо один пробел приходится на s букв текста). Отсюда следует, что $H_\infty^{(\text{без проб.})} = H_\infty^{(\text{с проб.})} \cdot \frac{s+1}{s}$. Так как $H_0^{(\text{с проб.})} = \log n$, $H_0^{(\text{без проб.})} = \log(n-1)$ (где $n-1$ — число букв алфавита), то $\frac{H_\infty^{(\text{без проб.})}}{H_0^{(\text{без проб.})}} = \frac{H_\infty^{(\text{с проб.})}}{H_0^{(\text{с проб.})}} \cdot \frac{s+1}{s} \cdot \frac{\log n}{\log(n-1)}$, или $1 - R^{(\text{без проб.})} = (1 - R^{(\text{с проб.})}) \cdot \frac{(s+1)\log n}{s \log(n-1)}$. Следовательно, всегда $R^{(\text{без проб.})} < R^{(\text{с проб.})}$. В частности, для английского языка ($n = 27$, $s = 4{,}5$) имеем $1 - R^{(\text{без проб.})} = (1 - R^{(\text{с проб.})}) \frac{5{,}5 \log 27}{4{,}4 \log 26} \approx 1{,}29\,(1 - R^{(\text{с проб.})})$.

Те же соображения решают вопрос о сравнении избыточности для букв $R^{(\text{буквы})}$ и избыточности для слов $R^{(\text{слова})}$. Выше уже указывались методы вычисления $H_1^{(\text{слова})}$; но непосредственное вычисление «предельной энтропии» $H_\infty^{(\text{слова})}$ чрезвычайно усложняется как большим количеством слов, так и «дальнодействием» статистических связей между отдельными словами (появление в начале сколь угодно длинной книги слова «изопропилбензол» резко понижает вероятность встретить слово «морфема» в ее конце). Однако то обстоятельство, что знание всех букв текста равносильно знанию всех его слов, снова позволяет утверждать, что «полная информация», содержащаяся в некотором отрывке, может быть равным образом подсчитана по его словам и по буквам:

$$H_\infty^{(\text{слова})} \cdot \text{число слов} = H_\infty^{(\text{буквы})} \cdot \text{число букв}.$$

А так как число букв в среднем в $s+1$ раз превосходит число слов (здесь мы снова под $H_\infty^{(\text{буквы})}$ понимаем $H_\infty^{(\text{с проб.})}$, так что в среднем на одно слово приходится $s+1$ букв), то

$$H_\infty^{(\text{слова})} = (s+1) \cdot H_\infty^{(\text{буквы})},$$

или, если обозначить через m общее число слов языка, так что $H_0^{(\text{слова})} = \log m$, то

$$\frac{H_\infty^{(\text{слова})}}{H_0^{(\text{слова})}} = \frac{H_\infty^{(\text{буквы})}}{H_0^{(\text{буквы})}} \cdot (s+1) \cdot \frac{\log n}{\log m} \quad \text{или} \quad (1 - R^{(\text{слова})}) = (1 - R^{(\text{буквы})}) \cdot (s+1) \cdot \frac{\log n}{\log m}.$$

В частности, для английского языка, приняв $m = 100\,000$[23], получаем

$$1 - R^{(\text{слова})} = (1 - R^{(\text{буквы})}) \cdot \frac{5{,}5 \log 27}{\log 100\,000} \approx 1{,}58\,(1 - R^{(\text{буквы})}).$$

Наконец, те же соображения позволяют решить вопрос о связи избыточности устной речи с избыточностью речи письменной. Здесь мы снова исходим из возможности восстановить по написанному тексту все фонемы, а по устному — все буквы (т. е. из возможности прочесть письменный текст и записать устный); отсюда следует, что в том и в другом тексте содержится одинаковая «полная информация», т. е. $H_\infty^{(\text{фонемы})} \cdot \text{число фонем} = H_\infty^{(\text{буквы})} \cdot \text{число букв}$. Обозначим теперь через ω сред-

[23] Заметим, что наш результат лишь весьма слабо зависит от значения m.

нее число букв, приходящихся на одну фонему («среднюю длину фонемы»); величина ω есть важная статистическая характеристика языка, связывающая устную и письменную речь. В таком случае получим $H_{\infty}^{(\text{фонемы})} = \omega H_{\infty}^{(\text{буквы})}$. Следовательно, если k — общее число фонем, то

$$\frac{H_{\infty}^{(\text{фонемы})}}{H_0^{(\text{фонемы})}} = \frac{H_{\infty}^{(\text{буквы})}}{H_0^{(\text{буквы})}} \cdot \omega \frac{\log n}{\log k}, \text{ или}$$

$$1 - R^{(\text{фонемы})} = (1 - R^{(\text{буквы})}) \cdot \frac{\omega \log n}{\log k}.$$

В частности, отождествив для английского языка отдельные фонемы с фонетическими знаками, используемыми в наших англо-русских словарях, получим $k = 43$, $\omega \approx 1{,}2$ и, следовательно,

$$1 - R^{(\text{фонемы})} = (1 - R^{(\text{буквы})}) \cdot \frac{1{,}2 \log 27}{\log 43} \approx 1{,}05\,(1 - R^{(\text{буквы})}).$$

Сравнение разных текстов и разных языков

Все сказанное до сих пор относилось, так сказать, к «среднелитературному» языку. Однако представляет интерес изучение с рассмотренных здесь позиций и различных специальных текстов, например произведений определенных авторов или книг и статей по одной специальности. Ясно, что высокий уровень избыточности, скажем, в произведениях определенного автора, свидетельствует о злоупотреблении его одними и теми же словами и оборотами, т. е. о «плохой» литературной форме; напротив того, низкая избыточность в произведениях некоторых больших писателей может характеризовать яркость и нестандартность их языка. При этом следует иметь в виду, что слишком низкая избыточность может свидетельствовать также о специально усложненном и трудном для понимания языке: ведь нулевая избыточность характерна для хаотического набора букв вроде приведенной выше «фразы» Φ_0. Вообще все возможности совершенствования литературной формы произведений связаны с наличием в языке высокой избыточности; если бы речь (устная и письменная) представляла бы собой «оптимальную» систему кодирования, т. е. обладала бы нулевой избыточностью, то художественная литература, по-видимому, не была бы возможна. В этой связи возникает целый ряд интересных вопросов (например, о сравнении избыточности прозаической и поэтической речи), решение которых пока невозможно из-за бедности статистического материала.

Несколько более прост круг вопросов, связанный с изучением избыточности научно-технических текстов. Ясно, что любой научный жаргон (как и вообще каждый жаргон) имеет более высокую избыточность, чем «среднелитературный» язык, из-за относительной бедности его словаря и наличия ряда широко распространенных специальных терминов и выражений. Это заметно облегчает просмотр литературы по знакомой специальности и чтение такой литературы на малоизвестном языке. Высокая избыточность заметно облегчает также решение задачи о машинном переводе специальной литературы. Поэтому нам кажутся не особенно целесообразными тенденции к понижению избыточности научной литературы при помощи тщательно разработанной терминологии, как это имеет место, например, в деятельности авторитетного коллектива французских математиков, пишущих под общим псевдонимом «Никола Бурбаки». Впрочем, такого рода тенденции могут быть полезны как этап на пути к созданию «международных специальных языков»; создание таких языков, весьма облегчающееся высокой избыточностью специальных текстов, в настоящее время определенно стало на повестку дня (что также частично связано с вопросами механизации перевода и реферирования научных статей)[24]. Конкретных данных, касающихся избыточности отдельных специальных текстов, мы имеем пока очень мало. Можно упомянуть лишь об исследовании американских связистов Фрика и Самби, которые анализировали переговоры по радио между дежурным по аэропорту и пилотом; здесь избыточность может достичь 96% (меньшая избыточность в условиях высокого уровня шумов могла бы повлечь за собой катастрофу)[25].

Мало пока изученный вопрос о сравнении «веса» одного *бита* информации для разных языков заключается в следующем. При возможно более точном (без потери информации) переводе какого-либо текста на другой язык оба отрывка текста будут иметь одно и то же содержание, т. е. содержащаяся в них с м ы с л о в а я информа-

---

[24] Тенденции к созданию «международного языка», имеющего нулевую избыточность, привели также математиков к символическому «языку» современной математической логики.

[25] F. C. F r i c k, W. H. S u m b y, Control tower language, «The journal of the Acoustical society of America», vol. 24, № 6, 1952. Ср. также E. L. F r i t z, G. W. G r i e r, Pragmatic communication, сб. «Information theory in psychology», Illinois, 1955.

ция будет одна и та же. Если вычислить по нашим формулам содержащуюся в том и в другом тексте статистическую (шенноновскую) информацию, то при этом окажется, что *p бит* информации текста на одном языке эквивалентны *q битам* информации текста на другом языке, что позволит сравнить «смысловое содержание» 1 *бита* информации на том и на другом языке. Разумеется, необходимо, чтобы полученные таким путем выводы были проверены на достаточно обширном статистическом материале.

Исследования такого рода были проведены индийскими учеными Рамакришной и Субраманианом[26]. Они установили, что при переводе с английского языка на немецкий 1 *бит* содержащейся в английском тексте информации оказывается эквивалентным 1,22 *битам* информации, содержащейся в немецком тексте; это различие определяется как «экономностью» английского языка по сравнению с немецким, так и тем, что попытка совершенно точно передать содержание какого-либо отрывка на ином языке требует более распространенного по сравнению с подлинником изложения из-за трудностей, связанных с необходимостью сохранить в переводе все оттенки смысла, передаваемые иногда специфическими для данного языка средствами. С другой стороны, при переводе с немецкого на английский язык 1 *бит* содержащейся в исходном немецком тексте информации передавался 1,06 *битами* информации английского текста. Отсюда Рамакришна и Субраманиан заключили, что 1 *бит* информации, заключающейся в английском тексте, по смыслу равноценен примерно 1,15 *битам* информации немецкого текста; кроме того, по их мнению, процесс перевода требует еще дополнительной затраты информации (которую также можно оценить), связанной с необходимостью учета специфики другого языка. Эти, быть может, не вполне окончательные выводы бесспорно заслуживают внимания лингвистов.

Несмысловая информация

Устная речь, помимо «смысловой информации», несет еще весьма значительную *несмысловую информацию, заключающуюся в индивидуальных особенностях* голоса, в интонационных оттенках речи, в громкости речи; эта информация в отдельных случаях может даже противоречить смысловой (причем в таких случаях она, как правило, заслуживает большего доверия). Изучение несмысловой информации имеет большое практическое значение, так как передача этой информации по линиям связи (например, в случае вокальных передач) является очень важной технической задачей. Однако относящихся сюда точных данных известно пока очень немного.

Достаточно тщательно был изучен собственно только один довольно частный вопрос — о смысловых ударениях, выделяющих определенные слова фразы, и о заключающейся в них информации. Английский связист И. Берри на основании прослушивания «ряда типичных английских телефонных разговоров» указал частоты, с какими попадает под ударение то или иное слово[27]. Пусть $p_1, p_2, \ldots, p_m$ — вероятности (частоты) слов языка, расположенные в порядке убывания, а $S_1, S_2, \ldots, S_m$ — сами соответствующие слова; тогда, согласно наблюдениям Берри, вероятность того, что слово S_i (где i может быть равно 1, 2... или m) окажется под ударением, равна примерно $p_1 + p_2 \ldots + p_i$. Таким образом, редкие слова чаще выделяются ударением, чем частые. А так как вероятности $p_1, p_2, \ldots, p_m$ также можно считать известными, то не представляет труда вычислить среднее значение приходящейся на одно слово информации, зависящей от того, падает или не падает на слово ударение; эта информация оказывается близкой к 2,4 *бит/слово*[28]. Разумеется, возможно, что подмеченные Берри закономерности не сохраняют силу для других языков; возможно также, что и в английском языке они справедливы только для телефонных разговоров. Однако можно рассчитывать, что величина 2,4 *бит/слово* правильно указывает порядок величины информации, связанной с логическими ударениями.

Более широкий характер имеет исследование К. Кюпфмюллера[29], который использовал для оценки количества несмысловой информации, содержащейся в устной немецкой речи, данные физиологической акустики. Кюпфмюллер рассматривает всю несмысловую информацию, заключающуюся в устной речи, разбив ее на ряд групп и довольно грубо оценивая порядок величин; так, он всюду ищет лишь величину H_0, условно принимая, что избыточность во всех случаях равна 50%. Сравнивая количество смысловой и несмысловой информации, приходящееся на одну букву текста, Кюпфмюллер устанавливает, что при очень медленной речи несмысловая информация может составлять до 130% смысловой, а при очень быстрой — всего 30% смысловой; при нормальной скорости речи несмысловая информация составляет

---

[26] B. S. Ramakrishna, R. Subramanian, Relative efficiency of English and German languages for communication of semantic content, «IRE. Transactions on information theory», vol. 4, № 3, New York, 1958.

[27] I. Berry, Some statistical aspects of conversational speech, сб. «Communication theory», London, 1953.

[28] Ср. Б. Мандельброт, Закон Берри и определение «ударения», сб. «Теория передачи сообщений», М., 1957.

[29] K. Küpfmüller, указ. соч.

около 70 % смысловой информации. Различие в этих цифрах объясняется тем, что при быстрой речи нам гораздо труднее следить за интонационными оттенками речи; также и узнавание голоса становится при этом гораздо более трудным. По-видимому, подобное уменьшение количества несмысловой информации при увеличении скорости поступления смысловой информации связано с тем, что возможность человека через свои органы чувств воспринимать информацию и перерабатывать ее при помощи мозга является ограниченной[30].

Практические приложения

В заключение коснемся вопроса о практической ценности изложенных выше теорий и результатов. Нетрудно установить связь этих идей, скажем, с вопросами механического перевода или реферирования; представляют они интерес и для биологии и психологии (всестороннее изучение способности человека воспринимать и перерабатывать информацию); возможно, что кое-что здесь окажется полезным и для вопросов педагогики, связанных, например, с обучением иностранным языкам. Но наиболее непосредственное отношение теория информации имеет к задачам передачи речи по любым линиям связи. Методы кодирования речи даже для линии связи определенного типа могут быть очень разнообразными. Естественно искать такие коды, которые позволят вести передачу по возможности более экономно, например передавать за единицу времени возможно больше информации. Отыскание таких кодов весьма облегчается теоретико-информационными соображениями.

Уже самый старый из распространенных телеграфных кодов — код (или азбука) Морзе — учитывает статистические закономерности языка: более частые буквы имеют в нем более короткие обозначения, чем менее частые. Использование идей теории информации позволяет составить гораздо более экономные коды. В частности, телеграфные коды для индийских языков, которые разрабатывались лишь в последнее время, составлялись уже с полным учетом этих соображений[31].

Могут представить интерес для вопросов передачи сообщений и соображения о высокой избыточности «специальных» языков. В тех случаях, когда определенная линия связи служит для передачи в первую очередь каких-то сообщений специального характера, естественно при составлении кода для этой линии исходить из статистических данных, относящихся именно к этим сообщениям. Так, в настоящее время в США торговые коды больших фирм составляются с непременным использованием выводов теории информации и с учетом высокой избыточности, свойственной деловой корреспонденции фирмы.

Значение идей теории информации (и, в частности, их лингвистического аспекта) для теории связи в настоящее время все возрастает. Статистические методы уже начинают занимать важное место и при решении собственно лингвистических вопросов. Дальнейшее отставание в этой области советской лингвистики (в частности, отсутствие надежных данных о статистических характеристиках русского языка) совершенно недопустимо.

И. М. Яглом, Р. Л. Добрушин, А. М. Яглом

---

[30] Ср. с психологическими исследованиями, о которых говорилось выше.

[31] См. B. S. Ramakrishna, Information theory and some of its applications, «Current science», vol. 27, № 10, 1958.

№ 1 1960

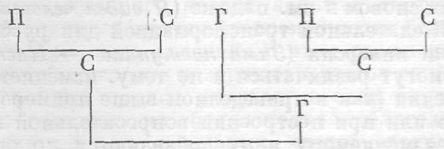
КОНСУЛЬТАЦИИ

ЧТО ТАКОЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ?

Один из методов лингвистического исследования — трансформационный анализ — возник в последние годы как попытка создания точного метода описания синтаксиса, подобного уже существующим точным методам описания в фонологии и морфологии.

Одним из приемов описания синтаксических структур является метод так называемого синтаксического анализа по «непосредственно составляющим», при котором некоторое распространенное предложение сводится к сочетанию нескольких основных единиц, определяющих общий «скелет» всего предложения. Так, например, предложение *Маленький мальчик поймал большой мячик* может быть представлено следующим образом[1]:

Маленький мальчик поймал большой мячик



Конструкция СГ (*мальчик поймал*) может считаться окончательной, далее не сводимой конструкцией.

Другое предложение *Мой брат — начинающий музыкант* (или *Мой брат был начинающим музыкантом*) сводится к иной окончательной конструкции: С(Св)С (скобки в данном случае показывают, что связочного глагола может не быть).

Предложение *Мороженое было очень вкусным* сводится к конструкции С(Св)П. Число такого рода кончательных несводимых конструкций ограничено для каждого языка, и именно они могут характеризовать специфические особенности синтаксиса этого языка. Подобные «костяки» предложений называются ядерными (kernel sentences).

Из ядерных предложений можно построить, добавляя, согласно правилам данной грамматики, определенные классы слов, развернутые предложения достаточно большой длины. Например, предложение *Сестра читает книгу* можно развернуть в предложение *Моя младшая сестра весь день с удовольствием читает очень интересную книгу*. Такой процесс развития некоторого окончательного ядра называется деривацией. В данном случае структура предложения не меняется. Однако это же предложение без ущерба для общего смысла может быть преобразовано следующим образом: *Сестра читает книгу — Книга читается сестрой*. Преобразования, совершенные в предложении, могут быть соответствующим образом записаны:

Сестра читает книгу

C^1им. Г C^2вин.

C^1им. — x_1; Г — y; C^2вин. — x_2

$x_1 - y - x_2 \rightarrow x_2 - y - x_1$ (т. е. члены ядерной структуры меняются местами).

$x_2 - y - x_1 \rightarrow C^2$им. — Г — (ся) — C^1тв.

Такое преобразование, при котором определенного рода изменения производятся над компонентами ядра, есть трансформация предложения. Основоположники трансформационного метода, строя правила трансформационных изменений определенных данных структур, во многом исходили из данных современной матема-

[1] В дальнейшем используются следующие обозначения для частей речи в русском языке: С — существительное, Г — глагол, П — прилагательное, Н — наречие, Пр — предлог; Сз — союз, М — местоимение, Св — связочные глаголы, Мд — модальные глаголы.

тической логики, где в качестве основных категорий принимаются, с одной стороны, некоторые аксиомы, а с другой — правила их порождения и преобразования.

Если принять в качестве исходных данных некоторое характерное для данного языка количество ядерных структур, то все предложения иной структуры можно рассматривать как производные от этих основных структур. Зная правила выведения подобных производных из первичных ядер, можно построить трансформационную грамматику данного языка, способную порождать синтаксические структуры любой сложности. Таким образом, «все многообразие различных видов предложений внутри одного языка может быть описано в терминах небольшого числа ядерных структур, небольшого числа основных трансформаций и небольшого числа рекурсивных правил для сочетания предложений и для словаря»[2].

Наиболее подробно теория трансформационной грамматики была разработана в трудах З. Харриса и его ученика Н. Хомского. Согласно Хомскому, вся система построения грамматики трансформаций, порождающих разные типы предложений реального языка, представляется состоящей из трех последовательных этапов: 1) определение структуры предложения, 2) трансформационные преобразования, 3) морфонологический уровень[3]. На последнем уровне происходит превращение некоторой единицы с определенным грамматическим признаком в реальное слово данного языка. Так, например, для русского языка на этом уровне произойдет превращение слова со значением «идти» с признаком «прошедшее время» в слово *шел* и т. д.

Типы трансформаций, выделяемых Харрисом и Хомским, классифицируются следующим образом:

1. Прежде всего различаются обязательные (obligatory) и желательные (optional) трансформации. Обязательная трансформация для русского языка производится, например, при построении сложного предложения с определительным словом *который* в род. падеже. В этом случае слово *который* должно быть обязательно помещено за определяемым словом в им. падеже (*Я видел человека, лицо которого показалось мне знакомым*). Желательной трансформацией для русского языка могут считаться некоторые случаи инверсии (*Зима наступила → Наступила зима*).

2. Трансформации могут различаться и по тому, изменяется ли в данном случае вся структура предложения (как в приведенном выше примере трансформации активной формы в пассивную или при построении вопросительной конструкции в английском языке), или к неизменяемому ядру добавляются по определенным правилам некие новые элементы. Последнее происходит при трансформации отрицания (Тотр.):

Я хочу читать → Я не хочу читать

$$(x_1 - x_2 - x_3 \quad \rightarrow \quad x - не - x_2 - x_3).$$

3. В основу различения трансформаций может лечь и иной признак — производятся ли преобразования внутри одной структуры или объединяются и трансформируются две (или более) структуры. Примером последнего случая может служить трансформация объединения: *Он читает эту книгу + Я тоже читаю эту книгу → Он читает эту книгу, и я тоже.*

4. Далее трансформации классифицируются и на том основании, меняют ли члены ядерной структуры после трансформации принадлежность к определенному классу слов или нет. Например, при так называемой «трансформации номинализации» из ядерной глагольной структуры выводится группа существительного: *Он читает книгу → Его чтение книги* или *Чтение им книги*. При активно-пассивной трансформации принадлежность всех членов ядерной структуры к различным классам слов не меняется.

Всего Н. Хомский выделяет двадцать четыре типа различных трансформаций. Сюда входит трансформация номинализации, трансформация адъективации, трансформация связи слов, трансформация активной формы в пассивную, трансформация вопроса, отрицания, инверсии и др. Над одной ядерной структурой может производиться не одно преобразование, а несколько преобразований. В данном случае последовательность этих преобразований далеко не безразлична, а они должны осуществляться по заранее обусловленным правилам. Эта последовательность трансформаций, каждая из которых предполагает уже совершенной предыдущую, образует своего рода алгебру трансформаций. Например, изменения глаголов, в частности преобразования в числе, могут быть произведены лишь после изменения активной формы в пассивную, так как в данном случае число глагола может измениться. Для построения предложения *Не хочу ли я читать*? необходимо произвести три трансформации: трансформацию отрицания (Тотр.), трансформацию инверсии (Тинв.) и *ли*-трансформацию (Тли):

---

[2] Z. S. Harris, Linguistic transformations for information retrieval. Preprint of papers for the International conference on scientific information, Washington, 1958.

[3] N. Chomsky, Syntactic structures, 's-Gravenhage, 1957.

Я хочу читать

$x_1\, x_2 x_3$

Тотр. $x_1 - x_2 - x_3 \rightarrow x_1 - не - x_2 - x_3$

Тинв. $x_1 - не - x_2 - x_3 \rightarrow не - x_2 - x_1 - x_3$

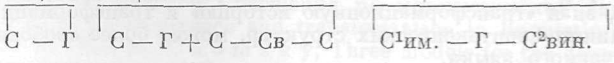
Тли $не - x_2 - x_1 - x_3 \rightarrow не - x_2 - ли - x_1 - x_3$

Алгебра трансформаций, их внутренняя структура, равно как и максимальное число трансформаций, которые могут производиться над одной структурой, различаются для каждого языка, хотя, разумеется, некоторые трансформации могут совпадать для разных языков. При определении различных трансформаций, производимых над ядерными структурами, большое значение имеет качество самих структур, считающихся основными для данного языка. При выборе между двумя эквивалентными по смыслу предложениями большое значение приобретает вопрос о том, какую структуру из них считать основной, а какую — производной. Например, для русского языка можно было бы считать основной пассивную конструкцию С¹им.—Г—*ся* — С²тв., а активную форму считать производной от нее. Однако в этом случае возможны были бы квазитрансформации для предложений типа *Он смеется веселым смехом* (также С¹им.— Г—*ся*—С²тв.), которые могут по общей формуле быть трансформированы в *Веселый смех смеет его*. Потому удобнее в качестве основного ядра взять структуру активной формы С¹им.— Г — С²вин., где Г — переходный глагол.

Классы, над которыми производятся определенные трансформации, могут отличаться от обычных частей речи. Например, прилагательные *железный* и *хороший* принадлежат к разным классам, так как второе из них может трансформироваться в конструкцию со словом *очень*, а первое — нет.

Применение трансформационного метода анализа лингвистического материала в некоторых случаях дает в руки лингвисту возможность более глубоко понять специфику того или иного языкового явления. В этом отношении трансформационный анализ существен как метод выделения различных классов слов или некоторых сочетаний слов. Трансформационный анализ помогает в этом случае разбить формально совпадающие языковые единицы на более мелкие (благодаря выяснению трансформационных возможностей для отдельных членов этих классов). Трансформационный анализ является здесь как бы вспомогательным методом для составления некоторой точной грамматики. Так, например, совпадающие по форме предложения *Человек причесывается гребенкой*, *Он вернулся моряком* и *Поле обрабатывается трактором* (все три в форме С¹им.— Г—*ся*—С²тв.) представляют на самом деле совершенно различные структуры. В первых двух предложениях глагол находится в активной форме, в третьем — в пассивной. Если же попытаться определить «трансформационную историю» этих предложений, то первое из них восходит к предложению *Человек причесывается* (СГ), второе — к двум предложениям *Он вернулся — Он стал моряком* [СГ/С(Св)С]. Третье предложение порождено из структуры *Трактор обрабатывает поле* (С¹ им. — Г — С²вин.).

Итак, в данном случае форма С¹им. — Г — *ся* — С²тв. восходит к трем различным структурам:



Попытку классификации различных преобразований, возможных для конструкции с творительным падежом в русском языке, сделала Д. С. Уорф в статье «Трансформационный анализ конструкции с творительным падежом в русском языке»[4]. Она выделяет 6 видов конструкций с творительным падежом и показывает, в какие конструкции могут трансформироваться различные предложения с творительным падежом. Так, например, внутри формы С¹им.—Г—ся—С²тв. Уорф различает семь разных структур в зависимости от того, в какие структуры может трансформироваться эта конструкция. В частности, предложение *Учреждение руководится директором* может трансформироваться лишь в конструкцию С²им. — Г — С¹тв. (*Директор руководит учреждением*), а предложение *Луга заливались водой* трансформируется в конструкцию С² им.— Г—С² вин. (*Вода залила луга*), конструкцию С¹ вин.—Г—С² тв. (*Луга залило водой*) и в конструкцию Г—Пр—С².

Различного типа трансформации для формы С¹ им.—Г—*ся*—С² тв. представлены Д. С. Уорф в виде приводимой ниже таблицы, из которой следует, какие «совпадающие», но по существу различные конструкции скрываются за внешне тождественной формулой:

[4] D. S. Worth, Transform analysis of Russian instrumental constructions, «Word», vol. 14, № 2-3, 1958.

C^2им. — Г — C^1вин.	C^2им. — Г — C^1тв.	Г — ся — Пр	C^1 вин. — Г безл. — C^2 тв.	C^1им. — Г — C^3вин. — C^2тв.	C^1 им. — *был* — C^2 тв.	C^1 им. — Г — ся — Пр — C^2	
+	—	+	—	—	—	—	*Комната наполнялась толпой*
+	—	+	+	—	—	—	*Луга заливались водой*
+	—	—	—	—	—	—	*Счет составляется бухгалтером*
—	+	—	—	—	—	—	*Учреждение руководится директором*
(+)	—	+	—	+	—	—	*Студент порезался бритвой*
(—)	—	+	—	—	+	—	*Иван вернулся стариком*
(—)	—	—	—	—	—	+	*Баржи тянулись рядами*

Анализ «трансформационной истории» каждого типа обусловил возможность построения таблицы трансформационных соответствий для каждого из семи типов. В данном случае трансформационный анализ как метод оказался гораздо продуктивнее метода описания по «непосредственно составляющим», применяя который при анализе подобных конструкций нельзя было бы пойти далее определения общей формулы (C^1 им.—Г—*ся*—C^2 тв.).

Идея трансформационного метода анализа лингвистических явлений находит применение и при сопоставлении различных языковых систем. Несомненный интерес применение трансформационного анализа может представить при преподавании языка, когда учащийся, зная «трансформационную историю» и трансформационные возможности для большинства синтаксических структур, может более свободно конструировать фразы изучаемого языка.

Принципы трансформационного анализа используются для создания особого вида алгоритма машинного перевода, когда производится «свертывание» синтаксической структуры при анализе переводимого языка и соответственное «развертывание» при синтезе переводящего языка[5]. При синтезе в машинном переводе трансформационный анализ как таковой именно и является одним из ведущих методов машинного перевода. Если же понимать трансформационный метод более широко, как общий анализ синтаксических структур одного языка и их трансформацию в другом языке, то этот метод, как полагает И. Бар-Хиллел, может служить основой для машинного перевода в целом[6].

Трансформационный метод может применяться при преобразовании не только целых предложений, но и отдельных словосочетаний как глагольного, так и именного характера. Например, словосочетание *стеклянная посуда* трансформируется в конструкцию *посуда из стекла* (ПС→СПрС), конструкция *говорить громким голосом*

[5] Описание такой структуры алгоритма машинного перевода см. в статье Т. Н. Молошной «Некоторые вопросы синтаксиса в связи с машинным переводом с английского языка на русский», ВЯ, 1957, № 4.

[6] J. Bar-Hillel, Report on the state of machine translation in the United States and Great Britain, Jerusalem (Israel), 1959 (мимеогр. изд.).

(ГПС) — в конструкцию *громко говорить* (НГ)[7]. Подобные эквивалентные конструкции есть трансформационные преобразования одна другой. По своему употреблению такие синонимические эквиваленты, однако, отличаются от синонимических отношений на лексическом уровне. В последнем случае одна лексическая единица заменяется в речи другой при помощи простой подстановки: *Я увидел врага — Я увидел неприятеля.* При трансформационной же замене обязательно необходимы внутренние преобразования среди компонентов исходной структуры (*виноградное вино→вино из винограда*: П — С им.→ x_1 — x_2 →x_2 — *из* — x_3→С[1]им. — *из* — С[2]род.).

Несмотря на все более распространяющееся в последнее время применение трансформационного анализа как одного из продуктивных и новых методов исследования лингвистических явлений, в целом методику подобного подхода к языку нельзя считать единой и в достаточной степени установившейся. Прежде всего бросается в глаза неоднородность трансформаций, предлагаемых Хомским и Харрисом. Такая трансформация, как преобразование активной формы в пассивную, несомненно, имеет место в реальной речи и совершается каждым говорящим в каждом языке, где существуют две эти конструкции. Другие же трансформации, такие, как трансформация противоположности, уподобления и др., носят несколько искусственный характер. Не существует достаточно четких критериев для определения того, какую конструкцию считать для данного языка исходной, а какую производной от нее. Некоторые структуры могут при речевом процессе функционировать параллельно для носителя языка. Среди трансформаций, выделяемых Хомским, есть трансформации и слишком общего характера (трансформация отрицания, трансформация вопроса), и весьма частные, факультативные трансформации (типа трансформации сепарации для английского языка).

Наиболее сложный и спорный вопрос, возникающий в связи с изучением и применением трансформационного анализа,— это проблема значения синтаксической структуры. Если при ряде трансформаций (активно-пассивной, соединения и т. д.) общее значение (смысл) высказывания действительно остается неизменным и происходит лишь внешнее преобразование компонентов ядерной структуры, то при трансформации отрицания, трансформации вопроса и тому подобных трудно говорить о полной тождественности «исходной» и «преобразованной» структур. В ряде случаев приходится говорить о трансформации с добавлением некоторого элемента ($x + \alpha$), как, например, в трансформации *стеклянная посуда→посуда из стекла*, или о трансформациях с полным сохранением числа преобразуемых элементов. В связи с этой неопределенностью в понимании «значения» неясным остается вопрос о границах применения трансформационного метода. Излишне широкое понимание этого приема анализа может привести к универсализации самого понятия трансформаций и трансформ, которые, перестав быть точными и единообразными, потеряют свое значение для научного исследования[8].

Т. М. Николаева

---

[7] Классификация подобных эквивалентных переходов и трансформаций для разного рода сочетаний в русском языке проделана З. М. Волоцкой (З. М. Волоцкая, Вопросы словообразования при переходе от языка-посредника к выходному языку, «Тезисы Совещания по математической лингвистике», Л., 1959).

[8] Помимо работ по трансформационному анализу, указанных в статье, см. также следующую литературу: «Тезисы Совещания по математической лингвистике», Л., 1959; Z. S. Harris, Co-occurrence and transformation in linguistic structure, «Language», vol. 33, № 3, 1957; N. Chomsky, Three models for the description of language, «I.R.E. Transactions on information theory», vol. IT-2, № 3, Sept., 1956; N. Chomsky, Linguistics, logic, psychology and computers. Lectures given at the University of Michigan, 1958; R. B. Lees, [рец. на кн.:] N. Chomsky, Syntactic structures..., «Language», vol. 33, № 3, 1957.

№ 1 1960

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ АМЕРИКАНИСТИКИ

Американистика — одна из наиболее молодых ветвей сравнительно-исторического языкознания, возникшая в последней трети XIX в. Исследователи разнообразных и многочисленных (до тысячи) индейских языков Америки на первых порах ограничивались составлением кратких словарей или текстов, выполненных на низком методологическом уровне. Методика записи текстов была усовершенствована Дж. О. Дорси, выдвинувшим идею записи текстов самими индейцами (большую роль в публикации таких текстов сыграла серия «Library of aboriginal literature», основанная Д. Бринтоном); в то же время, начиная с Ф. Боаса, требовавшего скрупулезной фиксации эмпирического материала с целью изложить грамматику каждого языка, не копируя латинскую схему, были достигнуты успехи и в методике описания[1]. Однако несмотря на привлечение к работе многих исследователей и студентов, проходящих практику в резервациях, американисты жалуются на медленные темпы собирания материала и еще более отстающую его публикацию[2]. Лучше всего описаны языки в США и Канаде, многое делается в последнее время в Мексике, но в остальной Америке положение остается совершенно неудовлетворительным; так, в Колумбии с ее языковым разнообразием языки аборигенов почти не изучаются, а информация о языках восточной Венесуэлы не поступала со времен А. фон Гумбольдта. А между тем вследствие продолжающейся ассимиляции многих племен навсегда утрачивается ценный лингвистический материал (в Южной Америке, например, исчезло до 200—300 идиом)[3]. Хотя после Фр. Боаса, писавшего в 1917 г. о фрагментарности наших знаний об индейских языках, американистика добилась заметных успехов, М. Сводеш еще в 1954 г. отмечал, что едва ли можно предпринять исследование какой-либо их ветви без предварительного сбора фактов[4].

Специфическая особенность индейского языкознания — нерешенность проблемы генетического взаимоотношения языковых группировок. Обращает на себя внимание, с одной стороны, факт наличия языков со значительными лексическими расхождениями при тесном морфологическом сходстве (классическим примером этого является «группа» запотек в Южной Мексике[5]), а с другой стороны, зональность значительного числа явлений, например, отсутствие назализованных гласных в северо-западной части Северной Америки при наличии их на равнинах Востока и центра, обилие фонем заднего образования и латеральных в различных языках северной части Тихоокеанского побережья, редупликация основ как морфологический прием (на Великих Равнинах и в Восточной Лесной Области) при слабом развитии этих форм на узком участке побережья Тихого океана в Северной Америке, ограниченность ареала распространения подлинных форм инкорпорации с включением именного объекта и т. д.[6].

---

[1] См. F. Boas, Introduction, «International journal of American linguistics», vol. I, 1917, стр. 1; ср. также его образцовые работы в «Handbook of American languages», Washington, 1911, стр. 283—422, 422—557, 558—677 и 875—965.

[2] Материалы и исследования по языкам публикуются: в «Handbook of American languages»; «International journal of American linguistics» (IJAL); «American anthropologist» (AA); «University of California publications in linguistics» (UCPL); «University of California publications in anthropology and ethnology»; «Language»; «Word»; «Journal de la société des américanistes»; «El México antiguo»; «Investigaciónes linguisticas»; «America indigena»; «Revista de la sociedad cientifico del Paraguay» и др. изданиях.

[3] См. J. H. Rowe, Linguistic classification problems in South America, UCPL, vol. 10, 1954, стр. 13 и сл.

[4] См. M. Swadesh, Perspectives and problems of Amerindian comparative linguistics, сб. «Linguistics today», New York, 1954, стр. 187.

[5] См. Jaime de Angulo, The linguistic tangle of Oaxaca, «Language», vol. 1, № 3, 1925, стр. 96—102; Jaime de Angulo, L. S. Freeland, The Zapotekan linguistic group, IJAL, vol. VIII, № 1, 1933, стр. 1—38.

[6] Ср.: F. Boas, The classification of American languages, AA, vol. 22, № 3, 1920, стр. 367—376; его же, Handbook of American languages, I — Introduction, Washington, 1911, стр. 75; T. Milewski, Phonological typology of Ame-

Одну из особых проблем американистики составляет методика сравнения отдаленно родственных языков или группировок (long-range comparison), отстоящих друг от друга значительно дальше, чем, например, различные индоевропейские языки (именно при исследовании таких языков М. Сводеш использует термины «microphylum», «mesophylum» и «macrophylum»)[7]. Основы этой методики пытался заложить еще Э. Сепир, акцентировавший в ней роль морфологической структуры языка. Ныне в повестку дня американистики в этой связи ставятся «цепное» сравнение, метод интерсекции; были предприняты и попытки использования лексико-статистического метода абсолютной датировки доисторических языковых дивергенций (глоттохронологии) для установления самого факта родства языков[8]. Здесь же отметим, что американисты, широко использующие остающуюся дискуссионной глоттохронологию, получили интересные цифровые данные временнóй глубины (time-depth) различных групп индейских языков[9].

Почти полное отсутствие письменной традиции в индейских языках также определяет особенности их сравнительно-исторического исследования. Остается неясным, насколько ценен в этой связи язык майя, представленный письменными памятниками с первых веков н. э. и использующий наряду с иероглифами фонетические написания. Между тем в Америке немало предположительно родственных языков, историю которых, возможно, не удастся проследить с достоверностью без памятников письменности.

Вследствие отсутствия точного и обширного материала, который позволил бы при установлении взаимоотношения и истории развития языков Америки[10] обратиться к критерию регулярности звуковых соответствий, попытки применения сравнительно-исторического метода здесь до второго десятилетия XX в. терпели неудачи[11]. Когда в конце XIX в. американисты убедились в том, что сравнение словарей языков, историю которых нельзя проследить, ничего не дает, возникла тенденция к систематизации типологических сопоставлений, приводившая к главенствующей роли морфологической классификации[12]. Однако последняя, будучи противоречивой и игнорируя реальные связи ряда языков, не дала положительных результатов. Перед лицом всех этих неудач Ф. Боас писал, что невозможно четко сгруппировать все американские языки в генеалогическую схему, в которой каждая лингвистическая семья была бы показана в развитии до современных форм; приходится признать, что многие из языков неоднородны по своему происхождению[13]. Лишь дальнейшее накопление материала позволило американистам осознать, что многочисленные индейские языки сложились в основном в процессе дифференциации значительно меньшего числа ранее существовавших на континенте и что решение историко-генетических проблем зависит от констатации системы регулярных звукосоответствий[14]. Именно на этом пути американистика достигла оптимальных результатов.

В 1913 г. появилась монография Э. Сепира, посвященная реконструкции фонологической системы юто-ацтекского праязыка на основе схемы синхронных соответствий между шестью близко родственными группами языков; в дальнейшем основы юто-ацтекского языкознания, заложенные Э. Сепиром, успешно развивались путем привлечения к сравнению более широкого генетического материала[15].

Почти параллельно аналогичная работа велась по семье на-дене, где родство языков хайда и тлингит с реконструиро-

---

rican Indian languages, «Lingua posnaniensis», IV, 1953, стр. 229—276.

[7] См. M. Swadesh, Perspectives and problems..., стр. 206—207.

[8] См. M. Swadesh, Perspectives and problems..., стр. 195—201; см. также G. H. Fairbanks, A note on glottochronology, IJAL, vol. 21, № 2, 1955, стр. 116—120.

[9] Ср.: M. Swadesh, Time-depths of American linguistic groupings, AA, vol. 56, № 3, 1954, стр. 361—364; его же, Towards greater accuracy in lexicostatistic dating, IJAL, vol. 21, № 2, 1955, стр. 121—137; A. L. Kroeber, Linguistic time-depth results so far and their meaning, IJAL, vol. 21, № 2, 1955, стр. 91—110; H. Hoijer, The chronology of the Athapaskan languages, IJAL, vol. 22, № 1, 1956, стр. 219—239.

[10] Если учесть, что исследование индейских языков сначала мыслилось как составная часть комплексного изучения аборигенов Америки и длительное время направлялось созданным в 1879 г. Бюро американской этнологии, станет понятным, почему индейское языкознание долго обслуживало интересы этнологии и антропологии и почему до сих пор чувствуется тесная связь между этими дисциплинами. Ср. A. L. Kroeber, Some relations of linguistics and ethnology, «Language», vol. 17, № 4, 1941, стр. 287—291.

[11] См. S. Newman, American Indian linguistics in the Southwest, AA, vol. 56, № 4, 1954, стр. 628.

[12] Ср., например: D. G. Brinton, The American race. A linguistic classification and ethnographic description of the native tribes of North and South America, Philadelphia, 1901, стр. X.

[13] F. Boas, Classification of American Indian languages, «Language», vol. 5, № 1, 1929, стр. 7.

[14] Ср. J. H. Rowe, указ. соч., стр. 23.

[15] См. E. Sapir, Southern Paiute and Nahuatl: I — JSA, vol. 10, 1913, стр. 379—425; II — AA, vol. 17, 1915, стр. 98—120 и 306—328; B. L. Whorf, The comparative linguistics of Uto-Aztecan, AA, vol. 37, № 4, 1935, стр. 600—608.

ванным протоатабаскским было доказано на материалах сравнительного словаря примерно тридцатью соответствиями [16]. Путем строгого применения сравнительно-исторического метода к близким группам алгонкинских языков Л. Блумфилду удалось выполнить реконструкцию центрального протоалгонкинского языка, что дало возможность последующим алгонкинистам значительно углубить сравнение [17]. В то же время в остальных случаях, где практикуются исторические штудии, налицо обычно весьма узкие языковые группировки с далеко идущими совпадениями (структура основ типа «согласный + гласный + согласный» и даже «согласный + + гласный + согласный + гласный», которые широко представлены во многих языках Америки и обеспечивают относительную достоверность сравнения) [18]. К тому же в целом таких работ явно недостаточно, что видно из оценок состояния разработки индейских языков, даваемых самими американистами. Так, например, из 423 монографий и статей по этим языкам, опубликованных с 1930 г., лишь более 50, главным образом краткие статьи, так или иначе посвящены историческим вопросам [19]. Вместе с тем и они представляются М. Сводешу скорее общими предположениями, чем продуктом развитой фонологической теории [20].

Сравнение кратких словарей дало возможность первому директору Бюро американской этнологии Дж. У. Пауэллу в 1891 г. составить схему классификации языков Северной Америки [21]. Несмотря на словарную основу этой схемы, включавшей 58 семей, в ней учитывалось лишь наиболее тесное и неоспоримое родство языков. С незначительной модификацией принимал ее и Ф. Боас [22]. Еще Дж. У. Пауэлл и его сотрудники А. С. Гэтшет и Дж. О. Дорси считали эту классификацию предварительной. В дальнейшем Э. Сепир, много работавший в указанном направлении, а под его влиянием А. Кребер, Р. Диксон и частично П. Радин на почве структурных и отчасти лексических сближений предприняли ряд попыток объединения ранее выделенных семей в более крупные и, естественно, уже более отдаленно родственные языковые группировки. Итогом работы явилась знаменитая классификация Э. Сепира (1929 г.), ориентировавшегося не на строгую методику сравнительно-исторического исследования, а на наиболее систематически наблюдаемые в группах языков структурные черты, которые, как он полагал, не могут заимствоваться [23]. Обилие прежних семей сведено здесь к шести так называемым большим ветвям (super-stocks), отношения между которыми подлежат исследованию. По Э. Сепиру, в Северной Америке налицо следующие группировки: эскимосская, надене (известная отчасти еще с середины XIX в. под именем атабаскской; позднее других, лишь в 1930 г., обнаружен относящийся сюда язык эяк), алгонкин-вакаш, или алгонкинская (в составе 51 языка), пенутья (на крайнем западе и в Калифорнии; она включает 13 семей, как указали А. Кребер и Р. Диксон), юто-ацтек (на юго-западе США и в Мексике) и, наконец, хока-сью (фактом большой исторической значимости является наличие представителей этой семьи и в Южной Америке) [24]. Следует отметить, что некоторые американисты принимают эту схему условно или с оговорками, полагая, что материал, исследованный Э. Сепиром, мог быть иногда недостаточным, а отдаленное родство отдельных семей — не очевидным. Ч. Вёглин даже считает неясным, основывается ли она действительно на генетическом родстве или опирается на усвоение «дифференциального типа» [25]. Наибольшие сомнения высказаны в литературе о реальном родстве группы хока, в которую в 1913, 1918, 1928 и 1943 гг. были включены новые ингредиенты. Тем не менее справедливым представляется мнение А. Кребера, счи-

---

[16] См. E. Sapir, The Na-dene languages. A preliminary report, AA, vol. 17, № 4, 1915, стр. 534—558.

[17] См. L. Bloomfield, On the sound-system of Central Algonquian, «Language», vol. I, № 4, 1925, стр. 130—156; см., кроме того, образцовую статью T. Michelson, Phonetic shifts in Algonquian languages, IJAL, vol. VIII, № 1, 1933, стр. 131—171, а также посвященный Фр. Боасу номер «Language» (vol. 17, № 4, 1941, стр. 287—315).

[18] Ср. M. R. Haas, Natchez and Muskogean languages, «Language», vol. 32, № 1, 1956, стр. 61—72; R. E. Longacre, Proto-Mixtecan, IJAL, vol. 23, № 4, 1957 и др.

[19] См. H. Hoijer, Comment to St. Newmans «American Indian linguistics in the Southwest», AA, vol. 56, № 4, 1954, стр. 637; G. L. Trager, The language of America, AA, vol. 57, № 6, 1955, стр. 1185.

[20] M. Swadesh, Perspectives and problems..., стр. 188.

[21] J. W. Powell, Indian linguistic families north of Mexico, «7-th annual report of the Bureau of American ethnology, 1885—1886», Washington, 1891, стр. 1—142.

[22] Fr. Boas, Handbook of American languages, I, Washington, стр. 82—83.

[23] E. Sapir, Central and north American languages, «Encyclopaedia Britannica», 14-th ed., vol. V, London, 1929, стр. 138—141.

[24] Ср. J. P. Harrington, Hokan discovered in South America, «Journal of the Washington Academy of sciences», vol. 33, № 11, 1943, стр. 334—344 (по словам М. Сводеша, часть сопоставлений кечуа с хока выглядит очень убедительно, хотя в общем материал не приводит с неизбежностью к выводу о родстве обеих групп).

[25] См. C. F. Voegelin, Continuation of «International journal of American linguistics»,», IJAL, vol. 10, № 4, 1944, стр. 111.

тающего, что «интуитивный гений» Э. Сепира сообщает его классификации значительную ценность [26].

В Южной Америке все еще нет необходимых предпосылок для проведения работы, аналогичной трудам Э. Сепира, и налицо лишь предварительные наброски, схемы. Попытки классификации южноамериканских языков оказались несостоятельными с методологической точки зрения (использованы нелингвистические критерии) [27]. Вместо предполагавшихся в 1924 г. 75 языковых семей после обнаружения новых языков, а также выделения старых из генетически неоправданных группировок ныне насчитывают до 108 семей. К недавнему времени относится попытка П. Мак Куна на основе звуковых соответствий констатировать 17 больших и 38 малых семей [28]. Наиболее „устоявшимися" из них представляются караибо-аравакская (север Южной Америки и Малые Антильские о-ва), тупи-гварани и жэ (в основном в Бразилии), чибча (Панама, Колумбия) и чон (Аргентина).

Первые американисты, основываясь на некоторых широко распространенных структурных особенностях индейских языков, были склонны видеть их генетическое единство. С накоплением материала, однако, положение изменилось. Вследствие выявившихся значительных расхождений в грамматической структуре (налицо, например, изолирующие, агглютинирующие и инкорпорирующие языки) и фонологии американисты в настоящее время не видят их родства и придают термину «индейские языки» только географическое значение.

Так, Г. Хойджэр считает, что никоим образом не видно, чтобы эти языки были родственными, и что на деле справедливо обратное: в Америке мы имеем область наибольшего языкового разнообразия, чем где бы то ни было в остальном мире. Только в штате Калифорния, по Э. Сепиру, налицо большие и более многочисленные «лингвистические крайности», чем те, которые наблюдаются во всей Европе [29]. Этот взгляд поддерживается данными археологии, согласно которым заселение Америки человеком происходило несколькими разновременными волнами. В американистике, начиная с Э. Сепира, имеется тенденция признавать более древними на континенте лингвистические ветви, представленные расчлененными географическими ареалами с сильно дифференцированными языками, и, наоборот, более поздними — ветви, выступающие сравнительно монолитными и мало дифференцированными массивами, как, например, эскимосская и на-дене [30].

Вместе с тем в литературе отмечена повторяемость отдельных структурных и материальных элементов в обеих частях Америки, что нуждается в объяснении и внушает некоторым американистам мысль о возможности доказательства родства всех или большей части индейских языков в будущем. Общеизвестны, например, тенденция этих языков к полисинтетизму и распространенность в них музыкального тона, имеющего фонематическое значение. От Аляски до Огненной Земли поразительно популярны местоименные основы *n*-(→ j-) для 1-го и *m*- для 2-го лица ед. числа. К северу и к югу от экватора прослеживаются вариации одной и той же основы в значениях: «человек», «рука — давать», «рот — губа», «шея», «зуб — камень», «волосы» и т. д.; ср., например, «рот»:

квакитуль	*sms	сью	*sima*
сахаптин	*sim	кечумара	*simi
(кечуа *simi*, аймара *simija* «губа»)			
майду	*sim	техуельча	*šam*
йокумс	*sama	она	*šem*
			(«губа») [31]

Из конкретных сближений между «большими ветвями» пока заслуживает внимания лишь гипотеза Б. Уорфа об отдаленном родстве между юто-ацтек-тано, пенутья и майя-зок [32]. В то же время попытка П. Радина показать генетическое единство языков Северной Америки признается во всяком случае преждевременной [33].

Работы, рассматривающие отношения индейских языков к лингвистическим группировкам Старого Света, обычно демонстрируют отсутствие должного методологического уровня сравнения. В этом плане объектом самых фантастических теорий являются языки древней цивилизации инков в Перу и Боливии — кечуа и аймара. Несмотря на продолжающиеся исследования, до сих пор не приводит к убедительным результатам и попытка Э. Сепира связать группу на-дене в Северной Америке с тибето-китайскими языками [34]. В то же время интересные сопоставления с палеоазиатскими языками пока не выходят за пределы структурных аналогий.

---

[26] A. L. Kroeber, The work of John R. Swanton, сб. «Essays in historical anthropology of North America» («Smithsonian miscellaneous collections», vol. 100), Washington, 1940, стр. 7.

[27] См. N. A. McQuown, The indigenous languages of Latin America, AA, vol. 57, № 3, 1955, стр. 511.

[28] Там же, стр. 501 и сл.

[29] См. E. Sapir, M. Swadesh, American Indian grammatical categories, «Word», vol. 2, № 2, 1946, стр. 103.

[30] См. E. Sapis, Time perspective in aboriginal American culture, Ottawa, 1916, стр. 76—83; см. также: C. F. Voegelin, Relative chronology of North American linguistic types, AA, vol. 47, № 2, 1945, стр. 232—234.

[31] См. M. Swadesh, Perspectives and problems..., стр. 189—192.

[32] Ср. B. L. Whorf, The comparative linguistics of Uto-Aztecan, стр. 600—608.

[33] Ср. M. Swadesh, Perspectives and problems..., стр. 188.

[34] Ср. R. Shafer, Athapaskan and Sino-Tibetan, IJAL, vol. 18, № 1, 1952, стр. 12—19; его же, Note on Athapaskan and Sino-Tibetan, IJAL, vol. 23, № 2, 1957, стр. 116—117.

Таким образом, совершенно очевидно, что уже не говоря об актуальности дальнейшего собирания фактического материала, для облегчения чего, видимо, необходимо издание систематических руководств для полевого исследования и общего введения в изучение индейских языков, молодость американистики обусловливает наличие здесь большого числа нерешенных проблем.

Следует указать на сильное отставание диалектологии, даже не отмеченной в числе проблем индейского языкознания у Ф. Боаса, хотя нет сомнения, что изучение диалектов таких групп, как на-дене, алгонкин и сью, даст многое для наблюдения за процессом дифференциации языков в миниатюре. Не разработаны вопросы взаимодействия языков и лишь начинается исследование влияния испанского языка, приводящего в отдельных случаях к модификации исконного синтаксического типа. Неясны здесь и пути изучения синтаксиса. Между тем совершенно очевидно, что разработка американистической проблематики многим обогатит общелингвистическую теорию[35].

Американисты считают, что залогом дальнейшего развития этой дисциплины должно являться более правильное понимание наличного материала, нахождение улучшенной методологии и, наконец, длительная и терпеливая работа по применению ее к фактам[36].

---

[35] Ср. E. Sapir, The relation of American Indian linguistics to general linguistics, «Sonthwestern journal of anthropology», vol. 3, № 1, 1947, стр. 1—4.

[36] См. M. Swadesh, Perspectives and problems..., стр. 187.

Г. А. Климов

РЕЦЕНЗИИ

J. Loja. **Valodniecības pamatjautājumi.**— Rīgā, 1958. 359 стр.

Работа проф. Я. В. Лоя «Основные вопросы языкознания» состоит из семи основных разделов (Введение; Общие вопросы языкознания; Лексикология, фразематика, лексикография; Фонетика; Грамматика; Стилистика; Письмо), включающих в себя более мелкие подразделения. В книге имеются очень краткое предисловие и обширный список специальной литературы. Нет возможности в краткой рецензии остановиться на всех вопросах, затронутых в работе столь широкого охвата. Как положительную сторону этой во многом своеобразно написанной работы нужно отметить то, что в целом ряде случаев в ней приводится свежий и интересный иллюстративный материал. Следует указать также, что по многим сложным вопросам, не получившим до сих пор однозначного решения, проф. Я. В. Лоя решительно и определенно высказывает собственную точку зрения, приводя в ряде случаев самостоятельную аргументацию. Не вдаваясь в полемику с автором по отдельным спорным положениям (категорическое исключение словообразования из лексикологии и отнесение его к морфологии; рисуемая автором картина возникновения первичного языка; отрицание системного характера лексики в отличие от фонетики и грамматики; некоторые синтаксические воззрения автора и др.), считаем целесообразным, однако, остановиться на отдельных неточностях и противоречиях работы.

Очень большое место в книге (стр. 53—123) уделено генеалогической классификации языков. Достоинством рассматриваемой части является то, что классификация большого числа языков не превращается в их простой перечень, а сопровождается живо изложенными сведениями о территориальном распространении языков, об их строе, количестве говорящих на них, истории, памятниках, о важнейших национальных писателях и т. п.

Отметим некоторые частные недостатки. Непонятно, почему сербский и хорватский варианты литературного сербскохорватского языка представлены как отдельные языки, почему резьянский диалект словенского языка (не всегда выделяемый даже в качестве диалекта) фигурирует в классификации как самостоятельный язык. Ошибочно (или неудачно сформулировано?) замечание о том, что из четырех современных северногерманских языков — исландский, норвежский, датский и шведский — «первые два более близки между собой и образуют западную группу северногерманских языков, два другие — восточную группу» (стр. 85). Исландский и норвежский, датский и шведский «более близки» между собой только в отношении географического распространения. Что же касается собственно лингвистической характеристики, то грамматические и лексические различия наиболее заметны между исландским — с одной стороны, и датским, шведским и норвежским — с другой, и наименее заметны между датским и норвежским, а фонетические наиболее значительны опять же между исландским и остальными скандинавскими языками, из которых шведский и норвежский очень близки между собой в фонетическом отношении, резко отличаясь от датского.

Неточным представляется определение различия между генеалогической и морфологической классификацией языков, данное на стр. 123: «...генеалогическая классификация языков распределяет языки по определенным группам по материальному сходству, т. е. по родству корней. Типологическая классификация языков устанавливает определенные языковые типы по структурному сходству, независимо от родства или неродства языков...». Такое понимание материального сходства («по материальному сходству, т. е. по родству корней»), как основания генеалогической классификации языков, является, несомненно, слишком узким. Важнейшим критерием для установления родства языков является не «родство корней» (оно может быть, например, результатом заимствования), а генетическое тождество грамматических (словообразовательных и, в особенности, словоизменительных) морфем. Противопоставление принципа «материального сходства», понимаемого как «родство корней», принципу «структурного сходства» при типологической классификации не дает ясного понимания того, что в вопросе об установлении родства языков на первом месте стоит сравнение грамматического строя языков, а не их словарного состава (впрочем, ниже, в разделе, специально посвященном сравнительно-историческому методу, находим совершенно справедливые указания на то, что «сходство между родственными языками является материальным сходством звуков, слов и форм и при этом не случайным сходством отдельных слов и форм, а регулярным сходством всей системы слов и особенно форм»— стр. 151).

Остается пожалеть об отсутствии примеров морфологических соответствий в родственных языках в подразделе, посвященном сравнительно-историческому методу (стр. 151—158). Единственный пример, относящийся к области сравнительной морфологии [«чтобы узнать, что существительные мужского рода (напр., латышское *vilks* и литовское *vĩlkas*) в индоевропейском языке-основе имели окончание *-os*, нам следует обратиться к греческому языку (*lýkos* — волк)» — стр. 153], ничего не дает ни для представления о методике установления генетического тождества, ни для уяснения методов реконструкции соответствующих форм.

Вероятно, стоило бы определение сравнительно-исторического метода (стр. 151) и замечание о том, что «сравнительно-исторический метод применим только при исследовании родственных языков» (см. там же), дополнить указанием на то, что проникнуть в историю языка можно и на основе сравнения при помощи этого метода фактов одного и того же языка на разных ступенях его развития, а также и фактов одного языка, существующих в нем синхронно, тем более, что на стр. 152 дается (без каких-либо комментариев) пример, относящийся именно к области так называемой «внутренней реконструкции».

В разделе «Морфологическая классификация языков» не вполне ясно изложен вопрос о синтетическом и аналитическом строе языков. Может вызвать недоумение такое, например, определение, как: «Аналитические языки — это такие языки, в которых самостоятельное слово морфологически децентрализовано, состоит из нескольких слов (разрядка моя. — *Т. Б.*) и в которых отношения самостоятельных слов к другим словам в предложении выражаются служебными словами, например, предлогами, порядком слов в предложении и т. д.» (стр. 128). Очевидно, лучше было бы исключить из этого определения неясную формулировку о том, что «слово... состоит из нескольких слов», ограничившись второй его частью. Терминологической небрежностью можно объяснить такую формулировку, как «по-английски формой родительного падежа „человека" является *of the man*, по-французски — *de l'homme*» (стр. 128; разрядка моя.— *Т. Б.*). Кстати, эти примеры полезно было бы снабдить комментариями (например, указанием на то, что *man* и *homme* являются здесь носителями основного значения, а *of* и *de* — дополнительного, грамматического), которые могли бы сделать более понятным, что́ подразумевается под «морфологической децентрализацией самостоятельного слова». Не вполне убедительным опровержением мнения о большей «прогрессивности» аналитического строя по сравнению с синтетическим представляются замечания о том, что «превращение языка из синтетического в аналитический... является процессом естественного языкового развития... На месте одной грамматической системы возникает новая... Нет абсолютно четких границ между аналитизмом и синтетизмом. В большей части языков имеются элементы обоих строев» (стр. 128). Для утверждения «равноправия» аналитического и синтетического способа выражения грамматических значений уместно было бы вспомнить о тех известных случаях в истории некоторых языков, когда старые аналитические формы уступали место новым синтетическим (латинский аффикс будущего времени из *habere*; французский — из *avoir*; ср. также тенденцию к образованию синтетических форм степеней сравнения в английских многосложных прилагательных и пр.).

Определение задач лексикологии, данное автором, как кажется, противоречит его же определению задач этимологии. С одной стороны, «лексикология рассматривает слова как неделимые (бесструктурные) и неизменные обозначения лексических значений. Поэтому к лексике принадлежат готовые слова, но не словообразование. Место словообразования — в морфологии» (стр. 159), с другой стороны, к этимологии, т. е. «особой области лексикологии», «относятся вопросы об этимологии слов и этимологическом значении, об облике (par vārda tēlu) слова (и — шире — о внутренней форме слов), о деэтимологизации и о народной этимологии» (стр. 160; разрядка везде моя.— *Т. Б.*).

Следовало бы более подробно остановиться на необходимости при установлении этимологии слов учитывать строгие фонетические соответствия, существующие между привлекаемыми к исследованию языками. Примеры, приводимые в соответствующем месте книги («Так, например, если мы латышское слово „dūmi" сопоставляем с лит. *dū́mai*, русск. *дым*, снскр. *dhūmás*, греч. *thymós*, лат. *fumus* и т. д., то мы говорим, что это и есть этимология слова „dūmi". Слово „ēvele" происходит от ср.-н.-нем. „hövel"— такова этимология этого слова»— стр. 160), не дают ясного представления о методах и принципах научного этимологизирования, так как они не сопровождаются комментариями о закономерности соответствия балт.-слав. *d* — др.-инд. *dh* — греч. *th* — лат. *f*; балт. *ū* — слав. *ы* и т. д.

Общеизвестна трудность определения некоторых важнейших лингвистических понятий — таких, как «слово», «предложение» и др. Следует все же заметить, что определение слова, данное проф. Я. В. Лоя на стр. 166 («Слово в лексикологии — это звук или совокупность звуков, связанная в данном языке с определенным значением»), является не лучшим из существующих, так как морфема, словосочетание, предложение или ряд предложений также подходят под это определение. К тому же сам автор, подчеркивая неделимость слова как объекта лексикологии, приравнивает к слову номинативное словосочетание (стр. 166; ср. также стр. 266). Границы и природа слова как такового оказываются, таким образом, неясными.

В связи с главой «Три направления

в развитии лексики» (стр. 176—185) можно сделать следующие замечания. Не отличается четкостью рассмотрение вопроса о лексических архаизмах. Здесь автор различает «vecvārdi» (*vecs* — «старый, древний, ветхий») и «senvārdi» (*sens*— «старинный, древний, старый»). К первым относятся «слова, которые вышли из общего употребления и которые именно из-за их „неповседневности" могут быть употреблены в более высоком, торжественном стиле или в поэзии» (стр. 176). Ко вторым — «слова, которые полностью подверглись забвению, окончательно исчезнув из языка» (стр. 177).

Приведенные примеры не выясняют в достаточной степени соответствующих понятий. С одной стороны, примеры внутри каждого из подразделений не однородны. Так, к «vecvārdiem» наряду с действительно стилистическими архаизмами *avs* «овца, агнец», *biķeris* «кубок», *citkārt* «иногда», *dieveris* «деверь» и т. п., т. е. словами, которые перестали употребляться в современном латышском языке, заменившись другими словами, отнесены такие слова, как *baļārs* «боярин», *bandinieks* — истор. «батрак, получавший от хозяина в качестве заработной платы кусок земли в пользование» (это слово, кстати сказать, употребляется в современном латышском в терминологическом значении «пешка» без какой бы то ни было стилистической окраски), *kriens* «плата за невесту», *sagša* «сагша» (большой тканый шерстяной платок, принадлежность латышского национального костюма),— т. е. слова, исчезнувшие из активного запаса говорящих вместе с исчезновением из действительности соответствующих явлений или понятий (так называемые «историзмы»). С другой стороны, некоторые примеры из одного подразделения представляются однородными с примерами из другого. Так, слово *smirds* «смерд», отнесенное ко второму подразделению, по-видимому, в стилистическом отношении не отличается, например, от слова *bandinieks*, приведенного в первом подразделении, слово *matīt* «думать, чувствовать» приведено и в том, и в другом подразделении.

Последнее подразделение главы, посвященной развитию лексики, касается изменения значения слов (стр. 183—185). Следует отметить, что не все из одиннадцати выделяемых автором «главных видов изменения значения слов» (каждому виду посвящен отдельный параграф) иллюстрируются удачными примерами. Так, в качестве примера развития абстрактного значения из обозначения конкретных предметов (§ 1) приводится лат. *pecunia* «деньги», образованное от *pecus* «скот». Не говоря о том, что здесь речь идет о семантическом соотношении производящего и производного слова, степень «отвлеченности» обоих приведенных значений представляется одинаковой. Можно сомневаться в том, что примеры, приводимые в § 5 (слово *fronte*, которое «раньше обозначало только „линию между двумя войсками", теперь же „любую борьбу": „фронт науки", „фронт техники"», и слово *spārni* „крылья"— «первоначально только у птицы, позже — у мельницы, самолета и др.»), являются иллюстрацией «расширения значения слова».

При определении различия между полисемией и омонимией автор выдвигает традиционный субъективно-психологический критерий («ощущается» или «не ощущается» связь между значениями — стр. 185). Распространенным является и то понимание антонимии и синонимии, которого придерживается автор, однако оно вряд ли может быть признано состоятельным. Указывая, что «в контексте синонимами могут стать слова, которые по своему лексическому значению далеко отстоят друг от друга» (стр. 187), автор, по сути дела, лишает понятие синонима всякого лингвистического содержания. То, что «одного и того же человека при определенных обстоятельствах, например в вагоне, можно назвать то „гражданин", то „пассажир", то „молодой человек" (стр. 187), очевидно, никак не относится к лексикологии. Точно так же вряд ли целесообразно считать антонимами *умереть — жить* (почему не *родиться* или *выздороветь*?), *миг — вечность*, *плакать — смеяться*, *сладкий — горький* и т.п. (стр. 185—186). Наличие контрастно-ассоциативной связи между теми или иными словами (часто различной в разных ситуациях), по-видимому, не может служить основанием для признания этих слов антонимами, если слову «антонимы» придавать какое-либо терминологическое значение.

Несколько частных замечаний. Вряд ли удачным примером иноязычного слова, которое «со временем уступает место слову данного языка» (стр. 164), является *dieveris* «деверь», замененное словом *vīrabrālis* (буквально «брат мужа»). Не ясно, в каком смысле это известное многим индоевропейским языкам слово (в том числе литовскому — ср. совр. литов. *dieveris*), восходящее, по-видимому, к индоевропейскому праязыку, названо «иноязычным». Есть неточности в распределении слов, принадлежащих к основному словарному фонду латышского языка, по четырем рубрикам (см. стр. 164—165): слово *debesis* «облако», по-видимому, должно быть отнесено к «индоевропейскому», а не к «восточнобалтийскому» фонду; точные литовские соответствия имеют латыш. *kāts*, *saukt*, *sirms* (ср. литов. *kotas*, *šaukti*, *širmas*), помещенные автором в группу слов, имеющихся «только в латышском языке»; глагол *bārt* следовало включить по крайней мере в третью группу (ср. литов. *barti*), а может быть, и в первую (ср. русск. *бороть* — *брань* и другие индоевропейские соответствия). Едва ли есть основания приводить русское *нож* (стр. 195; ср. также стр. 147) среди заимствований из балтийских языков (др.-прусск. *nagis* «кремень»): слово вполне убедительно этимологизируется на славянской почве (ср.-*нзить*, восходящее, по мнению некоторых ученых, к и.-е. **enogh* «колоть»).

В разделе «Фонетика» недостаточно четким представляется определение терминов «вариант» и «вариофон» (стр. 228; из этого определения, а также из приводимых иллюстраций можно заключить, что «вариант»

соответствует «вариации», а «вариофон»— «варианту» в терминологии московских фонологов. Заметим, что в связи с этим является нежелательным нетерминологическое употребление на стр. 234 слова «вариации» по отношению к узкому *e* и широкому *ę* латышского языка, названным на стр. 228 «вариофонами»). Непонятно, почему из фонематической системы латышского языка оказались исключенными простые долгие гласные (см. перечисление латышских фонем на стр. 227): как известно, квантитативное различие между простыми гласными латышского языка является фонологически значимым (на это указывает и сам автор на стр. 219 и 241, приводя многочисленные примеры фонематической самостоятельности соответствующих кратких и долгих гласных). Ошибочно замечание о том, что «смягчение согласных в немецком и русском языках зависит от характера последующего гласного» в отличие от «постоянной мягкости» латышских среднеязычных *ļ*, *ņ*, *ķ*, *ģ*, «независимой от следующего гласного» (стр. 236). В русском языке твердость-мягкость согласных потому и имеет фонологическое значение, что как раз не зависит от последующего гласного (исключение составляют только заднеязычные), отличие же смягченных (палатализованных) согласных русского языка от мягких (палатальных) согласных латышского состоит в том, что для первых поднятие языка к твердому нёбу является дополнительной артикуляцией, для вторых же — основной.

В связи с разделом «Грамматика» можно сделать следующие замечания. Совершенно справедливы указания проф. Я. В. Лоя на то, что «так как классы слов являются грамматической категорией, следует давать им грамматическое определение. Нельзя, например, определять существительное, перечисляя бесконечное множество различных реально-лексических явлений, как это часто делается в школьных грамматиках» (стр. 274—275). Однако определения основных грамматических разрядов слов, данные самим автором [такие, например, как «существительное — это класс слов, которые обозначают предмет или какое-нибудь другое явление (качество, действие, обстоятельство) в предметном виде» — стр. 274, «прилагательное обозначает качество или какое-нибудь другое явление в виде качества»— стр. 277 и т. п.], представляются недостаточными именно в плане их «грамматичности». Ведь без включенного в само определение указания на то, что, например, существительное, выражая «предметность», представляет ее (например, в русском или латышском языке) в формах рода, числа и падежа и т. д., соответствующие понятия («предметность», «качественность», «процессуальность») становятся совершенно бессодержательными. Следовало бы, по-видимому, отметить, что так как содержание «предметности», «качественности» и т. п. является различным для разных языков, дать удовлетворительное общее определение соответствующих частей речи невозможно.

Едва ли удачной иллюстрацией супплетивизма (заметим кстати, что в определении соответствующего явления вызывает недоумение то место, где говорится, что у супплетивных форм «может не быть ничего общего в фонетическом и лексическом отношении»; разрядка моя.— *Т. Б.*) можно считать большинство из приводимых на стр. 269 примеров. В первую очередь, это относится к таким парам, как *auns* «баран» — *aita* «овца», *gailis* «петух»— *vista* «курица», *vērsis* «бык» — *govs* «корова»: супплетивные образования выделяются лишь на фоне соответствующей системы словоизменения, т. е. только в том случае, если соответствующие категории регулярно выражаются в языке нормальными грамматическими способами. Вызывает сомнение и отнесение членов «пары» *cilvēks* «человек»— *ļaudis* «люди», «народ» к супплетивным формам одного слова (независимо от того, считать ли вообще соотношение единственного и множественного числа у существительных словоизменительным или словообразовательным): в отличие от русск. *человек*, употребляющегося во множественном числе лишь при определенных, синтаксически ограниченных условиях, латыш. *cilvēks* обладает нормальной формой множественного числа. Нельзя согласиться и с трактовкой местоимений *es* «я» — *mēs* «мы», *tu* «ты» — *jūs* «вы» как словоизменительных форм одного слова. Не удачен пример выражения падежного значения при помощи «места в предложении», приводимый на стр. 276. Не точны сведения о классах (родах) слов в лакском языке (стр. 277). Едва ли можно считать русск. *тысяча*, *миллион*, а также *вдвое*, *втрое*; *вдвоем*, *втроем*; *вдвойне*, *втройне* числительными (ср. стр. 286). Вряд ли есть основания называть англ. *of*, *to*, *by* «произошедшими из предлогов падежными частицами, *of* — для обозначения генитива, *to* — датива, *by* — инструментального падежа» (стр. 287; заметим кстати, что для выражения собственно инструментального значения в английском употребляется предлог *with*, а не *by*).

Встречается небрежность в формулировках, нежелательная в работе, которая может служить учебным пособием, например: «союзы выражают связь между словами и предложениями; предлоги (так же, как падежи) выражают отношения между предметами» (стр. 260; разрядка моя.— *Т. Б.*).

В заключение отметим некоторые опечатки (их в книге немного): *satem* (стр. 54, 77, 82) вместо *satəm*, литов. *áugštas* и *pjáuti* (стр. 74) вместо принятых в современной орфографии *áukštas* и *piáuti*; литов. *buva* (стр. 74) вместо *buvaũ*; др.-инд. *asrk* (стр. 74) вместо *asṛk*; др.-инд. *šũnah*, *gāuh* (стр. 147) вместо *šúnaḥ*, *gāuḥ* (заметим кстати, что следовало бы унифицировать подачу санскритских примеров: в некоторых случаях слово дается с *s* в абсолютном исходе — ср. стр. 160, в других — с висаргой, например на стр. 147; кроме того, вряд ли целесообразно отказываться от общепринятой транскрипции санскритских примеров — ср. *adžáh* на стр. 147 вместо *ajáḥ*),

литов. *vārias* (стр. 148) вместо *vāris*; греч. *thymós*, лат. *fumus* (стр. 160) вместо *thȳmós*, *fūmus*; литов. *ésti* (стр. 184) вместо *ēsti*; литов. *gintāras* (стр. 195) вместо *gintāras*; нем. *Revolution* (стр. 196) вместо *Revolution*; франц. *Menagerie* (стр. 341) вместо *Ménagerie*.

Отмеченные недостатки несколько снижают ценность этой в общем, несомненно, полезной книги. Поскольку они касаются главным образом отдельных неточностей и неудачных формулировок, они могут быть устранены при переиздании.

Т. В. Булыгина

J. Erben. **Abriß der deutschen Grammatik.** — Berlin, Akademieverlag, 1958. 208 стр. (Institut für deutsche Sprache und Literatur der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin).

Создание грамматики немецкого языка, построенной на современном материале, излагающей систематически и полно литературные нормы, является давно назревшей и неотложной задачей германистов. Над составлением такой грамматики работает в настоящее время Институт немецкого языка и литературы Немецкой Академии наук (ГДР). Выход в свет «Очерка по немецкой грамматике» И. Эрбена знаменует один из этапов этой работы и заслуживает поэтому особого интереса и внимания. Книга содержит синхронное описание современного литературного языка с очень незначительными историческими примечаниями, объясняющими происхождение некоторых форм, и с большим количеством иллюстративных примеров, частично из литературных источников, частично составленных автором.

Сложность грамматического материала состоит в несоответствии формы и функции, когда различные формы служат для выполнения одной и той же функции, в то время как одна форма многофункциональна. В качестве отправного пункта исследования может быть избрана форма или функция. Эрбен избирает функцию и последовательно проводит принцип «от функции к форме». Основная цель автора — показать функцию и форму в их единстве. При этом оба понятия трактуются широко; так, форма слова охватывает не только словоизменительные и словообразовательные форманты, но и все показатели ее синтаксической роли: сопровождающие слова, порядок слов и пр., под функцией же понимается и грамматическое значение формы, и отчасти лексическое значение соответствующих слов, и использование ее в предложении. Этим И. Эрбен хочет преодолеть разрыв между морфологией и синтаксисом, а также устранить размежевание между фонетикой, грамматикой и словообразованием. Достигается эта цель прежде всего своеобразным построением и распределением материала.

Книга Эрбена состоит из двух неравных частей — первая, значительно бо́льшая (160 стр.), посвящена слову, вторая (около 30 стр.) — предложению. Морфема и словосочетание единицами не признаются, и поэтому им не отведено самостоятельного места; рассмотрение морфем включено в словообразование и словоизменение, а словосочетания растворены во всех разделах книги.

Одна из основных идей И. Эрбена — идея «валентности» слов — непосредственно связана с учением о словосочетании. Под «валентностью» или «семантическим согласованием» (semantische Kongruenz) понимается необходимость или возможность слова быть дополненным другими словами. И. Эрбен приводит высказывание К. Бюлера, что «слова определенного разряда открывают вокруг себя одно или несколько пустых мест, которые должны быть заполнены словами определенных других разрядов» (стр. 165). Идея валентности, несомненно, удачна и плодотворна, она является как бы смысловым ключом к словосочетаниям. Ею занимаются не только немецкие ученые: И. Эрбен, К. Бюлер, Э. Лейзи[1], но и советские германисты В. Г. Адмони, Л. Р. Зиндер (последний интересуется этим вопросом с точки зрения теории вероятности)[2].

Уже само введение понятия семантического согласования указывает, какое большое место автор отводит лексическому критерию. Внимание к лексической стороне языка характерно для взглядов И. Эрбена, особенно в первой части — «Слово».

Стремление объединить все аспекты языка и представить язык как единое целое проявляется с самого начала книги — в общей части. Строительным материалом слов служат фонемы, поэтому первая глава открывается «инвентарем фонем», за которым следует описание фонологической структуры слова.

Следующие пять глав построены однотипно. В каждой описывается разряд слов по определенной схеме, которая должна охватить все стороны слова: а) обоснование нового термина — названия данного разряда, вскрывающего его функциональную сущность; б) статистические данные, показывающие удельный вес данного разряда в словарном составе; в) семантико-словообразовательная характеристика. В этой связи очень интересно понятие «ассоциативного поля», показанного на примере глагола *reinigen*. «Ассоциативное поле» представляет собой совокупность синонимических, словообразовательных и фонетических связей данного слова с другими словами одного разряда. К сожалению, при описании других частей речи «поле» не упоминается; г) перечисление функций данного разряда слов, под которыми понимаются присущие ему грамматические

---

[1] См.: K. Bühler, Sprachtheorie, Jena, 1934; E. Leisi, Der Wortinhalt, seine Struktur im Deutschen und Englischen, Heidelberg, 1953.

[2] В. Г. Адмони, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, № 1; Л. Р. Зиндер, О лингвистической вероятности, ВЯ, 1958, № 2.

значения и синтаксическое использование. Описание грамматических форм во всех случаях подчинено описанию функций.

Функциональный подход имел следствием включение в учение о слове значительной части синтаксиса: синтаксические связи слов в предложении, порядок слов, описание некоторых моделей предложений (именных, глагольных бессубъектных), эллипса, даже всех типов придаточного предложения (в связи с союзами). В результате учение о слове оказалось перегруженным, а синтаксис обедненным.

Остановимся на новом разделении частей речи, предложенном автором. Еще в своих статьях Эрбен выдвигал идею «функциональной общности» слов (Funktionsgemeinschaft), согласно которой различные в морфологическом плане слова объединяются в разряды по единой функции. Наиболее полно и своеобразно разработан глагол — центральный разряд слов в немецком языке, которому прямо или косвенно подчинены все остальные. Глагол характеризуется четырьмя «частными функциями»: видом, исходным пунктом действия (Ansatzstelle), временем и реальностью.

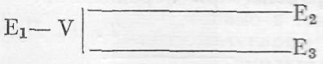
Большой интерес представляет новая введенная Эрбеном категория Ansatzstelle (исходный пункт действия), объединяющая значения лица и залога. Она указывает на соотношение агенса и действия. И здесь широко привлекается лексическое значение глагола и подлежащего; указываются глаголы с узким кругом носителей действия, как *fließen*, *krabbeln*, *wimmeln*, *ringen*, глаголы, требующие одного определенного агенса: *bellen*, *wiehern*. Круг носителей действия может быть расширен в результате переноса значений (*regnen*, *blühen*) и процесса «смещения субъекта», например *Das Faß läuft aus* вместо *Das Wasser des Fasses läuft aus*. Различение личного и безличного исходного пункта действия (persönliche und unpersönliche Ansatzstelle) дает возможность привлечь и безличные конструкции.

Термин «модальность» в книге отсутствует, его заменяет термин «реальность или реализация». К средствам выражения автор причисляет, кроме наклонений, модальных глаголов и модальных слов, также вопрос и отрицание. Менее удачен раздел «временная ступень»; отсутствует деление на абсолютное и относительное употребление; неосвещенным остался плюсквамперфект. Все остальные части речи представлены как функционально подчиненные глаголу. Объединены в один разряд прилагательное и наречие, союз и предлог. По отношению к артиклю автор сохранил точку зрения прошлого века: неопределенный артикль он рассматривает как неопределенное местоимение, а определенный — как указательное.

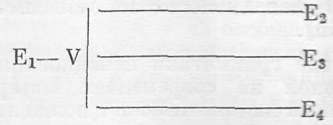
В учении о предложении заслуживают особого внимания два вопроса: о структуре предложения и о членах предложения. Считая глагол «ядром высказывания» (Aussagekern), И. Эрбен конструирует схемы построения простых повествовательных предложений в зависимости от «валентности» глагола. Он различает 4 модели (V — глагол, E — добавление к глаголу).

Первая модель E_1— V состоит только из двух компонентов: глагола и подлежащего, которое рассматривается как добавление к глаголу, например *Vater schläft* или *Es taut*. Второй тип включает одно добавление E_1— V — E_2, например: *Großvater ist Katholik* (*katholisch*); *Fritz arbeitet gut*.

Третий и четвертый типы отличаются только количеством добавлений к глаголу



Третий тип, например, *Fritz putzt das Messer blank*; *Gastwirte geben Stammgästen Bier*



Четвертый тип, например, *Er schleuderte ihm den Handschuh ins Gesicht* (стр. 165 и сл.). Эти схемы, нам кажется, имеют следующие недостатки: а) в них не учтена валентность обязательная и факультативная, например, тип *Vater schläft* может быть превращен легко в *Vater schläft lange*, в то время как *Vatre ist...* требует обязательно третьего компонента; б) одна схема недифференцированно представляет совершенно разные типы, например, трехчленная схема объединяет типы *Großvater ist Katholik* (*katholisch*); *Katzen fangen Mäuse*; *Fritz arbeitet gut*; *Fritz entrüstet sich* (!); *Mitschüler helfen Fritz*; *Fritz geht zum Arzt*; *Fritz geht drei Kilometer*; в) не показаны иерархические отношения между членами предложения (кроме их зависимости от глагола), которые в действительности включаются последовательно, образуя как бы цепочку.

По-новому трактуются в книге и члены предложения. И. Эрбен несколько меняет их классификацию. Автор рассматривает их как заполнение определенных позиций в модели предложения. На этом основании он предлагает заменить термин «член предложения» термином «основные составные части» предложения (Grundbestandteile), но в дальнейшем термин «член предложения» все же фигурирует.

Части предложения располагаются следующим образом. Центральной частью является сказуемое, именуемое «глагольным ядром высказывания» (der verbale Aussagekern). Все части предложения, связанные со сказуемым (подлежащее, дополнение, обстоятельство), объединяются под названием «добавления к ядру высказывания» (Ergänzungsbestimmungen zum Aussagekern). Сказуемое и его добавления относятся к «примарным членам предложения». Кроме них, существуют три группы «низшего порядка»: 1) определительные члены, т. е. определения к примарным членам; 2) «порядковые члены», указывающие на порядок следования, выделяющие,

ограничивающие, характеризующие; 3) «связочные члены»: союзы и предлоги.

Попытка провести деление по уровням среди членов предложения, на наш взгляд, удачна и интересна. Группа «порядковых членов» действительно второго плана или уровня по сравнению с «определительными членами»; впервые членами предложения признаются связочные слова, которые обычно как таковые исключаются, хотя их роль в построении предложения очень велика. Нам кажется только преувеличенным подчинение всех частей предложения глаголу и сведéние подлежащего до уровня простого добавления к глаголу.

Второй задачей, которую считает необходимой разрешить автор, является обновление терминологии. В этом отношении, однако, он новатор более умеренный, чем Г. Глинц.

Книга И. Эрбена соответствует тому назначению, о котором говорит автор в предисловии. Она будет служить полезным руководством для преподавателей и студентов-филологов. Она содержит много плодотворных мыслей, тонких наблюдений, богатый материал. Эта работа будит мысль, заставляет размышлять и спорить, так как она не только сообщает факты, но и представляет многое в новом свете. Особенно интересны положения о валентности, ассоциативном поле, новый подход к частям речи и членам предложения. «Очерк немецкой грамматики» — интересное и заслуживающее самого широкого внимания начинание в деле создания Большой грамматики немецкого языка, которую с нетерпением ожидают германисты.

Е. И. Шендельс

И. Р. Гальперин. **Очерки по стилистике английского языка.** — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках (серия «Библиотека филолога»), 1958. 459 стр.

Как известно, содержание, объем и метод стилистики как лингвистической дисциплины до сих пор не вполне ясны. Многие языковеды вообще считают стилистику стоящей за пределами науки о языке, предпочитая относить ее всецело к области литературоведения; в лучшем случае они признают ее наукой, занимающей пограничное положение между языкознанием и теорией литературы. Книга И. Р. Гальперина представляет несомненный общетеоретический интерес, ибо задумана в качестве опыта «лингвистической» стилистики. Этот общий замысел книги выясняется с первых же строк «Введения», которое начинается именно с рассуждения о содержании лингвистической стилистики как «сравнительно нового раздела языкознания» (стр. 7).

В книге освещаются два основных круга вопросов: во-первых, внутренний механизм и принцип выбора различных (лексических, семантических, фонетических и синтаксических) стилистических приемов; во-вторых, расслоение литературного английского языка на целый ряд речевых стилей. Исследовательский метод, принятый в книге, представляет собой совокупность нескольких — более или менее последовательно выдерживаемых — принципов.

Первый принцип состоит в стремлении найти тот угол зрения, который дал бы возможность объединить в известную систему ряд стилистических явлений одного порядка. Описывая стилистические приемы в области семантики слов и их сочетаний, И. Р. Гальперин показывает, что в их основе лежат разнообразные вариации взаимодействия различных типов лексических значений слова, причем это взаимодействие используется в экспрессивных целях. Так, метафора, метонимия и ирония основаны на взаимодействии «словарных» и контекстуальных предметно-логических значений (стр. 123—134), случаи антономасии во всех ее разновидностях — на взаимодействии предметно-логических и «назывных» значений (стр. 135—137). Различные синтаксические приемы характеризуются с точки зрения их целенаправленного отклонения от «языковой нормы» (стр. 181 и сл.) Речевые стили И. Р. Гальперин определяет прежде всего по признаку соотношения общего и индивидуального, присущего каждому из них (стр. 343 и сл.).

Второй принцип — стремление анализировать стилистические явления в их взаимосвязи. Ср., например, связь оксюморона с делением лексики на стилистические пласты (стр. 179), связь эвфемизма и синонимии (стр. 164 и сл.), связь речевого стиля с различными стилистическими приемами (стр. 347 и сл.) и мн. др.

Третий принцип — прослеживание обусловленности выбора того или иного стилистического средства содержанием высказывания или речевым заданием. Почти всегда автор подробно истолковывает причины и цели употребления конкретных стилистических приемов в приводимом им иллюстративном материале.

Применение этих трех ведущих принципов обеспечило успешное решение в книге многих крупных и частных вопросов английской стилистики. В большинстве случаев анализ стилистических явлений убедителен, приводимый иллюстративный материал выразителен и представлен в достаточном количестве. Это делает книгу И. Р. Гальперина безусловно интересной.

Однако теоретическая база книги и взятое в целом практическое решение проблемы «лингвистической» стилистики как подлинного «раздела языкознания» оставляют читателя менее удовлетворенным. Это может показаться странным после всего того, что было сказано выше о несомненных достоинствах книги, и тем не менее это так. Дело в том, что предмет «лингвистической» стилистики и ее отличие от «нелингвистической» стилистики остается и после прочтения этой книги неопределенным, а лингвистическая сущность самого метода исследования проявляется в труде И. Р. Гальперина недостаточно последовательно.

И. Р. Гальперин различает как явления разных планов «выразительные средства языка» и «стилистические приемы». Под

выразительными средствами понимаются нормализованные «морфологические, синтаксические и словообразовательные формы языка, которые служат для эмоционального или логического усиления речи» (стр. 43); под стилистическими приемами — «обобщенное, типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи» (стр. 47). Предметом стилистического анализа И. Р. Гальперин согласен признать только стилистические приемы. Рассуждение его таково: эмоционально-возбужденное состояние говорящего может стихийно вызывать в его речи повторы, эллипсис и т.п., без какого бы то ни было расчета на стилистический эффект, и потому это не стилистические приемы (стр. 45 и др.). Следовательно, стилистики не касаются выразительные средства разговорной речи, и она должна заниматься только подлинными стилистическими приемами, употребляемыми в книжном типе речи. Практически И. Р. Гальперин в своей книге и рассматривает только образцы книжной речи (из устного типа речи — только ораторский стиль как «звучащую» разновидность все того же «книжного типа» речи). Вряд ли такое ограничение соответствует объему понятия «лингвистической» стилистики. Кроме того, оно основано, как нам представляется, на досадном недоразумении: в книге не различаются выразительные с р е д с т в а и выразительные о с о б е н н о с т и речи. В процессе устного общения могут появляться в речи повторы, обусловленные затрудненностью речи, сильным волнением, сбивчивостью мысли и т. п.; пропуск тех или иных существенных звеньев речевого целого, вызванный небрежностью, торопливостью, случайной частичной афазией; какой-нибудь неуклюжий полисиндетон — плод неумения выражать свои мысли, или контекстуальная словозамена, причиной которой является неправильное понимание слова, и т. п. Эти о с о б е н н о с т и речи обладают известной выразительностью: они отражают внутреннее состояние говорящего или уровень его развития, или характер его речевых навыков. Но они лишены целевой нагрузки. Поэтому их нельзя назвать выразительными с р е д с т в а м и (т. е. способами достижения определенной цели). Стилистике до них, действительно, нет дела, исключая те случаи, когда исследуются приемы реалистического воспроизведения прямой речи персонажей в художественных произведениях. Однако и в устной разговорной речи возможно употребление сознательно избираемых языковых средств, призванных усиливать эмоциональное или интеллектуальное воздействие на слушателя. Всякое выразительное языковое средство заслуживает внимания стилистики, называемой «лингвистической». Пусть под стилистическим приемом мы условимся понимать только литературно-отработанное выразительное средство, употребляемое только в книжном типе речи; это не освобождает нас от задачи исследовать все стилистические средства языка, в каких бы условиях речевого общения они ни проявлялись. В книге же И. Р. Гальперина разговорная речь вообще устранена из поля зрения стилистики, а «устный тип» речи получает лишь самую краткую характеристику (стр. 28—36), и дальнейшей детализации ее в разделе «Речевые стили английского литературного языка» мы не находим.

Представляется неубедительным и принципиальное отграничение «лингвистической» стилистики от обычной грамматики (в области анализа грамматических средств). «Лингвистическая стилистика,— пишет И. Р. Гальперин,— не имеет о б ъ е к т а и з у ч е н и я, отличного от грамматики; ее объект — также факты языка. Но она имеет свой п р е д м е т и с с л е д о в а н и я. Этот предмет...— стилистические средства и стили речи» (стр. 5)[1]. Это утверждение можно понять в том смысле, что стилистика изучает только такие грамматические средства языка, которые несут какую-то стилистическую нагрузку. Но тогда непонятно, почему автор столь категорически отказывается от изучения различных морфологических явлений, в определенных условиях несомненно используемых «со специальными стилистическими целями», как отмечает он сам на той же странице. Эти ограничения неправомерно сужают объем «лингвистической» стилистики.

Что же касается самого метода исследования, принятого в книге, то он, действительно, во многих отношениях может быть признан лингвистическим. Так, самая классификация стилистических приемов на лексико-фразеологические, синтаксические, фонетические обнаруживает стремление автора учитывать в своем анализе различные стороны языка и не смешивать воедино явления различного порядка; в интерпретации конкретных стилистических явлений используются языковедческие понятия, например учение о типах лексических значений слова, классификация лексических «пластов», синтаксическое членение предложения и т. п. Однако, как упоминалось выше, метод этот выдерживается не вполне последовательно.

И. Р. Гальперин справедливо отмечает, что «существенно необходимым для понимания природы синтаксических средств стилистики является определение нормы языка» (стр. 181). Однако предлагаемое далее определение весьма неясно: «Под нормой языка следует понимать те установившиеся в данный период его развития в литературном языке морфологические, фонетические, синтаксические и стилистические правила употребления, нарушение которых о щ у щ а е т с я н е к а к о ш и б к а, а как результат проявления индивидуально-осознанных отклонений» (там же). Неизвестное объясняется через неизвестное, притом объяснение это формулируется по меньшей мере неосторожно (выходит, что любое отклонение от нормы, ...ощущаемое... как ошибка, не имеет от-

[1] Разрядка в цитатах везде моя.— *Н. А.*

ношения к понятию «языковой нормы»). Что же такое синтаксическая норма языка (именно она-то и важна для анализа синтаксических средств стилистики) — не сказано вовсе.

Важным для И. Р. Гальперина является и понятие литературного языка, но термин этот в его книге оказывается многозначным. Иногда он означает «общенациональную, отработанную языковую норму» (стр. 318), иногда — язык письменности (там же), а иногда — язык литературы (стр. 320). Поэтому в разделе о развитии английского языка не всегда ясно, говорит ли автор о развитии литературного языка или языка литературы (см. особенно стр. 333—335). Совершенно неправомерно и вводимое И. Р. Гальпериным понятие «речевого» (т. е. ситуативного) фразеологизма (стр. 176). Оно противоречит важнейшему признаку фразеологической единицы как устойчивого сочетания слов, воспроизводимого в речи в силу языковой традиции.

Нетрудно видеть, что бóльшая часть критических замечаний, адресованных автору рецензируемой книги, это, собственно говоря, не столько возражения, сколько вопросы. Готовых и общепризнанных решений в той области исследования, которой И. Р. Гальперин посвятил свой труд, ни у кого еще нет. Можно только приветствовать творческие усилия исследователя, направленные на разработку сложной проблематики экспрессивных средств языка в ее лингвистическом аспекте. Большой и интересно проанализированный материал, множество тонких наблюдений, четкие обобщения (особенно в разделе о речевых стилях) — это такие серьезные достоинства книги, что независимо от того, можно ли ее назвать «лингвистической» стилистикой или нет, ее хочется без всяких колебаний порекомендовать всем тем, кого интересуют стилистические средства «книжного типа» современной английской речи.

Н. Н. Амосова

A. Booth, L. Brandwood, J. Cleave. **Mechanical resolution of linguistic problems.**— London, 1958. 306 стр.

Среди работ о машинном переводе книга А. Бута, Л. Брендвуда и Дж. Клива занимает особое место, так как она является интересной попыткой найти решение вопросов, до сих пор еще не освещавшихся широко в научной литературе. Рецензируемый труд посвящен актуальнейшей проблеме применения вычислительных машин для выяснения целого ряда лингвистических вопросов и описанию результатов научно-исследовательских работ в этой области, проводившихся в течение ряда лет в Лаборатории вычислительных машин при Биркбекском колледже (Birkbeck college).

Как справедливо отмечают авторы, в области лингвистики, точно так же, как и в других сферах умственной деятельности человека, есть процессы, требующие колоссальных затрат квалифицированного труда, механическая (т. е. наиболее трудоемкая) часть которых может с успехом выполняться современными вычислительными машинами с недоступной для человека быстротой и точностью. К таким процессам авторы относят в первую очередь перевод с одного языка на другой, составление словарей различных типов, разного рода статистические обследования языковых фактов и т. п. Авторы очерчивают круг лингвистических проблем, которые могут получить свое решение при помощи вычислительных машин, и детально описывают технику автоматического подсчета слов, использованных в текстах, и их частотного анализа. Значение механизации подобных процессов трудно переоценить при определении необходимого словарного объема при машинном переводе [1], когда лингвист сталкивается с необходимостью вручную проанализировать огромный текстовой материал.

Эти опыты по автоматизации лингвистических работ, равно как и некоторые более ранние труды в этой области[2], заслуживают внимания как с практической, так и с теоретической точки зрения: они являются подтверждением справедливости известного частотного закона Ципфа—Эступа, имеющего исключительную важность для составления частотных и специальных машинных словарей. Основываясь на экспериментальных данных, авторы пришли к выводу о существовании взаимосвязи между количеством заключенной в слове информации и частотой появления слова в тексте, т. е. к утверждению того, что слова с минимальной частотой появления несут максимум информации и что, следовательно, содержание высказывания определяется относительно редко появляющимися словами.

Заслуженное внимание читателя привлекает и описание опытов по автоматическому составлению словаря типа конкорданции, проводившихся параллельно в Англии Биркбекским колледжем и в США фирмой IBM. В этих работах тип традиционной конкорданции претерпел значительные изменения как в связи со спецификой методов составления словаря (в зависимости от типа машины, на которой проводятся опыты), так и в зависимости от назначения конкорданции.

Простота техники составления таких словарей при наличии соответствующих машин может и должна привести к облегчению работы их составителей путем механизации наиболее утомительных и трудоемких процессов. Расчеты показали, например, что при помощи машины можно составить полный список слов книги объема библии с указанием частоты их появления за один-два месяца.

---

[1] См. A. Koutsoudas, Mechanical translation and Zipf's law, «Language», vol. 33, № 4, 1957.

[2] См., например: G. Dewey, Relative frequency of English speech sounds, Cambridge (Mass.), 1923.

Авторы ставят в своей книге одну из наиболее важных и сложных проблем, подлежащих решению при помощи машины,— проблему статистического анализа языковых структур — и высказывают мысль о возможности создания специального словаря синтаксических структур. Необходимость такой работы особенно очевидна при составлении алгоритмов для машинного перевода. Авторы останавливаются на ряде трудностей, связанных со структурным анализом, в частности на проблеме автоматического определения части речи, и предлагают способы их разрешения[3].

В книге приводится подробное описание схемы, предназначенной для стилистического анализа «Диалогов» Платона с целью приближенного установления хронологии их написания. Достоинства предлагаемой схемы для автоматического стилоанализа по сравнению с ручными исследованиями стиля «Диалогов» состоят в соединении различных стилистических аспектов анализа — лексического, синтаксического и ритмического — в единое целое, что обеспечивает всесторонний стилистический анализ произведения. Попытка автоматического стилоанализа заслуживает внимания особенно в связи с тем, что тщательное изучение идиосинкразии различных литературных стилей, и в первую очередь стиля научной литературы, имеет актуальное значение для целей облегчения и ускорения обмена международной информацией.

Большое место в книге отведено вопросам машинного перевода, при изложении которых авторы отправляются от реальных возможностей современной вычислительной техники. Авторы особо останавливаются на проблеме создания микрословарей машинного перевода, решение которой в значительной степени зависит от нашей способности свести словарь к более или менее практическому объему (например, 2800 слов для перевода русской математической литературы и 4000 слов для перевода немецкой литературы по электронной оптике).

В целях сокращения объема словаря для флективных языков, который увеличивается за счет включения производных форм, авторы предлагают, например, ввести разделение на основу и окончание. Подобная система принята и в советской школе машинного перевода как наиболее экономичная.

Следует оговорить, что такой тип словаря (stem-ending) для флективных языков, являясь вынужденным в силу современных технических условий, значительно усложняет программу поиска. В отличие от существующих микрословарей, строящаяся в настоящее время в США специализированная машина[4] с фотопамятью колоссальной емкости, предназначенная для перевода с русского языка на английский, имеет в словаре (макрословарь) в качестве отдельных лексических единиц слова в основной («словарной») форме, их производные словоформы и словосочетания, что упрощает процесс поиска слова, определения его грамматической структуры и облегчает решение проблемы многозначности. Относительно проблемы многозначности авторы рецензируемой книги придерживаются метода контекстного анализа, с успехом применяемого и в принятой нами системе машинного перевода.

Книга содержит подробное описание экспериментальных схем для перевода с французского и немецкого языков на английский, специально предназначенных для операций на АПЕКСе (all-purpose electronic computer), и анализ всего круга проблем, связанных с переводом с данных языков. Недостатки приведенных в книге схем в значительной степени объясняются ограниченностью технических средств — АПЕКС имеет память, позволяющую хранить всего 250 иностранных слов и их английских эквивалентов.

Едва ли не половина всей книги отводится рассмотрению технической стороны проблемы автоматизации трудоемких лингвистических процессов: описываются основные типы машин, наиболее удобных для решения лингвистических задач; излагаются принципы устройства и действия универсальных быстродействующих вычислительных машин; анализируется специфика составления программ для машинного перевода и т. п. В конце книги прилагаются оптимальные параметры и характеристики будущей специализированной машины-переводчика с программным управлением.

Книга А. Бута, Л. Брендвуда и Дж. Клива представляет интерес не только для специалистов по вычислительной технике и лингвистов, но также и для широкого читателя. Она носит описательный характер и основана на обширном фактическом материале; в общедоступной и интересной форме в ней рассказывается о современных технических способах решения ряда задач прикладной лингвистики. В то же время она затрагивает очень большой круг проблем, относящихся к области лингвистики и вычислительной техники, не претендуя, однако, на полноту и окончательность их решения. В целом книга должна быть оценена как полезный опыт, обогащающий науку новыми наблюдениями в области вопросов, актуальность которых не подлежит сомнению.

Г. А. Тарасова

---

[3] В 1957 г. Национальное бюро стандартов (США) успешно провело исследование этой проблемы на вычислительной машине СЕАК (Standards electronic automatic computer) с целью выявления на ограниченном материале типовых структур предложений современного английского языка. Результаты этой работы описаны в статье «Electronic computer study of English syntax patterns», «Technical news bulletin», vol. 41, № 6, 1957, стр. 84—86.

[4] См. G. Shiner, The USAF automatic language translator, Mark I, «IRE national convention record», 6, № 4, 1958, стр. 296—304.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1960

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕЩАНИЕ ПО МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

С 15 по 21 апреля 1959 г. в Ленинграде происходило совещание по математической лингвистике, созванное Ленинградским университетом и Комитетом по прикладной лингвистике (КПЛ). Наряду с советскими учеными в совещании участвовали научные работники Китая, Чехословакии, Польши и Румынии. Из 486 человек почти треть составляли математики, более половины — языковеды; кроме этих двух основных групп, в работе приняли участие инженеры-связисты, физики, логики и специалисты по кибернетике.

Совещание было посвящено вопросам теории и практики применения математических методов в языковедении. Программа из 58 докладов охватывала четыре основные группы вопросов: 1) математические модели языка, 2) вероятностные и теоретико-множественные характеристики языка и речи, 3) машинные языки (т. е. языки-посредники, символические, операторные и информационные языки), 4) построение устройств по преобразованию и переработке речевой информации.

Первое заседание (вечер 15/IV), открытое вступительным словом председателя КПЛ Л. Р. Зиндера (Ленинград), было отведено рассмотрению наиболее общих вопросов математической лингвистики. В коллективном докладе математиков А. А. Ляпунова, О. С. Кулагиной, Г. П. Багриновской и языковедов Т. Н. Молошной и И. А. Мельчука (Москва) «Некоторые вопросы математической лингвистики, возникающие в связи с машинным переводом» после обзора теоретико-множественных моделей языка, представленных в работах А. Н. Колмогорова, О. С. Кулагиной и Р. Л. Добрушина, авторы рассмотрели возможность нового, теоретико-информационного подхода к моделированию языка, требующего выяснения, с помощью каких элементов информации может быть, во-первых, охарактеризована индивидуальная фраза, а во-вторых, описана структура языка в целом. При этом подходе существенную роль играет представление фразы в виде «дерева» с указанием конфигурационного индекса для каждого внутреннего узла дерева и указанием слова, находящегося в каждом концевом узле дерева. В докладе были рассмотрены также вопросы, связанные с проблемой языка-посредника (ЯП): методика построения ЯП, типы алгоритмов при переводе с его помощью, связи между ЯП и иными машинными языками.

Доклад В. Ю. Розенцвейга (Москва) «Общая лингвистическая теория перевода и математическая лингвистика» касался сущности перевода как некоторого преобразования сообщения, имеющего необратимый характер, поскольку между системами двух языков нет изоморфного соответствия. В докладе рассмотрен перевод через ЯП такого типа, где «каждой единице конкретного языка соответствует одна и только одна единица языка-посредника». Докладчик остановился далее на проблеме определения точности перевода через предполагаемую норму инвариантности[1], введя понятия абсолютного, устойчивого и вероятностного эквивалентов при переводе и уточнив понятие контекста в связи с эквивалентностью.

Вяч. В. Иванов (Москва) выступил с докладом «Теория отношений между языковыми системами и основания сравнительно-исторического языкознания». В докладе проведены параллели между конструированием ЯП для машинного перевода, построением типологического ЯП универсальной грамматики, формированием внутреннего ЯП при двуязычии (по Л. В. Щербе) и извлечением абстрактной системы при сравнительно-исторических сопоставлениях. Выделяемые внутренней реконструкцией подсистемы в случае изоморфности рассматриваются как разные представления одной и той же абстрактной системы, каковая не может считаться реальным языком (в том числе и праязыком). Она может в действительности быть лишь моделью предшествовавшего состояния языка, либо наддиалектной моделью, либо формульным выражением общих тенденций развития группы языков. Абстрактные системы компаративистики, как и языки-посредники, строятся для фиксированного поля языков и целиком определяются составом этого поля. При описании отображения одной языковой системы в другую вводятся топологические методы. Исторический смысл реконструкций и абстрактных систем раскрывается наукой о типах ком-

[1] Ср. понятие «меры конгруэнтности» и ее математическое выражение (см. Н. Д. Андреев, Машинный перевод и проблема языка-посредника, ВЯ, 1957, № 5, стр. 119).

муникационных связей в пространстве и времени.

В докладе чехословацких ученых П. Сгалла и П. Новака (Прага) «Пражская типология языков и модели языка» были поставлены важные вопросы математической характеристики типологии языков. Докладчики приняли за основу типологическую схему В. Скалички и на материале чешского, русского, немецкого и латинского языков вывели численные значения двух величин: кумуляции морфологических функций и меры синонимии окончаний. В заключение были рассмотрены такие характеристики языкового строя, как равновесие, освояемость и действенность (для установления последней предложено сравнение алгоритмов перевода с различных входных языков на ЯП и с ЯП на те же языки — в роли выходных).

Доклад китайского ученого Лю Юнцюаня (Пекин) «Исследовательская работа в области машинного перевода в Китайской Народной Республике» содержал исторический и тематический обзор китайских работ по машинному переводу[2].

Выступая в прениях, Н. Д. Андреев (Ленинград) предложил разграничить ЯП, конструируемые для производственных целей, от ЯП, необходимых для решения теоретических задач, и обратил внимание на то, что конструирование универсального кода науки должно осуществляться на базе трех ингредиентов: общего машинного языка, символических языков науки и единого терминологического кода. Н. А. Шанин (Ленинград) высказался в пользу установления точного соответствия между логическими и языковыми категориями. Л. В. Канторович отметил медленность практического прогресса в области машинного перевода, объяснил ее недостаточным количеством экспериментов и подчеркнул необходимость перейти от тестового перевода отдельных фраз к машинному переводу целых книг, обеспечивая при этом высокое качество перевода.

Второе заседание (утро 16/IV) началось докладом В. Н. Топорова (Москва) «Введение вероятности в языкознание и его последствия»[3].

В докладе Н. Д. Андреева «Моделирование языка на базе его статистической и теоретико-множественной структуры» содержалось принципиальное описание схемы алгоритма моделирования языка по данным речи — без обращения к семантике сообщений и без использования критерия правильности («отмеченности»)[4].

Р. М. Фрумкина (Москва) в докладе «Методы построения статистических словарей» рассмотрела уравнения, определяющие объем выборки, необходимой для получения с заданной точностью сведений о вероятности большей части слов текста. Выяснено, что получаемые численные оценки для русского, английского, испанского и чешского языков примерно одинаковы.

И. И. Ревзин (Москва) сделал доклад на тему «Применение понятия „элементарной грамматической категории" Р. Л. Добрушина к анализу немецких падежей». Введя понятие условного подчинения и групповых семейств, докладчик расширил теоретико-множественную модель Р. Л. Добрушина и, применив ее к современному немецкому языку, получил 5-падежную модель; использование модифицированного метода Р. О. Якобсона для выделения дифференциальных признаков падежей дало возможность редуцировать ее в 4-падежную модель (причем слабое противопоставление дат. падежа и вин. падежа позволяет ставить вопрос о сведении ее к 3-падежной).

Доклад Е. В. Падучевой (Москва) «К вопросу о моделировании падежной системы существительных в русском языке» показал, что с помощью 4-падежной модели возможно описание синтаксических связей русского существительного; статистическими наблюдениями выяснено, что противопоставления им. падежа вин. падежу и дат. падежа предложному являются в русском языке избыточными.

В докладе А. Б. Долгопольского (Москва) «Изучение факторов развития языка и частотность языковых знаков» были проанализированы тенденции к зависимости между частотностью знака и его «стоимостью», силы лингвистической инерции, а также стремление к большей мотивированности знака и к мотивированности более частотными знаками — с точки зрения превращения языка в оптимальный код.

Третье заседание (вечер 16/IV) было открыто докладом И. И. Ревзина «О понятии „множества отмеченных фраз" в теоретико-множественной концепции О. С. Кулагиной». Докладчик показал, что, трактуя множество отмеченных фраз как конечное, мы получаем вместо формализации грамматических категорий формализацию семантических полей («дескриптивная семантика»). Однако введение набора порождающих правил (по Н. Хомскому) позволяет избежать противоречий, связанных с бесконечностью множества отмеченных фраз, и вместе с тем восстановить формализуемость грамматических категорий.

В докладе В. М. Золотарева (Москва) «Вероятностная модель предложения» была сделана попытка, наложив определенные ограничения на синтаксические связи, рассматривать каждое предложение как реализацию некоторого ветвящегося случайного процесса. В докладе «Некоторые приложения вероятностной модели предложения» Р. М. Фрумкиной и В. М. Золотарева были изложены результаты статистического обследования русского текста с точки зрения случайных процессов и полученная на этой базе вероятностная схема русского предложения.

Доклад Ю. К. Лекомцева (Мо-

---

[2] См. ВЯ, 1959, № 5.

[3] См. ВЯ, 1959, № 6.

[4] Полный текст опубликован в сб. «Материалы по математической лингвистике и машинному переводу», 2, Л., 1960.

сква) «О принципе классификации простых предложений» был посвящен изложению вопроса об отношении между полными и редуцированными синтагматическими типами предложения и о парадигматической вариации типов с помощью нулей как элементов кода.

К. И. Бабицкий (Москва) в докладе «Об одной модели грамматики немецкого простого предложения» рассказал о схеме элементарных образов предложения и наборе правил трансформации, дающих в совокупности грамматическую модель предложения с основным свойством обратимости.

В докладе Т. Г. Гачечиладзе, Г. Н. Церцвадзе и Г. Б. Чикоидзе (Тбилиси) «Некоторые замечания к методу анализа пробелов» были продемонстрированы на русском и грузинском материале результаты применения гистограмм В. Ингве к распределению расстояний во фразе между двумя основными частями речи.

Выступивший в прениях Б. В. Горнунг (Москва) подчеркнул плодотворность применения в историческом языковедении вероятностного подхода и модифицированного понятия энтропии. А. А. Марков (Москва) высказался за создание единого центра, координирующего работу в области математической лингвистики и машинного перевода.

На четвертом заседании (утро 17/IV) первым был заслушан доклад О. С. Кулагиной «Операторное описание алгоритмов перевода», в котором изложена выработанная на экспериментальной основе схема преобразований формы записи переводческого алгоритма: от простых правил через операторы к программе, а также принципы автоматического построения программ перевода по операторной записи алгоритма с помощью компилирующей программы.

В докладе Н. Д. Андреева, С. Я. Фитиалова и Г. С. Цейтина (Ленинград) «Разработка символического языка машинного перевода в ЭЛМП» получила освещение работа ленинградского коллектива над способами записи алгоритмов. Запись на символическом языке содержит три уровня: пара-языковой (знаки самого обрабатываемого языка), мета-языковой (знаки для записи информации об элементах обрабатываемого языка) и ортоязыковой (знаки для записи информации об алгоритме); определены символы рабочих и видовых переменных, операторов, команд, простых и сложных адресов, что позволяет вести запись алгоритмической переработки информации в краткой и точной форме.

Н. М. Паронян и М. А. Яковлева (Ленинград) в докладе «Использование схемной записи в алгоритме анализа немецкого текста» рассказали о блок-схеме машинного анализа немецкого простого распространенного предложения и о способе записи предложения в виде совокупности равенств, определяющих некоторые лингвистические объекты как функции других объектов (по способу Л. В. Канторовича).

М. И. Белецкий (Ереван) посвятил свой доклад «О символической записи правил машинного перевода» разбору метода формального описания алгоритмов машинного перевода, состоящего в построении характеристик для слов фразы и применении некоторого набора операторов (распознавателей и преобразователей) для обработки фразовой информации.

Доклад Л. Н. Иваненко (Киев) «Автоматическое программирование как перевод в формальных языках» содержал описание такого машинного языка, где схема алгоритма представлена состояниями и функциями детерминированного конечного автомата.

Р. Л. Добрушин и И. М. Яглом (Москва) выступили с докладом «Теория информации и лингвистика»[5].

В докладе И. Л. Братчикова, С. Я. Фитиалова и Г. С. Цейтина «О структуре информации для машинного перевода» были рассмотрены два способа представления информации: один — через простейшие единицы средствами алгебры логики, другой — посредством установления определенной структуры информационных полей и их специализаций, используемых в алгоритме; описаны два метода переработки информации в алгоритме: формальный — средствами алгебры логики, и содержательный — через структуру программы.

Пятое заседание (вечер 17/IV) было начато докладом Г. С. Цейтина «К вопросу о построении математических моделей языка», осветившим различие между моделями, анализирующими язык, и моделями, синтезирующими объекты языка, и указавшим на возможность синтезных моделей языка при построении алгоритмов перевода и грамматики языка-посредника.

В докладе Р. Г. Пиотровского (Ленинград) «Проблема места в слове у элементов, несущих информацию» были представлены данные по информационной нагруженности различных частей слова и сделаны выводы об информационной иерархии согласных и гласных в устной и письменной речи и о неравномерности распределения полезной и избыточной информации в слове.

С. К. Шаумян (Москва) осветил в своем докладе «Закон и генерализация в изучении структуры языка» проблему дихотомической структуры абстрактных наук и логической характеристики законов структурной лингвистики.

Доклад С. Я. Фитиалова «О формальных моделях языков и структуре алгоритмов машинного перевода» был посвящен анализу моделей языка с точки зрения метода, применяемого для их построения. Модели при этом подразделяются на два типа. Модель I — построение системы, первоначальные объекты которой не определяются и считаются уже заданными; образец модели I — теоретико-множествен-

[5] См. ВЯ, 1960, № 1.

ная модель О. С. Кулагиной. Модель II— построение конструктивной схемы, основные объекты которой не заданы и извлекаются из текста посредством алгоритмической дешифрации языка; образец модели II — статистико-комбинаторная модель Н. Д. Андреева. Машинный перевод представляется в свете данного анализа как переход от входной модели I при помощи последовательности моделей II к ЯП и затем переход от ЯП при помощи другой последовательности моделей II к выходной модели I.

В докладе Г. П. Мельникова (Москва) «О путях создания самообучающейся машины-переводчика» были намечены принципы построения машины, не только выполняющей перевод, но и накапливающей при этом опыт работы в виде соответствующего совершенствования программы.

Ю. С. Мартемьянов (Москва) в докладе «Синтагматический анализ и понятие высказывания (об одном способе анализа речевой последовательности)» изложил метод членения предложений на базе синтагм, являющихся потенциальными высказываниями, с установлением парадигматических отношений между такими синтагмами.

Р. Г. Пиотровский, выступая в прениях, подчеркнул, что язык является многоярусной системой, в которой существует заметная асимметрия между планом выражения и планом содержания, и что при математическом описании языка лингвистически наиболее оправдан статистико-комбинаторный подход того типа, который представлен в модели Н. Д. Андреева. Доклад С. К. Шаумяна был подвергнут критике в выступлении Б. В. Горнунга, указавшего, что выдвинутое докладчиком в качестве нового различение двух категорий научных понятий — выводимых из непосредственных наблюдений и конструируемых, не будучи данными в наблюдении,— было осуществлено еще Платоном и Аристотелем.

Шестое заседание (утро 18/IV) открылось докладом Н. Д. Андреева и С. Я. Фитиалова «Язык-посредник машинного перевода и принципы его построения»[6], предложивших строить ЯП на базе разработанного ими формального аппарата системы перевода. Рассматривая многоязычный перевод какого-либо элемента в качестве вектора с определенными свойствами, докладчики показали, как можно при этом ввести в систему перевода вероятностные и метрические характеристики, позволяющие получить строгое математическое описание семантики, грамматики и словообразования ЯП, после чего оказывается возможным определить характер зависимости между формо- и тектоглифическим представлением ЯП, с одной стороны, и структурой алгоритмов анализа и синтеза, с другой.

[6] Сокращенное изложение опубликовано в сб. «Докл. и сообщ. по математической лингвистике и машинному переводу», 1, Л., 1959.

В докладе «К вопросу о „грамматическом" в языке-посреднике» И. А. Мельчук сформулировал точку зрения, согласно которой ЯП создается «как система соответствий между реальными языками» и «выражает при переводе с любого языка все то, что выражается так или иначе на этом входном языке»[7], т. е. ЯП представляет собой сумму (объединение) всех реальных языков, привлекаемых к его построению. В ЯП не нужно вводить грамматических значений, а следовательно, в нем не будет и собственно грамматики; грамматические значения входного языка превращаются в неграмматические лексические значения ЯП. При таком подходе ЯП будет, по мнению докладчика, сопоставим с формально-логическими языками и будет лучше удовлетворять требованию универсальности.

Доклад Д. Р. Джапаридзе (Тбилиси), И. А. Мельчука и Т. Н. Молошной «Обработка сочинительных союзов при переходе от входного языка к языку-посреднику» был посвящен методике расчленения сложного предложения на простые путем циклического выявления синтаксических связей на базе конфигурационного анализа и обработки сочинительных союзов через анализ равнооформленных слов.

В. П. Берков и Н. В. Гуров (Ленинград) в докладе «Принципы построения словаря языка-посредника», рассматривая ЯП как определенным образом стандартизованную перекодировку текста, отличную от входного и выходного языков, изложили систему представления лексики ЯП набором базовых и детерминативных семантических множителей, получаемых путем анализа данных большого языкового поля.

С. С. Белокриницкая, М. Б. Ефимов, А. А. Звонов, Т. М. Николаева, Г. А. Тарасова (Москва) представили доклад «К типологии лексических соответствий (один из подходов к построению языка-посредника)», где семантическая сторона ЯП построена в виде совокупности фиксированным образом расположенных понятий, каждое из которых однозначно сопоставлено с явлением действительности, причем понятия соотнесены с заданными категориями (подкатегориями) и организованы в понятийные группы.

В выступлении С. Я. Фитиалова была подвергнута критике концепция И. Я. Мельчука относительно ЯП; С. Я. Фитиалов указал, что ее реализация по существу возвратит нас к бинарности перевода и чрезмерно утяжелит алгоритмы анализа и синтеза. Вяч. В. Иванов высказал мнение, что принципиально важной проблемой является вопрос о пробелах в тексте и нулях в парадигме, порождаемых отношениями в языковой системе. А. А. Марков (Москва) подчеркнул, что при построении ЯП существенную роль должна играть разработка семантики, причем

[7] См. «Тезисы Совещания по математической лингвистике», Л., 1959, стр. 60 и 62.

в этой работе наряду с лингвистами должны участвовать ученые других специальностей. С. Е. Яхонтов (Ленинград) обратил внимание на необходимость более строгого анализа парадигматических нулей, предложив устанавливать их наличие лишь в тех случаях, когда отсутствие показателя регулярно переводится на другие языки присутствием показателя.

На седьмом заседании (вечер 18/IV) продолжалось обсуждение проблематики ЯП. В. П. Берков, сделавший доклад на тему «Грамматическая информация и информационный язык», предложил разделение грамматической информации на содержательную и избыточную, показав, что это разделение будет различным для ЯП и информационного языка.

В докладе Б. М. Лейкиной (Ленинград) «Два типа грамматической информации в их отношении к языку-посреднику» содержались доказательства различной роли субинформации и основной информации, а внутри последней — тавтологической и нетавтологической информации с точки зрения их существенности для ЯП.

Доклад Н. Д. Андреева, В. П. Беркова и Л. Н. Засориной «Исчисление валентностей при переходе от входного языка к языку-посреднику» был посвящен исследованию валентности как потенциальной сочетаемости однородных элементов языка, типам валентности (активной и пассивной; обязательной и факультативной; свободной и замкнутой), а также комбинаторному сопоставлению валентностей как методу разрешения дизъюнкций при независимом анализе с помощью ЯП.

В докладах С. Х. Иоффе, И. В. Кормушина, А. К. Оглоблина, А. Ф. Смирнова, О. А. Тимофеевой и Л. И. Ухановой (Ленинград) «Категория числа существительных и времени глагола в языке-посреднике» и В. П. Беркова, Н. В. Гурова, Л. Н. Засориной, С. Х. Иоффе и А. Ф. Смирнова (Ленинград) «Категория залога в языке-посреднике» были изложены результаты анализа категориальных данных большого языкового поля и предлагаемые в соответствии с этими результатами оптимальные решения по исследованным категориям ЯП.

На восьмом заседании (утро 20/IV) рассматривались вопросы перехода от входного языка к ЯП и от ЯП к выходному языку. В докладе Б. М. Лейкиной и С. Я. Фитиалова «Опыт перехода от входного языка к языку-посреднику (на английском материале)» были на конкретной схеме рассмотрены принципы построения алгоритма независимого анализа в связи с общими вопросами преобразования информации и выяснено соотношение позиционности и валентности в стандартном синтаксическом анализе на разных его этапах.

Л. С. Бархударов (Москва) в докладе «Проблема анализа структуры английского предложения» наметил схему независимого анализа, выполняемого до установления смысла сообщения и состоящего из трех этапов: 1) отыскание глагола-сказуемого с опорой на бесспорно-предикативные формы, 2) отыскание подлежащего с опорой на «правило одного S», 3) отыскание зависимых слов.

В докладе А. Р. Белопольской и А. Б. Ковригина (Ленинград) «Опыт перехода от входного языка к языку-посреднику (на немецком материале)» была представлена схема независимого анализа на основе разработанного докладчиками метода счета артиклей и существительных, дающего расчленение фраз на конфигурации.

Согласно концепции В. М. Григоряна (Ереван), изложенной в докладе «Некоторые замечания о построении языка-посредника», ЯП должен быть построен на инвентаризационной схеме категорий в разных языках; докладчик показал, что при последовательно проведенном построении ЯП как N-мерной системы соответствий между N-языками количество посредных этапов остается тем же, что и при бинарной структуре, т. е. $N(N-1)$, а количество правил посредных этапов будет равно $2N$.

Общая схема синтеза, представленная в докладе Т. М. Николаевой «Структура синтезирующих правил в машинном переводе при участии языка-посредника», построена на квазибинарном варианте, где в качестве ЯП принят видоизмененный русский язык; схема содержит хорошо разработанную классификацию русских глагольных основ по их формообразовательным свойствам.

Доклад З. М. Волоцкой (Москва) «Вопросы словообразования при переходе от языка-посредника к выходному языку» касался определения типов русских производных основ и словообразовательных значений методом установления конфигурационных пар «сложное слово/ /словосочетание», допускающих взаимную подстановку без нарушения осмысленности фраз; практическим результатом должно быть существенное сокращение машинного словаря.

Девятое заседание (вечер 20/IV) было посвящено проблематике информационных языков (ИЯ). Л. А. Калужнин (Киев) в докладе «Об информационном языке для математики» поставил вопрос о стандартизации языка математических текстов, на базе которой, сочетая стандартизованный словесный язык с обычной математической символикой и символическими средствами математической логики, можно было бы создать ИЯ для математики.

Г. Э. Влэдуц и В. К. Финн (Москва) выступили с докладом «О некоторых вопросах химической лингвистики, связанных с машинным поиском информации». Выделив две основные функции формальных языков, мета-языковую и перекодировочную, докладчики сформулировали проблемы, возникающие в связи с построением линейного языка для органической химии: выработка системы линейной записи структурных формул для ввода основ

ной информации, перевод поисковых предписаний, построение распознающего алгоритма, перевод ответа; особо стоит проблема расширения семантики машинного языка для органической химии.

Доклад М. М. Ланглебен, Д. Г. Лахути, Н. А. Стоколовой, А. Л. Шумилиной (Москва) «Машинный поиск заглавий» касался проблемы машинного поиска заглавий рефератов из области синтетической органической химии, относящихся к заданной теме. Были рассмотрены построение классификационного словаря и синтаксиса ИЯ для записи заглавий, разработка алгоритма перевода химических текстов с реального языка на ИЯ, разработка алгоритмов поиска текстов, содержащих заданные сведения.

В докладе Н. М. Ермолаевой, Е. В. Падучевой и А. В. Кузнецова (Москва) «Информационный язык для геометрии и правила перевода с русского языка на информационный и обратно» были сообщены первые результаты работ по построению информационно-логического языка (ИЛЯ) для элементарной геометрии, в основу которого положено узкое исчисление предикатов. Составлены алгоритм перевода с жестко стандартизованного русского языка на ИЛЯ, алгоритмы частичного логического анализа текста на ИЛЯ, а также алгоритм «подстрочного» синтеза с ИЛЯ на русский язык.

Представленный В. А. Аграевым, В. В. Бородиным и Ю. В. Глебским (Горький) доклад «Проблема автоматического реферирования и пути ее решения» содержал попытку обосновать методику получения реферата путем статистического анализа распределения слов и их сочетаний в оригинале.

А. А. Марков в прениях призвал к ограничению стандартизации математического языка рамками частных подъязыков. В. П. Григорьев (Москва) высказался за развертывание работ по интерлингвистике с применением методов теории информации. Н. А. Шанин поддержал направление работ по стандартизации научного языка, ведущихся в Лаборатории электромоделирования.

Доклады десятого заседания (утро 21/IV) с различных сторон освещали проблематику, связанную с конструированием устройств для преобразования и переработки речевой информации. Г. П. Мельников в докладе «О путях автоматизации лингвистических исследований» описал принципиальную схему лингвоспектрометра, состоящего из телетайпа промышленного типа, читающего устройства, программирующего устройства и многоканального регистратора.

В докладе М. А. Балабана (Москва) «Некоторые вопросы декодирования при машинном переводе» было дано описание предполагаемой декодирующей схемы электронного устройства, предназначенного для перевода английской технической литературы и построенного на принципе моделирования схемы языка человеком.

Доклад И. Л. Братчикова (Ленинград) «К вопросу о принципах конструирования специализированных счетных электронных машин для машинного перевода» был посвящен отличиям таких машин от универсальных электронных счетно-решающих устройств.

В. М. Глушков и В. А. Ковалевский (Киев) представили доклад на тему «О построении читающих устройств», где предложили устройство, основанное на принципе алгоритмизованного анализа освещенности смежных пар точек с обходом контура читаемой буквы или цифры.

Н. Н. Рикко (Москва) в докладе «Быстродействующая универсальная машина ЛЭМ-11 на магнитных элементах как решающее устройство универсальной логической машины» описала принципы построения и основные параметры разрабатываемого в Лаборатории электромоделирования кибернетического устройства, пригодного для осуществления логико-лингвистических алгоритмов.

В докладе А. А. Бабинцева (Ленинград) «Принципиальная схема японской переводческой машины Ямато» было рассказано о специализированной электронной машине, построенной в Японии для бинарного англо-японского перевода простейших текстов.

Доклад Н. Б. Демидовича (Москва) «К теории эквивалентных кодов» был посвящен изложению одного способа двоичного кодирования с корректированием ошибок, могущего быть использованным в теории передачи сообщений.

Выступивший в прениях В. И. Варшавский (Ленинград) высказался за постройку упрощенного макета электронной машины для проверки лингвистических алгоритмов.

На одиннадцатом заседании (вечер 21/IV) председатель КПЛ Л. Р. Зиндер в выступлении, подготовленном им совместно с А. А. Реформатским (Москва), остановился на следующих главных выводах из работы совещания: 1) основным связующим звеном между математикой и лингвистикой является преобразование и переработка информации в кибернетических устройствах (машинный перевод, информационные машины), выполняемые в условиях далеко идущей формализации речевых данных; 2) необходимо расширение фронта экспериментальных работ по машинному переводу и накопление большого количества опытных данных; 3) исследование вопросов построения ЯП и других машинных языков имеет значение не только для теории перевода, но и для понимания структуры языка в целом; 4) недостаточное внимание уделяется проблеме ввода устной речи в машины, от решения которой зависит не только устный машинный перевод, но и речевое управление машинами; 5) проникновение математических методов в языковедение находится еще в начальной фазе; математические представления языка пока грубее лингвистических; 6) необходимой предпосылкой для успешного применения математики к изучению языка является структурный (теоретико-множественный) анализ линг-

вистических фактов; к сожалению, методы структурного анализа у нас получили слабое развитие, сделанное же за рубежом во многом для нас неприемлемо; 7) большие перспективы открывает для языковедения применение вероятностных методов и методов теории алгоритмов; 8) имеющее важное практическое и теоретическое значение математическое моделирование языковых структур оказывается наиболее плодотворным по своим результатам, когда оно осуществляется в тесном содружестве математиков и языковедов; 9) языковедение должно всегда оставаться самим собой, так как его объект — язык — есть особое явление в действительности, не сводимое ни к чему другому.

Член КПЛ В. А. Успенский (Москва), подводя итоги совещания, отметил, что благодаря повышению роли информации и развитию кибернетики изучение языка приобрело за последние годы ярко выраженный прикладной характер: наряду с машинным переводом решаются задачи оптимального использования каналов связи, проблемы автоматической переработки, накопления и выдачи информации, машинного преобразования устной речи в письменную и обратно. В задачу лингвистики входит также разработка стандартизованных научных языков и рациональной символики. Изучение языка должно проводиться точными, математическими методами с применением структурного анализа; необходимо получать разнообразные численные характеристики языка на всех его уровнях — в этих численных данных есть большая практическая потребность. Задачей языковедения является не только изучение существующих языков, но и построение новых, особенно языков-посредников и информационных языков. Весьма важную роль играет аппроксимация языка различного рода моделями; следует отличать, как это показал С. Я. Фитиалов, аксиоматику и интерпретацию модели от алгоритма ее получения. Алгоритмы моделирования языка должны строиться без обращения к смыслу сообщений; нахождение смысловой стороны, являющееся главной целью лингвистического исследования, должно быть результатом, а не предпосылкой работы алгоритма. При построении языков-посредников нужно различать теоретические и практические задачи; при построении символических языков для записи алгоритмов необходимо иметь в виду автоматическое программирование. Общий вывод: применение математических и структурных методов к изучению языка требует точной формулировки результатов лингвистических исследований, поэтому нужно развивать структурную лингвистику и языковеды должны овладевать математикой.

Л. В. Канторович подчеркнул, что необходимо довести машинный перевод до массового производства; не надо бояться даже того, что этот перевод будет неважного качества, важно, чтобы он выдавался в реальных объемах. Он указал, что следует в экспериментах опираться на универсальные электронные машины.

Лю Юн-цюань дал высокую оценку докладам, заслушанным на совещании, и выразил уверенность в том, что советско-китайское сотрудничество и в области математической лингвистики будет успешно развиваться.

Т. В. Гамкрелидзе (Тбилиси) призвал к внедрению математических методов в историческое языкознание.

И. М. Яглом отметил чрезвычайную перспективность отраслевых лингвистик (например, химической) и высказался за применение математических методов к изучению вопросов стилистики и литературоведения.

А. А. Марков указал на то, что в математической лингвистике уже накоплен некоторый исследовательский опыт и пришло время перейти от любительских занятий в нерабочее время к серьезной и целеустремленной работе, планируемой из единого центра.

Совещание по математической лингвистике в конце своей работы приняло рекомендации, полный текст которых публикуется в первом сборнике «Докладов и сообщений по математической лингвистике и машинному переводу».

Н. Д. Андреев

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА НА МЕСТАХ

(дополнительный список тем кандидатских диссертаций[1])

Кафедры высших учебных заведений, приславшие дополнительные сведения:

1. Вильнюсский гос. ун-т: а) кафедра литовского языка (У—а), б) кафедра романо-германского языкознания (У—б) и в) кафедра классической филологии (У—в).
2. Бельцкий гос. пед. ин-т им. А. Руссо: кафедра французского языка (П—2).
3. Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина: а) кафедра грамматики и истории английского языка (П—3а) и б) кафедра лексики и фонетики английского языка (П—3б).

Английский язык

История языка

1. Прошедшее время перфекта в английском языке с VIII по XVII в. (Л. Д. Крючкова; П—3а).
2. Причастие прошедшего времени в древнеанглийском языке (М. А. Лазорева; П—3а).
3. Рамочная конструкция предложений в древнеанглийском языке (М. Я. Блох; П—3а).

[1] См. ВЯ, 1959, № 4, стр. 143 и сл. и № 5, стр. 136 и сл.

Грамматика современного языка

1. Употребление артиклей с некоторыми отвлеченными именами существительными (Т. В. Соколова; П—3а).
2. Употребление прошедшего длительного как элемента стиля в языке современной художественной литературы (В. Н. Чернышева; П—3а).
3. Исследование процесса субстантивации имен прилагательных (Ю. Гурьева; П—3а).
4. Абстрактные имена существительные с суффиксом *-ment* в современном английском языке (Э. Парейгите; У—б).
5. Междометия в английском языке (С. В. Беккенштейн; П—3б).
6. Адъективные словосочетания в современном английском языке (Ц. С. Горалек; П—3б).
7. Герундиальные сочетания в составе предложений (С. Н. Бронникова; П—3а).
8. Суплетивизм в германских языках (канд. филол. наук В. П. Конецкая; П—3б). Докторская диссертация.
9. Предложения с вводящим *it*, выражающие состояние в современном английском языке (В. С. Денисова; П—3а).
10. Предложения с причастным сказуемым в английском языке (Ю. И. Комиссарова; П—3а).
11. Семантическая нагрузка членов простого предложения в современном английском языке (К. Ф. Гриценко; П—3а).
12. Грамматические признаки различных типов сложных предложений (С. Дубровская; П—3а).
13. Исследование употребления прошедшего простого времени в сложных предложениях и сложных синтаксических единствах (Т. Е. Тчанникова; П—3а).
14. Соподчинение предложений и его употребление как средства выразительности в произведениях художественной прозы (Е. С. Голенко; П—3а).
15. Синтаксис художественной прозы О. Голдсмита (Т. Я. Ряднова; П—3а).

Литовский язык

1. Фразеология сочинений П. Цвирки (И. Ишкаускас; У—а).
2. Лексика сочинений К. Донелайтиса (И. Кабелка; У—а).
3. Употребление инфинитива в литовском языке (В. Манюкене; У—а).
4. Союзные слова в литовском языке (И. Жукаускайте; У—а).

Сопоставление или сравнение явлений двух языков

1. Сравнительный анализ консонантизма английского и литовского языков (Р. Априяските; У—б).
2. Сопоставление значений и употребления времен глагола в английском и немецком языках (М. В. Богоутдинов; П—3а).
3. Частотный словарь румынско-молдавского языка (Л. А. Новак; П—2).

Классическая филология

1. История классической филологии в имп. Вильнюсском университете в 1803—1832 гг. (Е. Фролов; У—в).
2. «Медея» Еврипида (Б. Казлаускас; У—в).
3. «Георгики» Вергилия (Р. Забулис; У—в).

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 1956 г. Институт болгарского языка Болгарской АН и Институт славяноведения АН СССР ведут совместную работу над 1-м томом «Атласа болгарских говоров». Этот том охватывает говоры юго-восточной Болгарии — наименее изученной в диалектном отношении территории. Было проведено 4 экспедиции, в которых принимали участие научные сотрудники обоих институтов, а также преподаватели и студенты Софийского университета и учителя болгарских школ. В связи с предстоящим завершением работы в Москве с 1 по 4 июня 1959 г. состоялось специальное совещание, в котором приняли участие зав. сектором диалектологии Института болгарского языка Болгарской АН проф. Ст. Стойков и научн. сотр. того же института Хр. Холиолчев, научные сотрудники трех институтов АН СССР (славяноведения, русского языка, этнографии), Института языкознания АН УССР, преподаватели Московского, Ленинградского и Одесского университетов и сотрудники ряда других учреждений.

В кратком вступительном слове проф. С. Б. Бернштейн характеризовал совещание как яркое свидетельство творческого содружества болгарских и советских языковедов. Болгарская лингвистическая наука всегда была тесно связана с русской наукой. Хотя русские слависты прошлого и много сделали для изучения болгарского языка, однако никогда деятельность ученых двух стран не была так тесно связана, как в настоящее время. Впервые проводятся большие совместные работы, создаются коллективные труды, имеются общие научные органы печати («Статьи и материалы по болгарской диалектологии»).

Выступивший затем проф. Ст. Стойков подчеркнул, что совместная работа по созданию «Атласа болгарских говоров» является одним из крупнейших начинаний болгарской лингвистики, которое даст возможность решить ряд важнейших вопросов, связанных с развитием болгарского языка.

В докладе Хр. Холиолчева «Итоги картографирования диалектологических материалов трех экспедиций (1956—1958 гг.) в Институте болгарского языка Болгарской АН» говорилось об итогах пробного картографирования в Институте болгарского языка. В докладе была дана оценка собранного материала и характеристика фонетических, морфологических и

лексических карт, выполненных сотрудниками Института болгарского языка Б. Велчевой, К. Костовым и Хр. Холиолчевым.

В докладе «Фонетические карты» Т. В. Попова (Институт славяноведения) остановилась на двух важнейших вопросах болгарской диалектологии: мягкости (твердости) конечных согласных и типах чередования этимологических *ѣ* и *'а*. Собранный для «Атласа» материал вносит существенные коррективы в представление о распространении этих явлений в юго-восточных говорах, в частности о распространении так называемого южноболгарского типа рефлекса *ѣ*.

Следующие два доклада (научных сотрудников того же института) были посвящены морфологическим картам: один из них на тему «Имена существительные и местоимения» был прочитан Э. И. Зелениной, другой — «Глагол» — Г. К. Венедиктовым.

В выступлениях по докладам отмечалось большое значение создаваемого «Атласа болгарских говоров» не только для дальнейшего развития диалектологии, истории болгарского языка, но и истории населения (В. К. Журавлев, Л. П. Жуковская); подчеркивалось единство методологических принципов, которым следуют составители атласов болгарских и русских говоров (С. Б. Бернштейн, О. Н. Мораховская); отмечались и некоторые различия в методике сбора материала для атласов русских и болгарских говоров (В. К. Журавлев, С. Б. Бернштейн). Наконец, рядом выступавших в прениях были высказаны критические замечания как по самим докладам, так и по «Программе», по техническому выполнению карт и другим вопросам (О. Н. Мораховская, Л. Э. Калнынь, Хр. Холиолчев и др.).

Рассмотренные в докладах карты показали, что собранный материал, несмотря на известные ошибки и недостатки, допущенные при его собирании, является вполне доброкачественным и надежным. В этом убеждает прежде всего наличие многих четких изоглосс, позволяющих теперь более точно и аргументированно производить группировку юго-восточных говоров. Этому был посвящен доклад «Группировка говоров и характер основных изоглосс» канд. филол. наук Е. В. Чешко (Институт славяноведения), продолжившей здесь исследование этого вопроса, начатое Ст. Стойковым[1].

В связи с докладом Е. В. Чешко на совещании встал очень важный вопрос о более древнем распределении диалектов и об истории населения юго-восточной Болгарии. В прениях приняли участие: В. М. Иллич-Свитыч, Н. И. Толстой, Хр. Холиолчев, Ст. Стойков.

Доклад проф. С. Б. Бернштейна «Принципы построения комментариев к картам „Атласа болгарских говоров“» был посвящен одному из наименее разработанных вопросов теории и методики лингвистической географии. Может быть поэтому вопрос этот вызвал наиболее оживленную дискуссию на совещании. Докладчик считает, что в «Атласе» центральное место должны занимать не карты, а комментарии к картам. Именно таким представляется ему вышедший 1-й том «Атласа русских говоров». Поэтому комментарии должны содержать весь собранный материал с полной его характеристикой, что даст возможность читателю карт активно оценивать материал, а иногда, может быть, прийти и к иному решению вопроса. По мнению С. Б. Бернштейна, при составлении комментариев нельзя игнорировать старый диалектный материал, как это делали авторы первых лингвистических атласов. Необходимо использовать также данные «Атласа болгарских говоров в СССР» (М., 1958). В общем «комментарии должны дать ценный, полный и проверенный материал для будущего исследования», но они «не должны представлять собой исследования».

За включение указанных в докладе материалов (всех или частично) выступили В. М. Иллич-Свитыч, Е. В. Чешко, Е. И. Демина и др. Другие выступавшие — Ст. Стойков, Хр. Холиолчев, Е. В. Немченко — были вообще против включения каких-либо посторонних материалов. Проф. Ст. Стойков даже предложил вместо «комментариев» говорить о «примечаниях» к картам «Атласа». Было высказано мнение о целесообразности изучения быстро исчезающих говоров фракийских переселенцев (И. К. Бунина, Н. И. Толстой). Некоторые из выступавших говорили о необходимости картографирования в этом «Атласе» говоров, находящихся за пределами Болгарии, в виде помещенных на картах врезок, диаграмм и т. п. (Л. П. Жуковская, Н. И. Толстой).

Проф. Ст. Стойков посвятил свой доклад характеристике вышедшего в Москве в 1958 г. «Атласа болгарских говоров в СССР», составленного С. Б. Бернштейном, Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной. По мнению Ст. Стойкова, этот «Атлас» — «серьезная и важная научная работа, имеющая большое значение не только для болгарской диалектологии и болгарского языкознания, но и для славянского языкознания, а некоторые его особенности имеют и общетеоретическое значение». Обосновав положительную характеристику «Атласа», докладчик высказал и отдельные конкретные критические замечания (непоследовательность транскрипции, неудачность некоторых терминов, ошибочная интерпретация некоторых форм, иногда отсутствие комментариев и др.).

Выступавшие в прениях (И. Матвияс, Л. П. Жуковская, Хр. Холиолчев и др.) согласились с высокой оценкой, которую дал «Атласу» Ст. Стойков, и также высказали ряд критических замечаний в адрес «Атласа». По докладу Ст. Стойкова выступили и состави-

[1] См. Ст. Стойков, Странджанският говор, «Български език», год. VII, кн. 3, 1957.

тели «Атласа»: С. Б. Бернштейн, Е. В Чешко и Э. И. Зеленина.

В ходе совещания состоялось несколько заседаний авторского коллектива, на которых были обсуждены карты, составленные в обоих институтах, вопросы технического оформления карт, составления комментариев к ним и произведено окончательное распределение работы между институтами. Выступивший на одном из заседаний канд. филол. наук И. Матвияс (Институт языкознания УССР) рассказал о работе украинских диалектологов, в частности о ходе работы по составлению Атласа украинских говоров.

Текст докладов и подробное изложение выступлений участников совещания будут опубликованы в 10-м выпуске «Статей и материалов по болгарской диалектологии».

Г. К. Венедиктов
(Москва)

15—18 июня 1959 г. в Кишиневе состоялось Всесоюзное лексикографическое совещание по вопросам составления национально-русских словарей, организованное Координационной комиссией по лексикографии при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР и Институтом языка и литературы Молд. филиала АН СССР. В работе совещания приняли участие лексикографы Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик и областей.

Председатель Президиума Молд. филиала АН СССР доктор истор. наук Я. С. Гросула в своем вступительном слове, отметив большое значение лексикографической работы для подъема культуры национальных республик и областей, охарактеризовал общие задачи лексикографии на ближайшие годы семилетнего плана.

На совещании были заслушаны доклады: А. М. Бабкина (Ленинград) «Некоторые вопросы составления толковых и двуязычных словарей», доктора филол. наук Н. А. Баскакова (Москва) «Из опыта составления караимско-русско-польского словаря», зав. сектором словарей Ин-та языка и лит-ры Молд. филиала АН СССР А. Т. Борща (Кишинев) «Локализмы в двуязычном словаре (на материале молдавско-русского словаря)», научн. сотр. М. В. Подико (Кишинев) «О двуязычном словаре школьного типа», канд. филол. наук В. П. Соловьева (Кишинев) «К вопросу о нормативности в молдавско-русском словаре» и сообщения по частным вопросам лексикографии — кандидатов филол. наук С. И. Билетова (Бельцы), Е. Э. Биршаковой (Ленинград), И. В. Идричана (Кишинев), Н. Г. Корлэтяну (Кишинев), Л. А. Новак (Бельцы), Ф. П. Сороколетова (Ленинград) и др.

На совещании был поставлен также доклад гл. ред-ра Изд-ва иностранных и национальных словарей К. А. Марцышевской (Москва) «О семилетнем плане Издательства иностранных и национальных словарей и об опыте международного сотрудничества в области составления национально-русских словарей».

В заключение были заслушаны сообщения о лексикографической работе на местах доктора филол. наук Л. Л. Гумецкой (Львов), кандидатов филол. наук В. С. Ильина (Киев), М. Н. Чабашвили (Тбилиси), А. А. Орудженва (Баку), М. М. Стенгревич (Рига), Ульвидас Казис (Вильнюс), Г. С. Смирнова (Казань), Шагдарова Лубсандоржи (Улан-Удэ), проф. Э. И. Нурма (Таллин), научн. сотр. С. Туреева (Нукус) и др.

С итогами работы совещания выступили директор ИЯЛ Молд. филиала АН СССР проф. К. И. Вартичан и председатель Координационной комиссии по составлению толковых и двуязычных словарей при Бюро ОЛЯ АН СССР О. С. Ахманова.

Н. А. Баскакое
(Москва)

С 19 по 31 июля 1959 г. в Дженцано секцией русского языка и литературы Ассоциации «Италия — СССР» был проведен Второй национальный семинар преподавателей русского языка и студентов, изучающих русский язык и литературу[2]. В семинаре приняли участие преподаватели и студенты из Генуи, Милана, Бреши, Триеста, Падуи, Виченцы, Тревизо, Венеции, Болоньи, Флоренции, Рима — всего в количестве более 40 человек.

Доктор Альберто Карпителла (Alberto Carpitella) в своем вступительном докладе прежде всего отметил успех предшествовавшего, Первого семинара[3], вызвавшего широкие отклики со стороны преподавателей и студентов многих городов Италии. На Первом семинаре был обсужден ряд вопросов преподавания и изучения русского языка, а также рассмотрены отдельные проблемы творчества Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. С участниками семинара были проведены, кроме того, занятия по вопросам развития речи, морфологии (употребление видов русского глагола, модальные слова), а также по результатам прошедшего в Москве (в том же 1958 г.) Международного семинара студентов, изучающих русский язык. Помимо демонстрации советских кинофильмов на Первом семинаре были прослушаны записи и двух пьес — «Дяди Вани» А. П. Чехова и «Ревизора» Н. В. Гоголя в исполнении артистов МХАТ'а и Малого академического театра.

Далее А. Карпителла сделал обзор изучения русского языка в Италии, начиная

---

[2] По материалам, присланным Итальянским обществом культурной связи с Советским Союзом («Italia — URSS» — Associazione Italiana per i rapporti culturali con l'Unione Sovietica).

[3] Первый семинар, организованный той же секцией русского языка и литературы, состоялся 22—30 сентября 1958 г

со времени после первой мировой войны, и указал при этом на те препятствия, какие встречало это изучение, особенно в годы фашизма. Охарактеризовав изучение итальянского языка в СССР, как находящееся «на высоком уровне»[4], докладчик подчеркнул, что в Италии постановка изучения русского языка и литературы, наоборот, несмотря на рост широкого к нему интереса, все еще остается неудовлетворительной.

В Италии существует немало частных курсов; активную и самоотверженную работу ведет секция русского языка и литературы Общества «Италия — СССР»[5], выросли значительные кадры переводчиков, знакомящих своих соотечественников с русской классической и современной советской литературой. Однако Италия в отношении организации изучения русского языка в государственных культурных учреждениях все еще отстает от таких стран, как Франция, Англия, Бельгия, США.

Особо А. Карпителла остановился на обзоре и характеристике существующих в Италии пособий по русскому языку, учебников, грамматик и словарей, отметив при этом, что одной из существенных причин отставания в данной области является общий недостаток развития итальянской лингвистики. До 1939 г., сказал А. Карпителла, не было исторической грамматики итальянского языка, написанной итальянским автором, не было научной, хотя бы описательной, грамматики современного итальянского языка. Разработка синтаксиса находилась в начальной стадии, а истории языка были посвящены лишь отдельные монографии. В Италии как раньше, так и теперь не проявляется стремления к обобщению лингвистических данных, и в этом отношении труды М. Бартоли и В. Пизани являются исключением. Основной же недостаток А. Карпителла видит «в отсутствии институтов, которые смогли бы объединить на основе единого плана на современном научном уровне ученых, способных развернуть подлинно творческую работу по ряду вопросов, в постановке которых заинтересована наша национальная культура как в области литературы, так и в области филологии, историографии, этнологии и т. д.».

В заключение своего доклада А. Карпителла, ознакомив участников семинара с намеченной программой занятий, внес на семинар два предложения:

1. Обратиться «с призывом к итальянским деятелям культуры, к писателям, литературным критикам, чтобы они уделяли больше внимания изучению русского языка, критическому обсуждению произведений русской и советской литературы, в которых затрагиваются некоторые основные темы современной жизни».

2. Создать «в главных итальянских городах центры по изучению русского языка и литературы», возложив на них задачи: объединения изучающих русский язык и литературу; обеспечения периодических встреч и совещаний; организации конференций и дискуссий по издательской деятельности; проведения мероприятий по привлечению писателей и критиков к обсуждению проблем соприкосновения и расхождения между итальянской и русской литературой и т. д. и т. п.

Второй семинар прошел с большим успехом; была осуществлена разработанная секцией программа занятий. Во время этих занятий были прослушаны доклады и лекции[6], охватившие более десяти грамматических тем (главным образом представляющих наибольшие трудности для итальянцев, которые изучают русский язык,— спряжение глагола, причастные, деепричастные и инфинитивные формы, склонение существительных, местоимения), некоторые вопросы грамматической стилистики, современного словаря, методики преподавания русского языка, четыре литературные темы (творчество А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, М. А. Шолохова). Лекции сопровождались упражнениями (с последующей проверкой), изучением живой речи (прослушивание чтения произведений А. С. Пушкина: «Станционный смотритель», «Метель», «Капитанская дочка», «Руслан и Людмила», «Скупой рыцарь»; Н. В. Гоголя: «Нос», «Шинель»; А. П. Чехова: «Каштанка», «Три сестры»— все это в исполнении В. И. Качалова, Игоря Ильинского и других крупных советских артистов. Слушатели семинара и сами читали вслух и переводили эти произведения). На семинаре демонстрировались и советские фильмы («Пирогов», «Суворов», «Чапаев», «Крейсер „Варяг“», «Сын полка», «Максимка» и др.).

На заключительном собрании участники семинара выступили с заявлением, в ко-

---

[4] Итальянский язык, как указал докладчик, изучается в СССР: в педагогических институтах иностранных языков, в Московском ин-те международных отношений (курс 3-летний и 5-годичный), в университетах — Московском (на филологическом, историческом и экономическом факультетах), Ленинградском, Киевском, Львовском и др., в 22 консерваториях, в 130 музыкальных училищах; имеются курсы итальянского языка при АН СССР, Академии архитектуры и строительства, Ин-те научной информации, Комитете радиовещания, Министерстве внешней торговли СССР, Союзе советских обществ дружбы, в библиотеках и т. д.; кружки итальянского языка существуют также во многих учреждениях, предприятиях, школах Москвы и других городов Советского Союза.

[5] В настоящее время секция разработала для представления в законодательные органы законопроект о введении обучения русскому языку во всех средних технических учебных заведениях Италии.

[6] Частично лекции и доклады принадлежали славянским ученым и методистам (Н. К. Гудзий, И. Р. Палей, М. В. Ушаков и др.— СССР, А. В. Исаченко — Чехословакия) и были зачитаны профессорами семинара, выступавшими также и со своими темами.

тором положительно оценили проведенные занятия, приняли оба предложения А. Карпителла, вынесли благодарность секции русского языка и литературы Ассоциации «Италия — СССР» и единогласно приняли решение посвятить Третий национальный семинар в 1960 г. творчеству М. Горького[7].

С 31 августа по 5 сентября в Лондоне происходил Третий международный конгресс классических наук. Большинство докладов было посвящено вопросам классической истории, философии и искусства. На конгрессе также были прочитаны интересные доклады по лингвистике — о минойских таблицах [Э. Перруци (Урбино, Италия)], о лингвистических и этнических взаимоотношениях минойцев [К. Гордон (США)].

М. М.

С 7 по 12 сентября 1959 г. в Кембридже (Англия) состоялась организованная Кембриджским университетом 12-я Международная конференция китаеведов (так называемая Конференция молодых синологов).

В конференции принимали участие свыше 130 китаеведов из различных стран: Франции, СССР, Италии, Голландии, Дании, США, Японии, Чехословакии, Польши, Турции, Швейцарии, Швеции и т. д. Довольно большой была советская делегация (13 китаеведов различных профилей). Из стран народной демократии прибыли Я. Прушек и Т. Покора (Чехословакия), Я. Хмелевский (Польша), К. Каден (ГДР). Основную массу участников конференции составляли по традиции молодые ученые и аспиранты; в числе их было также несколько студентов-китаеведов из Англии (Кембридж), ФРГ (Мюнхен) и США. Вместе с тем в работе конференции приняли участие и многие известные ученые: В. Саймон, А. Вэйли, П. Ван дер Лун, Е. Г. Пулеблэнк (Англия), Ж. Шэно и А. Рыгалов (Франция), А. Хулсвэ (Голландия), В. Франке (ФРГ) и др.

Из-за трудностей с получением английских въездных виз в работе конференции не смогли принять участия ученые Китайской Народной Республики. В связи с этим конференция направила в адрес Академии наук КНР телеграмму, в которой подчеркивалась роль китайских ученых в развитии мирового китаеведения и выражалось сожаление о том, что ученые КНР не смогли принять участия в работе конференции.

Международные конференции китаеведов являются комплексными собраниями. Поэтому на 12-й Международной конференции рассматривались вопросы китайской истории, философии, литературоведения, языкознания. Работа конференции осуществлялась не в секциях, а на общих заседаниях, и каждое заседание обычно посвящалось докладам по одной дисциплине.

Лингвистические доклады были заслушаны на заседании 11 сентября. Из них три доклада были посвящены древнему, два — современному китайскому языку. Доклад Е. Пулеблэнка (который является не только лингвистом, но и историком и литературоведом) «Исторический метод и лингвистическое исследование в приложении к классическому китайскому языку» был посвящен технике исследования древних текстов и методике установления лексических и грамматических значений слов в текстах разного времени при помощи грамматического анализа.

Доклад Ж. Мюлдера (Голландия) «О морфологической структуре отрицаний в древнем китайском языке» связан с темой подготовленной докладчиком диссертации. Основываясь на реконструкциях Б. Карлгрена, Мюлдер исследует звуковой облик отрицаний, их функции или структурные значения (валентности, по его терминологии) и отыскивает в языке слова с положительным значением, являющиеся парными по отношению к словам с отрицательным значением.

Я. Хмелевский в своем докладе «Два заимствованных слова в раннем китайском языке» проследил пути проникновения двух двусложных заимствованных и неэтимологизируемых слов в китайский язык.

В докладе Н. В. Солнцевой (СССР) «Морфологические проблемы в современном китайском языке» частные грамматические категории в китайском языке трактовались как внешние, благоприобретенные по отношению к общим грамматическим категориям (частям речи), и таким образом доказывалось, что общие грамматические категории не базируются на частных грамматических категориях.

Доклад Б. С. Исаенко (СССР) «Слова со связанным значением» был посвящен проблеме специфической группы слов китайского языка, которые он определяет как «слова со связанным значением» и к которым докладчик относит слова, самостоятельные по всем грамматическим признакам, но с ограниченной смысловой сочетаемостью и вследствие этого употребляющиеся лишь в определенном контексте.

Кроме того, значительный интерес для лингвистов представил доклад У Ши-чана (Оксфорд) «О некоторых проблемах романа „Хунлоумэн“», прочитанный на заседании 10 сентября, посвященном вопросам литературоведения. Доклад был полемически направлен против выводов известного шведского синолога Б. Карлгрена. Исследовавший обе части этого романа, Б. Карлгрен, оперируя лингвистическим методом, в свое время доказывал, что обе части принадлежали перу одного автора. У Ши-чан, применив ту же методику, что и Карлгрен, привлек гораздо больший материал и, основываясь на его исследовании, пришел к противоположному выводу. Б. Карлгрен, как известно, пользуется большой популярностью среди западных

---

[7] См. отклики в августовском номере «Reallo sovietica» (стр. 31), а также в газетах от 6 VIII 1959 г.— «Unita» (стр. 3) и «Il Paese» (стр. 5).

синологов, поэтому при обсуждении доклада В. Саймон призвал к осторожности в попытках переоценки материалов и выводов Б. Карлгрена. Интересно, однако, отметить, что в то же время известный английский синолог А. Вэйли в своем выступлении советовал относиться к выводам Б. Карлгрена критически и больше прислушиваться к мнению ученых, для которых китайский язык является родным.

Уже сами по себе доклады и выступления в прениях в известной мере характеризуют круг интересов зарубежных синологов-лингвистов. Несомненно, что более всего привлекает лингвистов, в особенности представителей старшего поколения, древний китайский язык. Тем не менее за последние годы среди зарубежных лингвистов наметилось также усиление внимания к изучению современного китайского языка. Многие лингвисты — Г. Ф. Саймон и М. А. К. Халлидэй (Англия), А. Рыгалов (Франция), С. Егерод (Дания) — интересуются общими проблемами строя китайского языка и его типологии.

С интересом отнеслись участники конференции к вопросу об использовании нового фонетического алфавита, созданного в КНР. На заключительном заседании конференции по этому вопросу была принята резолюция, выработанная специальной комиссией. Резолюция содержит предложение обсудить на следующей Международной конференции китаеведов вопрос об использовании всеми синологами в целях транскрибирования нового фонетического алфавита.

Н. В. Солнцева
(Москва)

С 15 по 18 сентября 1959 г. в Самарканде по инициативе языковедческих кафедр Узбекского гос. ун-та им. А. Навои состоялось совещание по вопросам теории и практики фразеологии, в котором приняло участие более 40 языковедов из 23 вузов республик Средней Азии, Казахстана, РСФСР, Грузии и Азербайджана.

Работа совещания проходила по трем секциям: фразеологии тюркских языков, славянских языков, романо-германских и иранских языков. Общее руководство совещанием осуществлял представитель Института языкознания АН СССР доктор филол. наук Э. В. Севортян.

Участники совещания заслушали и обсудили 34 доклада и сообщения. В докладе проф. У. Турсунова (Самарканд) «Состояние и задачи изучения фразеологии узбекского языка» подведены итоги изучения фразеологии в Узбекистане и намечены конкретные пути дальнейшей работы. В докладе канд. филол. наук Н. М. Сакварелидзе (соавтор — А. А. Такаишвили, Тбилиси) «Изучение вопросов фразеологии в грузинском языкознании» наряду с сообщением о современном состоянии грузинской фразеологии был затронут и ряд теоретических вопросов. В частности, грузинские языковеды считают целесообразным ограничить область фразеологии собственно фразеологическими оборотами, исключая из фразеологии пословицы, поговорки, крылатые слова, традиционные приветствия и т. д.

Доцент Узб. ун-та Л. И. Ройзензон (Самарканд) в своем докладе сделал обзор работ по фразеологии, вышедших в Польше за последние 30 лет. В докладе отмечены успехи польских ученых в области изучения фразеологии родственных языков.

В секции тюркской фразеологии было заслушано 12 докладов. Канд. филол. наук А. А. Коклянова (Москва) в своем докладе «Границы между фразеологическими и свободными словосочетаниями (на материале узбекского языка)» предлагает при разграничении фразеологических и свободных словосочетаний делать упор на фактор устойчивости анного сочетания и на выяснение закономерностей сочетаемости слов в данном языке. В частности, А. А. Коклянова отрицательно смотрит на отнесение к фразеологии устойчивых терминологических выражений типа *темир йўл, коммунистик партия*. Была также отмечена важность учета исторических факторов при возникновении фразеологизмов. Напротив, Т. У. Уринов (г. Карши) в докладе «Термины, выраженные устойчивыми сочетаниями (на материале узбекского языка)» рассматривает среди фразеологических единиц и терминологические словосочетания. Судя по выступлениям, этот вопрос, очевидно, еще не раз будет предметом дискуссий.

В докладе Ч. Г. Сайфуллина (Алма-Ата) «Уйгурская фразеология» была дана детальная морфологическая классификация фразеологических единиц уйгурского языка. Ч. Г. Сайфуллин, подобно проф. А. А. Реформатскому, слишком широко понимая фразеологию, включает в ее состав даже отдельные слова в метафорическом употреблении. Эта точка зрения не получила поддержки у выступавших.

Доклад Ш. Рахматуллаева (Ташкент) «Об одной особенности грамматической структуры фразеологических единиц в современном узбекском языке» был связан с вопросом грамматического оформления компонентов. входящих в состав фразеологизма.

В докладах Н. Шукурова (Самарканд) «Стилистическое использование фразеологических оборотов в поэзии Г. Гуляма» и М. Хусаинова (Самарканд) «Фразеология произведений Айдын» были прослежены конкретные авторские приемы включения фразеологизмов в контекст и даны наблюдения над их стилистическими функциями как особого рода художественно-изобразительных речевых средств. К данным докладам примыкают доклады доц. С. Мирзаева и доц. Х. Даниярова (Самарканд) «О переводе фразеологии рассказов Айдын на русский язык» и Ю. Пулатова (Самарканд) «Особенности перевода фразеологических оборотов с русского языка на узбекский».

На актуальную тему был дан доклад доц. Х. Даниярова (Самарканд)

«Наблюдения над фразеологией джекающих говоров узбекского языка», поскольку диалектная фразеология до сих пор остается наименее изученной областью.

Оживленную дискуссию вызвали доклады: доц. Х. Бердиярова (Самарканд) «Некоторые вопросы узбекской фразеологии», доц. Г. А. Байрамова (Баку) «Фразеологизм и о принципах составления фразеологического словаря азербайджанского языка», доц. Г. Очиловой (Анхабад) «Туркменская фразеология». Несмотря на практическую направленность упомянутых докладов, в них были также поставлены некоторые общетеоретические вопросы, в частности о принципах подачи фразеологизмов, о том, какие устойчивые словосочетания следует включать в словарь.

На секции романо-германских и иранских языков было заслушано 6 докладов и 2 сообщения. В сообщении Ю. М. Феличкина рассказывается о работе кафедры романо-германских языков Узб. ГУ по составлению краткого французско-узбекского словаря идиом. Все остальные выступления касались частных вопросов отдельных языков. Ст. преп. В. Б. Сосновская (Алма-Ата) сделала доклад на тему: «К вопросу образования фразеологических единиц типа *to come to* в английском языке» и сообщение «О сочетаниях глагола *to be* + предложное наречие (типа *to be off*)». Доклад ст. преп. В. Е. Щетинкина (Самарканд) «О становлении некоторых фразеологизмов во французском языке» связан с наблюдением над некоторыми устойчивыми группами слов модального характера типа *à mon avis, ce me semble, peut être*.

Л. К. Жукова (Самарканд) в своем докладе «Разобщенные фразеологизмы в романе Голсуорси „Белая обезьяна“» проследила способы авторской обработки фразеологических выражений. Наблюдения над стилистическим использованием фразеологизмов содержит и доклад канд. филол. наук А. Н. Мороховского (Самарканд) «К вопросу о характере взаимоотношений компонентов фразеологических сочетаний в английском языке». Об особенностях отрицательных фразеологических словосочетаний во французском языке говорил в своем докладе Л. М. Минкин (Самарканд). Доц. Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) рассмотрела некоторые вопросы фразеологии курдского языка и, в частности, основные структурно-семантические особенности глагольных фразеологизмов.

Интересные доклады были заслушаны и в секции русской фразеологии. Доц. М. М. Копыленко (Алма-Ата) в докладе «Фразеологические явления в памятниках славянской переводной литературы X — XII вв.», основываясь на сопоставлении древнеславянских переводов («Иудейская война» Иосифа Флавия, «Хроника Георгия Амартола» и др.) с их древнегреческими подлинниками, представил очень интересные наблюдения над фразеологическим богатством и фразеотворчеством древнеславянских переводчиков. Второй доклад — Л. П. Ефремова (Алма-Ата) «Лексическое и фразеологическое калькирование» — дает картину калькирования в современном русском языке. Автор рассматривает фразеологические кальки как различные типы устойчивых словосочетаний, воспроизводящих структуру и значение соответствующих иноязычных оригиналов.

Интересные наблюдения содержал доклад доц. А. Е. Супруна (Фрунзе) «Некоторые особенности фразеологических единиц с числительными», особенно о процессе окачествления числительных в составе некоторых фразеологических речений. Фразеологизмам-терминам посвящен доклад канд. философских наук А. Л. Брудного (Фрунзе) «О некоторых особенностях фразеологизмов, обладающих терминологическим значением». Фразеологические образования с предложно-падежными оборотами в современном русском языке явились темой сообщения ст. преп. А. А. Цоя (Самарканд). Доц. В. М. Никитевич (Алма-Ата) в своем докладе «Лексико-грамматические отношения в словосочетаниях фразеологического типа в русском языке», указав на неточность и ненадежность принципов логического выделения связанных словосочетаний, предложил структурно-грамматический метод. Доц. И. М. Багрянский (Самарканд) познакомил аудиторию с некоторыми наблюдениями над фразеологией «Поднятой целины» М. А. Шолохова (по опубликованным главам второй книги). Специфику видовой корреляции в фразеологических единицах русского языка рассматривал в своем докладе «О некоторых особенностях глагольных фразеологизмов русского языка» А. Н. Тихонов (Самарканд).

Исключительно вопросам теории фразеологии были посвящены доклады доцентов Ю. Р. Геннера (Харьков), В. П. Жукова (Гурьев) и Л. И. Ройзензона (Самарканд). Основные положения доклада Ю. Р. Геннера «Фразеология в системе русского языка» сводятся к тому, что фразеология как отрасль языкознания должна быть отделена от лексикологии и выделена в самостоятельную лингвистическую науку. Кроме того, были затронуты вопросы фразеологического творчества писателя, фразеообразования в общелитературном языке и др. В докладе В. П. Жукова «О смысловой структуре фразеологизмов» обосновываются положения о их «внутренней форме» и о «смысловом центре». Некоторые новые теоретические положения были выдвинуты и в докладе «Фразеологизация как лингвистическое явление» Л. И. Ройзензона, предложившего различать три типа фразеологических образований: неразложимые (*сломя голову*), связанные (*несусветная чушь*) и постоянные (стабилизированные) (*железная дорога, красный уголок*). Все эти три типа объединяются термином «устойчивые образования». В отличие от Н. М. Шанского, докладчик считает, что фразеологизмами могут быть не только сло-

восочетания и предложения, но и сочетания слов типа *по горло, по гроб, не ахти*. Л. И. Ройзензон строго разграничивает понятия фразеологизации и идиоматизации. Последнее является только частным (хотя и очень распространенным) случаем первого и, как правило, приводит к образованию идиоматических выражений. Все образования, подвергающиеся в языке фразеологизации, докладчик делит на две группы: а) индивидуальные фразеологические и б) типологические. Л. И. Ройзензон выдвинул также положение о внутренних (первичных) и внешних (вторичных) фразеологических связях.

В конце работы совещания была принята следующая резолюция: 1) считать целесообразным проведение аналогичных совещаний не реже одного раза в год; 2) создать инициативную группу в составе доктора филологических наук Э. В. Севортяна (Москва), проф. У. Т. Турсунова (Самарканд), канд. филол. наук Ш. Рахматуллаева (Ташкент), канд. филол. наук Ч. Г. Сайфуллина (Алма-Ата), доц. В. М. Никитевича (Алма-Ата), доц. Л. И. Ройзензона (Самарканд), доц. Дж. Шукурова (Фрунзе), доц. Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) и других, в задачу которой входит организация координационного комитета по фразеологии, призванного направлять в дальнейшем все виды работ в теоретической и практической областях фразеологии; 3) выпустить сборник материалов данного совещания; 4) ходатайствовать перед соответствующими организациями об издании периодического бюллетеня по фразеологии (два номера в год по 4 печ. листа).

Л. И. Ройзензон, Д. М. Насилов
(Самарканд)

С 15 по 18 сентября 1959 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков, проведенное Институтом языкознания АН СССР. В работе совещания, кроме сотрудников Института языкознания, приняли также участие языковеды финно-угорских республик Советского Союза: Эстон. ССР, Карельской, Коми, Марийской, Мордовской, Удмуртской АССР, Коми-Пермяцкого национального округа, Ленинграда, научные сотрудники Института национальных школ АПН РСФСР, Института этнографии АН СССР и др.

Во вступительном слове зав. сектором финно-угорских языков Института языкознания АН СССР доктор филол. наук К. Е. Майтинская (Москва), сделав краткий обзор состояния финно-угорского языкознания за предшествующий период, отметила, что советское финно-угорское языкознание в настоящее время характеризуется углубленным изучением современных диалектов, планомерным исследованием теоретических проблем в области фонетики, грамматики и лексикологии. В последние годы окрепли контакты с зарубежными финно-угроведами.

На пленарных заседаниях состоялось 11 докладов. Кроме того, 20 докладов и сообщений были заслушаны на двух секциях: секции прибалтийско-финских и саамского языков и секции волжских и пермских языков.

Почти все доклады были посвящены историческим исследованиям конкретных вопросов финно-угорской фонетики, грамматики, лексикологии и диалектологии. В докладах, состоявшихся на пленарных заседаниях, рассматривались как общие вопросы сравнительно-исторического изучения финно-угорской языковой семьи, так и наименее разработанная проблематика в отдельных ее группах. Секционные доклады охватывали материалы одного языка или же целой близко родственной группы.

Доктор филол. наук В. И. Лыткин (Москва) в докладе «Некоторые вопросы вокализма финно-угорских языков» указал, что основной причиной неразработанности истории финно-угорских гласных является недостаточная изученность источников исторической фонетики, в особенности по восточнофинским языкам, древних памятников письменности, диалектов, словарных заимствований и т. д. В. И. Лыткин высказал мнение, что первоначальные звуки финно-угорского языка-основы возможно реконструировать, лишь опираясь на результаты предварительно проведенного сравнительно-исторического анализа звуковых систем отдельных ветвей финно-угорской семьи языков. Эта точка зрения В. И. Лыткина нашла поддержку во всех выступлениях по его докладу.

Обсуждение доклада доктора филол. наук К. Е. Майтинской «Функция местоименного суффикса *-n-* в личных местоимениях финно-угорских языков» вылилось в большую дискуссию. В результате анализа таблицы местоимений всех финно-угорских языков К. Е. Майтинская пришла к выводу, что суффикс *-n-* в этих языках выступал в качестве оформителя личных местоимений и поэтому отсутствует в случаях, когда в функции личного местоимения употребляется местоимение указательное.

Член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников (Москва) признал спорным утверждение К. Е. Майтинской о том, что *-n-* в местоимениях когда-то обозначал класс одушевленный, класс человека. Акад. Эст. АН П. А. Аристэ говорил, что какая-то дифференциация одушевленности и неодушевленности в финно-угорском языке-основе, по-видимому, была. Об этом можно судить по некоторым очень архаичным показателям в отдельных разрядах местоимений современных финно-угорских языков.

Большой интерес вызвал доклад канд. филол. наук А. К. Матвеева (Свердловск) «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала». Докладчик отметил, что изучение финно-угорского наследия в русском языке имеет важное значение как для истории финно-угорских языков и народов, так и для русского языкознания и русской истории.

По мнению А. К. Матвеева, финно-угорское наследие в русской диалектной лексике значительно больше, чем это обычно принято считать. В докладе было приведено большое количество финно-угорских элементов в русской диалектной лексике на территории Северного и Среднего Урала. Выступившие по докладу А. К. Матвеева подчеркнули необходимость перехода к целенаправленному изучению финно-угорских заимствований и финно-угорской топонимики не только языковедам, но и историкам, поскольку эта проблема выходит за пределы лингвистики.

В докладе Б. А. Серебренникова «Из истории склонения имен существительных и личных местоимений в пермских языках» были определены основные критерии, дающие возможность выявить наиболее древний падежный ярус, на который в дальнейшем могли наслаиваться падежи вторичного происхождения пермских языков.

На теоретических положениях доклада Б. А. Серебренникова можно строить изучение вопросов исторической морфологии и других языковых групп.

Мл. научн. сотр. Е. С. Гуляев (Коми филиал АН СССР) в докладе «К вопросу о происхождении эгрессива в пермских языках» утверждал, что эгрессив по происхождению представляет собой контаминацию двух падежных показателей: элатива и терминатива. Эта точка зрения подверглась критике со стороны Б. А. Серебренникова, по мнению которого для такой контаминации столь далеких падежей нет семантического основания.

Канд. филол. наук В. В. Сенкевич-Гудкова (Петрозаводск) в докладе «К вопросу о фонетических и некоторых морфологических сходствах и различиях кольско-саамских диалектов с самодийскими языками» указала, что внутренняя флексия является одной из важнейших самодийских структурных общностей. Обилие черт фонетической общности между кольско-саамскими и самодийскими диалектами, подчеркнула В. В. Сенкевич-Гудкова, доказывает, что так называемые протосаамские явления в фонетике саамского языка представляют собою протоуральские особенности, сохраненные исконно уральским языком со значительно большей полнотой, чем другими самодийскими или финно-угорскими языками.

Выступая по сообщению В. В. Сенкевич-Гудковой, Б. А. Серебренников отметил, что в докладе осталось невыясненным, указывают ли приведенные фонетические параллели на генетическое родство или же только на внешнее типологическое сходство. Возможно, что эти образования ничего не имеют общего между собою, поскольку могли возникнуть самостоятельно и в разные эпохи.

В докладе канд. филол. наук В. А. Злобиной (Петрозаводск) «Из истории слов, выражающих состояние в прибалтийско-финских языках» были приведены три пласта слов, выражающих состояние: 1) слова, окончательно отделившиеся от именной сферы; 2) слова, выступающие как наречия и как слова состояния; 3) слова, с одной стороны, сохранившиеся как имена и, с другой — выступающие как слова состояния в определенных синтаксических конструкциях. Слова первой группы, по мнению докладчика, образуют вполне самостоятельную грамматическую категорию, имеющую свои особые грамматические и логико-семантические признаки.

К. Е. Майтинская указала, что некоторые конструкции состояния, приведенные в докладе В. А. Злобиной, являются очень древними и их можно рассматривать как финно-угорское наследие. Б. А. Серебренников признал, что некоторые конструкции, связанные с категорией состояния, являются специфичными лишь для прибалтийско-финских языков и нехарактерными, за исключением очень редких спорадических случаев, для других финно-угорских языков. Однако этот материал в докладе В. А. Злобиной, по мнению Б. А. Серебренникова, был подан в описательном плане. В. Эрнитс (Тарту) обратил внимание на то, что в докладе В. А. Злобиной не были привлечены многие интересные конструкции состояния из прибалтийско-финских языков. Канд. филол. наук З. М. Дуброви на (Ленинград) критиковала В. А. Злобину за то, что в своем докладе она преимущественно пользовалась лишь материалами финского языка.

В докладе научн. сотр. М. М. Хямяляйнена (Карельский филиал АН СССР) «Внешне-местные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков» были рассмотрены случаи утраты различий между отдельными внешне-местными падежами в карельском, вепсском, ижорском и финском языках и их диалектах. Причины совпадения двух внешне-местных падежей в одном, указал докладчик, носят в большинстве случаев фонетический характер. Возникновение различий в употреблении внешне-местных падежей не восходит к прибалтийско-финской языковой общности, а относится к более позднему периоду.

Основные положения доклада М. М. Хямяляйнена нашли поддержку в выступлении Б. А. Серебренникова. В. В. Сенкевич-Гудкова пополнила доклад М. М. Хямяляйнена рядом интересных примеров из саамских диалектов.

Оживленный обмен мнениями имел место по докладу канд. филол. наук Н. М. Терещенко (Ленинград) «О выражении поссессивных отношений в самодийских языках». П. А. Аристэ, выступая по этому докладу, подчеркнул, что признак родительного падежа *-n-* в самодийских языках мог перейти в гортанно-смычный согласный, и в качестве подтверждения привел ряд примеров из эстонских диалектов, в которых встречается звук, близкий по своему качеству к гортанно-смычному согласному самодийских языков. Б. А. Серебренников, напротив,

указал, что для такого перехода были очень малые потенциальные возможности. По-видимому, первоначально это было не чистое *n*, а *n* плюс еще какой-то другой согласный, близкий к гортанно-смычному звуку.

В выступлениях по докладу канд. филол. наук Х. Рятсепа (Тарту) «Об историческом исследовании фразеологии прибалтийско-финских языков» высказывались пожелания об исследовании в широком плане исторических путей становления и развития фразеологии во всех финно-угорских языках с предварительным изданием фразеологических словарей каждого финно-угорского языка в отдельности.

На секции волжских и пермских языков был подвергнут критике доклад канд. филол. наук Н. Ф. Цыганова (Саранск), посвященный мало разработанному вопросу о классификации диалектов эрзя-мордовского языка. Выступившие отметили, что при классификации эрзянских диалектов необходимо опираться не только на их фонетические особенности, но и на лексические и грамматические показатели всех говоров эрзянского языка.

В выступлениях по докладу канд. филол. наук Ф. И. Петербургского (Саранск) «О мордовской транскрипции» указывалось, что докладчик в изложении основной темы сбивался на обсуждение вопросов орфографии и транслитерации, не имеющих прямого отношения к научной транскрипции.

На секции волжских пермских языков состоялись также доклады канд. филол. наук П. Н. Перевощикова (Ижевск) «К вопросу истории образования субъектных деепричастных конструкций в удмуртском языке», канд. филол. наук В. В. Объедкина (Саранск) «К вопросу о сложении эрзянских диалектов и говоров с редуцированным гласным ъ в юго-восточной части Мордовской АССР», доцента Г. А. Нечаева (Сыктывкар) «Функции форманта *-ӧс* винительного падежа в коми языке», канд. филол. наук И. С. Галкина (Йошкар-Ола) «К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке» и др.

На секции прибалтийско-финских и саамского языков с большим интересом было заслушано сообщение П. А. Аристэ «О составлении водского словаря». Как отметил П. А. Аристэ, на водском языке теперь говорят всего лишь несколько десятков человек в Кингисепском р-не Ленинградской обл. Поскольку водский язык в некоторых отношениях находится на более архаичной ступени развития, его изучение важно с точки зрения истории всей группы прибалтийско-финских языков, в которую он входит.

На этой секции также выступили с докладами: канд. филол. наук А. А. Беляков (Петрозаводск) «Карельская диалектная лексика», канд. филол. наук Ю. Пеэгель (Тарту) «Язык древних эстонских народных песен», канд. филол. наук Г. М. Керт (Петрозаводск) «Именная и глагольная основы в кильдинском диалекте саамского языка» и др.

На заключительном пленарном заседании был заслушан обстоятельный доклад зав. лабораторией экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР канд. филол. наук С. С. Высотского «Об использовании экспериментальной фонетики для диалектологических исследований». С. С. Высотский обратил внимание на то, что перед специалистами по экспериментальной фонетике стоит задача создания двух крупнейших коллективных работ: фонетических атласов и фонотеки всех языков и диалектов народов СССР.

В конце совещания была принята резолюция. Зам. директора Института языкознания проф. Ю. Д. Дешериев поблагодарил всех участников дискуссии и сообщил, что материалы финно-угорского совещания будут опубликованы в специальном сборнике, посвященном памяти видного финно-угроведа члена-корр. АН СССР Д. В. Бубриха.

А. П. Феоктистов
(Москва).

С 23 по 25 IX 1959 г. в Загребе проходил Второй съезд югославских славистов (о Первом съезде см. ВЯ, № 1, 1958, стр. 174), в котором участвовали делегаты из всех республик Югославии. Работа съезда происходила на пленарных заседаниях и в секциях — языковедческой, литературоведческой и педагогической. К языковедческой тематике относились доклады: акад. А. Белича (Белград) «Общеславянский и югославский диалектологические атласы»; П. Ивича (Нови Сад) «Результаты и основные направления славистической науки в свете IV Международного конгресса славистов»; Й. Вуковича (Сараево) «Современные задачи науки о сербскохорватском языке в Югославии»; З. Винце (Задар) «Современные задачи науки о литературных языках в Югославии»; Б. Конеского (Скопле) «Некоторые проблемы в связи с изучением македонского литературного языка»; Т. Димитровского (Скопле) «Влияние сербскохорватского литературного языка на македонский»; Б. Корубины (Скопле) «Некоторые явления в языке современных македонских писателей»; Л. Йонке (Загреб) «Значение и способы введения нового правописания»; С. Живковича (Загреб) «Унификация значения грамматических понятий»; М. Стевановича (Белград) «Сущность синтаксиса глагольных времен»; Б. Погорелец (Любляна) «Основная проблематика синтаксических исследований словенского языка»; Ф. Безлая (Любляна) «О задачах славистики»; Р. Пауновича (Цетинье) «Ватрослав Ягич»; И. Эсиха (Загреб) «Ягич и украинцы»; М. Храсте (Загреб) «Методология изучения наших диалектов»; Л. Вуйовича (Цетинье) «Один из вопросов диалектологии черногорских говоров»; В. Якич-Цестарич (Задар) «Из акцентологических

наблюдений над чакавскими материковыми говорами»; М. Павловича (Нови Сад) «Влияние праславянских субстратов на формирование сербскохорватских диалектов»; Д. Брозович (Задар) «О значении балтийских языков для славистики и, в частности, для сербскохорватской диалектологии»; Ж. Милячича (Задар) «Далматинско-венецианские заимствования в сербскохорватском языке». По докладам развернулась оживленная дискуссия. Второй съезд югославских славистов принял ряд решений по организационным вопросам. *Н. Т.*

---

6 октября 1959 г. в Институте русского языка АН СССР состоялся доклад проф. Д. П. Богдана (Румынская Народная Республика) на тему «Граффити из Бассараб». Доклад румынского ученого, привлекший как научных сотрудников Института русского языка, так и представителей других филологических специальностей, был посвящен описанию граффити, найденных в 1957—1958 гг. в Добрудже (РНР), в местности Бассараб (Констанцской области). Граффити эти, а также различные изображения оказались в пещерах, обнаруженных в меловом карьере в селе Бассараби. Пещер всего пять — в одной из них была маленькая церковь, остальные служили, очевидно, жилищем схимников. Некоторые из граффити написаны кириллицей, другие (их большинство) — руническим письмом. В рунических надписях также имеются отдельные славянские буквы. На одной из двух кириллических надписей (в пещерной церкви) приведена дата — 6.000, т. е. 992 г. нашей эры.

Подробно остановившись на палеографической характеристике найденных кириллических надписей, докладчик указал, что их буквы имеют архаические формы древнего устава геометрического типа. Некоторые из этих форм известны в дошедших до нас и описанных в литературе десяти древнеславянских кириллических надписях и граффити. Сопоставив вновь открытые граффити с тремя древнеславянскими надписями (Добруджская надпись 943 г., надпись царя Самуила 993 г. и Ворожская надпись 996 г.), Д. П. Богдан установил ряд особенностей и различий в их графике. Эти различия настолько значительны, что докладчик выдвинул предположение об авторской принадлежности вновь открытых надписей не славянину, а дакийцу, изучившему древнеславянское письмо и язык. К тому же по происхождению и дате граффити из Бассараби можно связать с «Саввиной книгой» и Супрасльской рукописью, которые рядом крупнейших славистов (Шафариком, Ягичем, Вондраком, Крымским и Облаком) считаются написанными в Дакии. В последнее время графический анализ «Саввиной книги» и Супрасльской рукописи приводит к выводу, что они написаны также в X в.

Неизвестно, на каком языке даны надписи из Бассараби, и это прежде всего затрудняет расшифровку руническихзнаков и имеющихся с ними изображений — бегущего коня, оленя, летящей птицы, драконов и отдельных частей человеческих фигур (видимо, православных святых), различных форм креста. Изображения отличаются большой реалистичностью и выполнены с исключительным мастерством. Общее число найденных рун — 112, среди них многие открыты впервые. Поскольку в недешифрованных граффити есть кириллица и кое-где глаголица, автор полагает, что все надписи сделаны не ранее X в. Заканчивая доклад, Д. П. Богдан подчеркнул большое научное значение сделанного открытия, указав, что, по его мнению, оно связано, в частности, и с такой важной проблемой, как возникновение румынской народности, которое в свете новых данных может быть отнесено к X в.

В обсуждении доклада приняли участие как лингвисты — профессора С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, П. С. Кузнецов, так и представители других специальностей — историк акад. Б. А. Рыбаков, палеограф доктор истор. наук М. В. Щепкина и др. Все выступавшие подчеркивали важное значение и исключительный интерес, какой имеет открытие в Бассараби. Особое внимание, естественно, привлек вопрос, на каком языке были написаны граффити. Указывалось на необходимость проведения археологических изысканий в местности находки.

Б. А. Рыбаков заявил, что кресты, рисунки которых были продемонстрированы докладчиком (как простой четырехконечный, так и мальтийский), говорят о принадлежности их IX—X вв. В находках XI в. такие кресты не встречаются. Также изображения драконов (ящеров) известны по костяным поделкам и курганным сосудам могильников IX — первой половины X в. Что касается изучения языка надписей, то крайне необходимо для этого ускорить печатную публикацию материала. По предварительному знакомству с граффити трудно судить, является ли язык надписей славянским, дакийским или тюркским.

М. В. Щепкина в своем выступлении отметила, что в Лаврентьевской летописи под 991 г. имеется запись о совместном походе князя Владимира с торками против болгар. Возможно, что именно нашествие чужеземных войск и заставило покинуть эти пещеры их обитателей — иноков, которые, унеся с собой, очевидно, немногочисленную церковную утварь (никаких предметов найдено не было), закрыли церковь, поставив в надписи у ее входа дату своего ухода и завалив меловыми плитами одну из пещер, где остались тела двух умерших (их скелеты теперь и были найдены).

Н. А. Баскаков указал на ряд замеченных им совпадений знаков бассарабских рун и знаков хунтско-тюркского ареала.

Председатель собрания заместитель академика-секретаря член-корр. АН СССР проф. С. Г. Бархударов, подводя

итоги обсуждения, благодарил докладчика и заверил его в готовности и советских специалистов оказать всемерную поддержку при дальнейшем исследовании и расшифровке вновь открытых памятников древней письменности.

Ф. Ф. Кузьмин
(Москва)

В Институте языка и литературы АН Узб. ССР в течение второго и третьего кварталов 1959 г. на собраниях лингвистического семинара славистов-востоковедов были заслушаны и обсуждались сообщения: руководителя семинара В. М. Попова «О тюркизмах в лексике литературного русского языка» (до слова *маштак*), «Воспоминания о Бодуэне де Куртене», «Новое в теории голосоподачи» (о работе Л. Б. Дмитриева в сб. «Проблемы физиологической акустики», вып. III, «Об исторической грамматике русского языка И. В. Устинова»; Ф. Абдуллаева «Флексия в узбекском языке»; Ю. Н. Завадовского «Замечания о словаре тюркизмов в русской лексике Н. К. Дмитриева»; В. Г. Прокофьева «Об енидже-вардорском говоре македонского языка», «О болгарском сборнике к IV Международному съезду славистов»; Г. И. Коляды «Новое в лексике первых печатных книг И. Федорова»; П. А. Данилова «О грамматических трудах И. И. Давыдова», «О некоторых древних рукописях в библиотеке Среднеазиатского ун-та и библиотеке им. А. Навои», «О самаркандской конференции по вопросам фразеологии». Кроме того, заслушаны юбилейные доклады, посвященные памяти Ф. Ф. Фортунатова и Бодуэна де Куртене. Намечено заслушать сообщение Н. В. Владимировой к 100-летию со дня рождения А. П. Чехова (на 65-м заседании семинара).

В августе 1959 г. в институте был организован сектор русской литературы и языка.

Вл. Попов
(Ташкент)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Информационный бюллетень ЮНЕСКО. —1959, №№ 57—61.

Научная сессия выпускников Одесского гос. пед. ин-та иностранных языков. Тезисы докладов.— Одесса, 1959. 25 стр.

Ученые записки (Вильнюсского гос. пед. ин-та) (История и филология). Т. III — 1957. 320 стр. [на литов. яз.].

Ученые записки (Вильнюсского гос. пед. ин-та) (Литовский язык и литература). Т. VIII — 1959. 261 стр. [на литов. яз.].

Т. И. Антонова. Некоторые предложения и второстепенные члены.— Магнитогорск, 1959. 61 стр.

А. Аннануров. Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык.— Ашхабад, 1956. 191 стр.

А. Аннануров. Фонетика — раздел языкознания.— Ашхабад, 1959. 93 стр. [на туркм. яз.].

Г. Г. Полищук. Материалы к практическим занятиям по сравнительной грамматике восточнославянских языков (учебное пособие).— Саратов, 1959. 19 стр. [ротапринт].

М. В. Раевский. О соотношении глагольных единиц типа *übersetzen* и сложных глаголов типа *übersetzen* (к проблеме так называемых отделяемых-неотделяемых приставок в современном немецком литературном языке). Ученые записки Карельского пед. ин-та. Т. V. История. Литература. Языкознание.— 1957. Стр. 64—89 [отд. отт.].

М. В. Раевский. О некоторых лексикологических понятиях в зарубежной германистике. Ученые записки Карельского гос. пед. ин-та. Т. VI — 1959. Стр. 194—197 [отд. отт.].

Радянська школа.— Київ, 1957, № 4. 96 стр.

А. А. Москаленко. Синтаксис простого речення давньоруської і української мови. Посібник для студентів-заочників.— Одеса, 1959. 68 стр.

Бюллетень издательств Чехословацкой и Словацкой АН — апрель — июнь 1959. 68 стр.; июль — сентябрь 1959. 48 стр.— Прага — Братислава.

EOS. Roczn, XLIX (1957—1958), zesz. 2.— Wrocław, 1959.

Recueil d'études romanes. Publié à l'occasion du IX Congrès international de linguistique romane à Lisbonne du 31 mars au 3 avril 1959.— Bucarest, 1959. 344 стр.

Sborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica.—Bratislava. Ročn. X, 1958. 156 стр.

Э. Балецкий. О языковой принадлежности и заселении села Комлошка в Венгрии. Studia slavica. T. II, fasc. 1—4—1956. Стр. 345—364 [отд. отт.].

Э. Балецкий. Из наблюдений над значением и распространением слова *d'ug*. Studia slavica. T. III, fasc. 1—4—1957. Стр. 223—233 [отд. отт.]

Э. Балецкий. Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии. Studia slavica. T. IV, fasc. 1—2—1958. Стр. 23—46 [отд. отт.].

Э. Балецкий. Эгерский рукописный ирмологий. Studia slavica. T. IV, fasc. 1—2—1958. Стр. 293—323 [отд. отт.].

O. Ducháček. Joliment—bellement. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university.— 1959. Řada jazykovědná, A. 7. Стр. 99—105 [отд. отт.].

O. Ducháček. Sovětská kniha o sémantice. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. — 1959. Řada jazykovědná, A.7. Стр. 114—117 [отд. отт.].

G. Nandriş. Old Church Slavonic grammar.— London, 1959. (XVI + 235) стр.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи. Редакция заинтересована в получении кратких сообщений и заметок по конкретной тематике объемом до 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Каждая цитата должна быть завизирована автором.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах.)

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами.

Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

6. Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

ВЯ — «Вопросы языкознания»
ВИ — «Вопросы истории»
ВСЯ — «Вопросы славянского языкознания»
ВФ — «Вопросы философии»
ВДИ — «Вестник древней истории»
ИАН ОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
ИАН ОТН — «Известия АН СССР. Отделение технических наук»
«Р. яз. в шк.» — «Русский язык в школе»
«Ин. яз. в шк.» — «Иностранные языки в школе»
ФЗ — «Филологические записки»
РФВ — «Русский филологический вестник»
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗВО РАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук»
AO — «Archiv orientální»
AfslPh — «Archiv für slavische Philologie»
BPTJ — «Biuletyn Polskiego towarzystwa jezykoznawczego»
BSLP — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris»
BCLC — «Bulletin du Cercle linguistique de Copenhague»
BzNf — «Beiträge zur Namenforschung»
IF — «Indogermanische Forschungen»
KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», hrsg. von A. Kuhn
PBB — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», hrsg. von H. Paul und B. Brugmann
REG — «Revue des études grecques»
RESl — «Revue des études slaves»
RF — «Romanische Forschungen»
SaS — «Slovo a slovesnost»
TCLC — «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague»
TCLP — «Travaux du Cercle linguistique de Prague»
ZfceltPh — «Zeitschrift für celtische Philologie»
ZfPh — «Zeitschrift für Phonetik und Allgemeine Sprachwissenschaft»
ZfS — «Zeitschrift für Slavistik»
ZfslPh — «Zeitschrift für slavische Philologie»
ZfromPh — «Zeitschrift für romanische Philologie»

СОДЕРЖАНИЕ

Й. Штольц (Братислава). Некоторые вопросы общеславянского лингвистического атласа и атласа словацкого языка 3
С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов (Москва). Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части 12
В. Г. Адмони (Ленинград). Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках 22

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. Холодович (Ленинград). Опыт теории подклассов слов 32
М. М. Маковский (Москва). К проблеме так называемой «интернациональной» лексики 44
Ю. К. Лекомцев (Москва). К принципу классификации простых предложений во вьетнамском языке 52
Об образовании восточнославянских национальных литературных языков . 60

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. М. Козулин (Улан-Удэ). Русские отыменные образования причастного типа 65
Г. В. Степанов (Ленинград). Об испано-американском словообразовании 68
Э. П. Хэмп (Чикаго). О долготе гласных в венгерском языке 74
Е. А. Крейнович (Ленинград). Выражение пространственной ориентации в нивхском языке 78

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. И. Абаев (Москва). Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти 90

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. М. Яглом, Р. Л. Добрушин, А. М. Яглом (Москва). Теория информации и лингвистика 100

КОНСУЛЬТАЦИИ

Т. М. Николаева (Москва). Что такое трансформационный анализ? 111

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Г. А. Климов (Москва). К современному состоянию американистики . . 116

Рецензии

Т. В. Булыгина (Москва). *J. Loja*. Valodniecības pamatjautājumi . . . 121
Е. И. Шендельс (Москва). *J. Erben*. Abriß der deutschen Grammatik . 125
Н. Н. Амосова (Ленинград). *И. Р. Гальперин*. Очерки по стилистике английского языка 127
Г. А. Тарасова (Москва). *A. Booth, L. Brandwood, J. Cleave*. Mechanical resolution of linguistic problems 129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н. Д. Андреев (Ленинград). Совещание по математической лингвистике 131
Научно-исследовательская работа на местах 137
Хроникальные заметки 138
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию 149

SOMMAIRE

Articles: J. Stolz (Bratislave). Quelques problèmes de l'atlas linguistique du slave commun et de l'atlas linguistique du slovaque; S. E. Kručkov, L. Y. Maksimov (Moscou). Types des propositions complexes subordonnées dont la partie subordonnée se rapporte à un mot ou au groupe des mots de la partie principale; V. G. Admoni (Léningrad). Le developpement structurel de la proposition simple dans les langues indo-européennes; **Discussions**: A. A. Kholodovič (Léningrad). Essai d'une théorie des sous-classes des mots; M. M. Makovski (Moscou). Sur le problème des prétendus mots «internationaux»; Y. K. Lekomtsev (Moscou). Principes de classification des propositions simples en vietnamien; Sur la formation des langues nationales littéraires des slaves d'est; **Matériaux et communications**: N. M. Kozouline (Ulan-Ude). Formations nominales russes du type participial; G. V. Stepanov (Léningrad). Sur la formation des mots en hispano-américain; E. P. Hamp (Chicago). La longueur des voyelles en hongrois; E. A. Kreinovič (Léningrad). Expression de l'orientation dans l'éspace en nivkh; **De l'histoire de la linguistique**: V. I. Abayev (Moscou). N. Ya. Marr (1864—1934). Au 25-me anniversaire de sa mort; **Linguistique appliquée et mathématique**: I. M. Yaglom, R. L. Dobroušin, A. M. Yaglom (Moscou). La théorie d'information et la linguistique; **Consultations**: T. M. Nikolayeva (Moscou). Qu'est-ce que l'analyse transformationel?; **Critique et bibliographie**; **Vie scientifique**: N. D. Andréyev (Léningrad). Conférence consacrée aux problèmes de la linguistique mathématique; Oeuvre scientifique des linguistes dans les differentes villes de l'Union Soviétique.

CONTENTS

Articles: J. Stolz (Bratislava). Some problems of the common Slavonic linguistic atlas and the linguistic atlas of the Slovac language; S. E. Kručkov, L. Y. Maksimov (Moscow). Types of complex subordinated sentences with subordinate clauses related to one word or group of words in the main part of the sentence; V. G. Admoni (Leningrad). On the structural development of simple sentences in the Indo-European languages; **Discussions**: A. A. Kholodovič (Leningrad). On the theory of word-subclasses; M. M. Makovski (Moscow). On the problem of the so-called «international» words; Y. K. Lekomtsev (Moscow). Classification-principles of simple sentences in Vietnamese; On the formation of East-Slavonic national literary languages; **Materials and notes**: N. M. Kozulin (Ulan-Ude). Russian noun-formations of participial type; G. V. Stepanov (Leningrad). On the Hispano-American word-formation; E. P. Hamp (Chicago). Vowel-length in Hungarian; E. A. Kreinovič (Leningrad). Expression of orientation in space in the nivkh language; **From the history of linguistics**: V. I. Abayev (Moscow). N. Y. Marr (1864—1934). To the 25-th anniversary of his death; **Applied and mathematical linguistics**: I. M. Yaglom, R. L. Dobrušin, A. M. Yaglom (Moscow). The information-theory and linguistics; **Consultations**: T. M. Nikolayeva (Moscow). What is transformational analysis?; **Critics and bibliography**; **Scientific life**: N. D. Andreyev (Leningrad). Conference on mathematical linguistics; Scientific work in linguistics in the different towns of the Soviet Union.

Технический редактор *Д. А. Фрейман-Крупенский*

I-00253 Подписано к печати 26/I-1960 г. Тираж 5475 экз. Заказ 2449
Формат бумаги $70 \times 108^1/_{16}$ Бум. л. $4^3/_4$ Печ. л. 13,02 Уч.-изд. л. 15,6

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10